

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА

2021 Том 29 № 4

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-4
<http://journals.rudn.ru/economics>

Научный журнал
Издается с 1993 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61177 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Давыдов В.М., член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор кафедры Ибероамериканских исследований экономического факультета РУДН, директор Института Латинской Америки РАН, член научного совета при Совете безопасности РФ и научного совета при Министре иностранных дел РФ, Москва, Россия

Заместитель главного редактора

Решетникова М.С., кандидат экономических наук, доцент кафедры экономико-математического моделирования экономического факультета РУДН, Москва, Россия

Ответственный секретарь

Коновалова Ю.А., кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры международных экономических отношений экономического факультета РУДН, Москва, Россия

Члены редакционной коллегии

Бруно С. – доктор наук, профессор Университета Мессины (Мессина, Италия), Центра российских и евразийских исследований имени Дэвиса Гарвардского университета, Кембридж, США

Гишар Ж.П. – доктор наук, профессор факультета права и политических наук Университета Ниццы София Антиполис, Ницца, Франция

Гусакоев Н.П. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой международных экономических отношений экономического факультета РУДН, Москва, Россия

Дантас А.Т. – доктор наук, профессор департамента экономического развития экономического факультета, председатель Центра исследования Америки Университета штата Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия

Зиядуллаев Н.С. – доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Узбекистана, главный научный сотрудник Института проблем рынка РАН, заслуженный деятель науки РФ, Москва, Россия

Кенан К. – доктор наук, профессор Университета Париж III Новая Сорбонна, Париж, Франция

Кузнецов А.В. – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, врио директора ИНИОН РАН, Москва, Россия

Кулаков М.В. – доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией по изучению социально-экономических проблем развивающихся стран экономического факультета МГУ, Москва, Россия

Лавров С.Н. – доктор экономических наук, профессор, исполнительный директор бюро экономического анализа, заведующий кафедрой международного бизнеса факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Мадьярова Д.М. – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Евразийского университета имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Мосейкин Ю.Н. – доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета РУДН, Москва, Россия

Реджепаджич С. – профессор экономики, Университет Лазурного Берега, Ницца, Франция

Рекорд С.И. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой мировой экономики и международных экономических отношений экономического факультета СПбГЭУ, Санкт-Петербург, Россия

Стрыжковский Т. – профессор, директор Института социально-экономической географии и пространственного менеджмента Университета имени Адама Мицкевича в Познани, Познань, Польша

Ткаченко М.Ф. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой международных экономических отношений Российской таможенной академии, Москва, Россия

Турель И.Д. – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по науке Высшей школы экономики и менеджмента Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Турина Н. – доктор наук, профессор, директор Института администрации предприятий Университета Ниццы София Антиполис, Ницца, Франция

Школяр Н.А. – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, Москва, Россия

Ярыгина И.З. – доктор экономических наук, профессор, заведующая базовой кафедрой Газпромбанка «Экономика и банковский бизнес» МГИМО, Москва, Россия

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА

ISSN 2313-2329 (Print); ISSN 2408-8986 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством; 08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит; 08.00.14 – Мировая экономика.

Опубликованные в журнале статьи индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Mendeley, EBSCOhost.

Цели и тематика

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика – это научный журнал общео экономического содержания, где публикуются статьи теоретической и практической направленности. Целями журнала являются публикация статей российских и зарубежных исследователей по актуальным проблемам развития российской и мировой экономики, формирование научного сообщества экономистов, повышение научной активности сложившихся и молодых ученых РУДН и других вузов.

В журнале публикуются статьи, которые направлены на достижение следующих целей: проведение экономического анализа по современным вопросам макро- и микроэкономики, осмысление опыта решения важнейших социально-экономических вопросов в различных регионах и странах мира, поощрение дискуссий и обмена мнениями в области современной экономической науки.

Основные рубрики журнала:

- вопросы экономической теории;
- аспекты продвижения экономических реформ в России и других странах СНГ;
- проблемы экономической интеграции и глобализации;
- задачи экономик развитых и развивающихся стран;
- валютно-финансовые проблемы;
- аспекты экономики отраслевых рынков;
- вопросы менеджмента и маркетинга;
- междисциплинарные исследования;
- методика и методология преподавания экономических дисциплин;
- экономические обзоры и прикладные исследования;
- рецензии и др.

Основная аудитория журнала – профессиональные экономисты, преподаватели, аспиранты вузов, руководители федеральных и региональных органов власти, представители бизнеса.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/economics>

Электронный адрес: econj@rudn.ru

Редактор *Ю.А. Заикина*
Компьютерная верстка *Ю.А. Заикиной*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: +7 (495) 438-83-65; e-mail: econj@rudn.ru

Подписано в печать 18.01.2022. Выход в свет 25.01.2022. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 18,20. Тираж 500 экз. Заказ № 1142. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов»
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел. +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF ECONOMICS

2021 VOLUME 29 NUMBER 4

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-4

<http://journals.rudn.ru/economics>

Founded in 1993

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir M. Davydov, corresponding member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Full Professor, Head of Ibero-American Studies Department, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Head of the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences, Member of the Scientific Committee under the Security Council of the Russian Federation and Scientific Council under the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

DEPUTY OF THE EDITOR-IN-CHIEF

Marina S. Reshetnikova, PhD (Economics), Associate Professor, Department of Economic and Mathematic Modeling, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Yulia A. Konovalova, PhD (Economics), Senior Lecturer, Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

EDITORIAL BOARD

Sergio Bruno – Doctor of Economics, Full Professor of Political Economy, University of Messina (Messina, Italy), Researcher of Davis Center for Russian and Eurasian Studies, Harvard University, Cambridge, USA

Aléxis Toribio Dantas – Doctor of Economics, Full Professor of the Department of Economic Evolution, the Economic Science Faculty, Coordinator of NUCLEAS (Núcleo de Estudos das Américas), State University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil

Nikolay P. Gusakov – Doctor of Economics, Full Professor, Head of the International Economic Relations Department, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Jean-Paul Guichard – Full Professor of Economics, Department of Law and Political Sciences, University of Nice Sophia Antipolis, Nice, France

Mikhail V. Kulakov – Doctor of Economics, Full Professor, Head of the Laboratory for the Study of Socio-Economic Problems of Emerging Countries, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Alexey V. Kuznetsov – Doctor of Economics, corresponding member of Russian Academy of Sciences, Head of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia

Sergey N. Lavrov – Doctor of Economics, Full Professor, Executive Director of the Bureau of Economic Analysis, Head of the Department of International Business, Faculty of International Economy and International Affairs, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

Diana M. Madiyarova D.M. – Doctor of Economics, Full Professor, Department of Economics, Eurasian National University named after L.N. Gumilev, Astana, Kazakhstan

Yuri N. Moseikin – Doctor of Economics, Full Professor, Dean of the Economic Faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Carlos Quenan – Doctor of Economics, Full Professor, The New Sorbonne University, Paris, France

Srdjan Redžepagić – Research Professor, Professor of Economics, University Côte d'Azur, Nice, France

Sofia I. Rekord – Doctor of Economics, Full Professor, Head of the Global Economy and International Economic Relations Department, Faculty of Economics, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Nikolay A. Shkol'yar – Doctor of Economics, Full Professor, Leading Researcher, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Tadeusz Strykiewicz – Doctor of Economics, Full Professor, Director of the Institute of Socio-Economic Geography and Spatial Management, Adam Mickiewicz University in Poznań, Poznań, Poland

Marina F. Tkachenko – Doctor of Economics, Full Professor, Head of the Department of International Economic Relations, Russian Customs Academy, Moscow, Russia

Nadine Tournois – Doctor of Economics, Full Professor, Director of the Institute of Business Administration, University of Nice Sophia Antipolis, Nice, France

Irina D. Turgel – Doctor of Economics, Full Professor, Deputy Director for Research, Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Irina Z. Yarygina – Doctor of Economics, Full Professor, Head of Economy and Banking Department, MGIMO University, Moscow, Russia

Nabi Ziyadullaev – Doctor of Economics, Full Professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of Uzbekistan, Chief Researcher of Market Economy Institute (MIE RAS), Honored Scientist of the Russian Federation, Moscow, Russia

RUDN JOURNAL OF ECONOMICS

Published by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ISSN 2313-2329 (Print); ISSN 2408-8986 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed by Russian Index of Science Citation, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Mendeley, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of Economics is a general-interest economic journal, which publishes papers of theoretical, empirical and practical issues.

The goals of the journal are publication of papers of Russian and foreign authors on topical questions of national and world economic development, as well as building-up of academic economic society, increasing of scientific activity of senior and young researchers from Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) and other higher institutions.

The journal aims to publish articles that will serve several goals: to provide economic analysis in the field of macro- and microeconomics and finance; to integrate lessons learned from different regions and countries experience in tackling socio-economic problems; to encourage cross-fertilization of ideas among the fields of economic thinking.

Main subject fields of the journal include:

- questions of economic theory;
- economic reforms in Russia and Commonwealth countries;
- economic integration and globalization;
- developed and developing countries economy;
- monetary and financial questions;
- industrial organization markets;
- questions of management and marketing;
- interdisciplinary research;
- methodology of teaching economic subjects;
- economic reviews and applied research;
- books' reviews, etc.

Main audience of the journal – professional economists, high school teachers, postgraduate students, representatives of federal and municipal government bodies as well as business leaders.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/economics>

E-mail: econj@rudn.ru

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*
Layout Designer *Iu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of Economics:

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 438-83-65; e-mail: econj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВОЙ РЫНОК КАПИТАЛА

- Бунякова А.В., Завьялова Е.Б.** ESG-инвестирование: новое слово или новый смысл? 613

ВОПРОСЫ МЕНЕДЖМЕНТА И МАРКЕТИНГА

- Бессарабов В.О.** Институционализация методологии обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности 627

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

- Mamakhatov T., Mallah J.M.** The role of the SCO countries in ensuring China's energy security (Роль стран ШОС в обеспечении энергетической безопасности Китая) 653

МИРОВОЙ РЫНОК ТРУДА И МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ

- Ryazantsev S.V., Bragin A.D., Ochirova G.N.** Labor force shortage in Russian regions (Дефицит рабочей силы в регионах России) 664
- Valei A., Mamman S.O.** Does flexible migration policy spur competitiveness in the labor market? A case of migrants in the Russian Federation (Повышает ли гибкая политика в области трудовой миграции конкурентоспособность на рынке труда? Исследование рынка труда Российской Федерации) 673

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ

- Rezaeinejad I.** Challenges and opportunities cryptocurrency in Iran economy & e-businesses (Проблемы и возможности использования криптовалют в экономике и электронном бизнесе Ирана) 689
- Revinova S.Yu., Ivashchenko E.A.** E-commerce in China amid COVID-19 pandemic restrictions (Электронная коммерция в КНР в условиях пандемических ограничений COVID-19) 699

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

- Шиолашвили Г., Дюжева Н.В.** Внешняя торговля Грузии: роль экспорта туристических услуг 716
- Белова И.Н., Аль-Хамати М.А.** Торговые отношения России со странами Северной Африки в продовольственной сфере: состояние, проблемы и перспективы 739
- Корнеев К.А.** Актуальные тенденции торгово-экономического сотрудничества Японии со странами – членами ШОС 750

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

- Белов Ф.Д., Зволинская О.В.** Ключевые принципы формирования крестьянских (фермерских) хозяйств для эффективного развития в условиях рыночной экономики 763
- Тихомирова В.А.** Инновации в агропромышленном производстве как драйвер повышения устойчивости национальных продовольственных систем 773

МЕЖДУНАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ КАПИТАЛА

- Sokolan D.S.** China's FDI under The Belt and Road Initiative in the EU (ПИИ Китая в рамках стратегии «Один пояс – один путь» в странах ЕС) 785
- Michael M., Glory E.O., Sylvester O., Daniel O.T.** The Chinese foreign direct investment to Sub-Sahara Africa (Прямые иностранные инвестиции Китая в страны Африки к югу от Сахары) 796

ЭССЕ

- Шувалова О.В., Крейденко Т.Ф.** К юбилею профессора, доктора географических наук Ирины Александровны Родионовой – человека, который стремится сделать мир лучше 806

CONTENTS

GLOBAL CAPITAL MARKET

- Buniakova A.V., Zavyalova E.B.** ESG investment: a new word or a new world? 613

MANAGEMENT AND MARKETING ISSUES

- Bessarabov V.O.** Institutionalization of the methodology for ensuring the economic security of business 627

ECONOMIC INTEGRATION AND GLOBALIZATION

- Mamakhatov T., Mallah J.M.** The role of the SCO countries in ensuring China's energy security 653

INTERNATIONAL LABOUR MARKET AND INTERNATIONAL MIGRATION

- Ryazantsev S.V., Bragin A.D., Ochirova G.N.** Labor force shortage in Russian regions 664
- Valei A., Mamman S.O.** Does flexible migration policy spur competitiveness in the labor market? A case of migrants in the Russian Federation 673

ECONOMIC AND SOCIAL TRENDS

- Rezaeinejad I.** Challenges and opportunities cryptocurrency in Iran economy & e-businesses 689
- Revinova S.Yu., Ivashchenko E.A.** E-commerce in China amid COVID-19 pandemic restrictions 699

INTERNATIONAL TRADE IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

- Shiolashvili G., Dyuzheva N.V.** Foreign trade in services of Georgia: the role of tourism export 716
- Belova I.N., Al-Hamati M.A.** Trade relations between Russia and the countries of North Africa in the food sector: state, problems and prospects 739
- Korneev K.A.** Current trends in Japan's economic cooperation with the SCO member states 750

ECONOMIC GROWTH AND SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

- Belov F.D., Zvolinskaya O.V.** Basic principles of farming for effective development in a market economy 763
- Tikhomirova V.A.** Innovations in agro-industrial production as a driver of increasing the resilience of national food systems 773

INTERNATIONAL CAPITAL MOVEMENT

- Sokolan D.S.** China's FDI under The Belt and Road Initiative in the EU 785
- Michael M., Glory E.O., Sylvester O., Daniel O.T.** The Chinese foreign direct investment to Sub-Sahara Africa 796

ESSAYS

- Shuvalova O.V., Kreydenko T.F.** To the anniversary of Professor, Doctor of Geography Irina Rodionova – a woman who works to make the world a better place 806

МИРОВОЙ РЫНОК КАПИТАЛА GLOBAL CAPITAL MARKET

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-4-613-626

УДК 338

Научная статья / Research article

ESG-инвестирование: НОВОЕ СЛОВО ИЛИ НОВЫЙ СМЫСЛ?

А.В. Бунякова✉, Е.Б. Завьялова^{ID}

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Российская Федерация, 119454, Москва, пр-кт Вернадского, д. 76
✉ anastasia_6967@mail.ru*

Аннотация. Современная динамика развития в области финансов и инвестирования во многом направлена на учет инвесторами широкого спектра нефинансовых факторов при принятии инвестиционных решений. В последнее время особую популярность приобретает ESG-инвестирование, принимающее в расчет экологические (E), социальные (S) и управленческие (G) аспекты деятельности компаний. При этом четкого определения или понимания границ ESG-инвестирования на данный момент не существует. Это и обуславливает актуальность исследования, целью которого является выявление сущности понятия «ESG-инвестирование» и основных особенностей, отличающих его от иных видов инвестирования. Для этого использовалась методология системного анализа, методы исторического и сравнительного анализа. В результате сделан вывод о том, что, несмотря на комплексный характер и растущую актуальность, ESG-инвестирование нельзя считать универсальным собирательным термином для всех видов инвестирования, учитывающих нефинансовые факторы. Связано это со смысловым акцентом концепции на трех группах ESG-факторов, ESG-рисках и их влиянии на финансовый результат. При этом предполагается, что рост частотности употребления схожих терминов «ESG-инвестирование», «устойчивое инвестирование» и «ответственное инвестирование» отражает интерес различных заинтересованных групп именно в характерных особенностях этих понятий.

Ключевые слова: ESG-инвестирование, ESG-критерии, ESG-риски, ответственное инвестирование, социально ответственное инвестирование, импакт-инвестирование, устойчивое инвестирование, устойчивые финансы, нефинансовые факторы

История статьи: поступила в редакцию 15 июля 2021 г.; проверена 4 августа 2021 г.; принята к публикации 12 сентября 2021 г.

© Бунякова А.В., Завьялова Е.Б., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Бунякова А.В., Завьялова Е.Б. ESG-инвестирование: новое слово или новый смысл? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29. № 4. С. 613–626. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-623-626>

ESG investment: a new word or a new world?

Anastasia V. Buniakova✉, **Elena B. Zavyalova**

*Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University),
76 Vernadskogo Prospekt, Moscow, 119454, Russian Federation*

✉ anastasia_6967@mail.ru

Abstract. Modern investors and financiers are increasingly considering a wide range of non-financial factors when making investment decisions. ESG investment (investing), which considers environmental (E), social (S) and governance (G) aspects of companies' activities, has been gaining momentum for quite a while. At the same time there is no clear definition or understanding of the boundaries of ESG investing now. That explains the relevance of the research with its purpose to examine the essence of the “ESG investment” concept and the basic features distinguishing it from other kinds of investing. This purpose is fulfilled through the methodology of system analysis, methods of historical and comparative analysis. As a result, the authors concluded that, despite its comprehensive nature and growing relevance, ESG investing cannot be considered an umbrella term for all types of values-based investment. This is due to the concept's semantic emphasis on the three groups of ESG factors, ESG risks and their impact on financial results. Arguably, the growing use of the similar terms “ESG investing,” “sustainable investing” and “responsible investing” reflects the interest of various stakeholders in the characteristic features of these concepts.

Keywords: ESG investment, ESG criteria, ESG risks, responsible investment, socially responsible investment, impact investment, sustainable investment, sustainable finance, non-financial factors

Article history: received July 15, 2021; revised August 4, 2021; accepted September 12, 2021.

For citation: Buniakova, A.V., & Zavyalova, E.B. (2021). ESG investment: A new word or a new world? *RUDN Journal of Economics*, 29(4), 613–626. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-613-626>

Введение

ESG-инвестирование как термин появилось относительно недавно, и его точного общепринятого определения в настоящее время не существует. Неясным на данный момент остается и влияние ESG-факторов на принятие инвестиционных решений. При этом сама аббревиатура ESG (environmental, social, governance) задает довольно четкие границы понятия, акцент в нем ставится именно на учете влияния:

– деятельности компании на окружающую среду (E) – вопросы углеродного следа, управления отходами, энергоэффективности, биоразнообразия, загрязнения воды и воздуха;

– деятельности компании на общество в широком смысле (S) – вопросы разнообразия, инклюзивности, прав человека, условий труда сотрудников, удовлетворенности клиентов, влияния на местные сообщества;

– управленческих факторов на деятельность компании (G) – вопросы вознаграждения руководящего звена, независимости членов совета директоров, структуры комитета по аудиту, коррупции и взяточничества, отношений с акционерами.

При этом особенностью современного этапа является усиливающаяся тенденция не ограничивать анализ ESG-факторов рамками самой компании, а распространять ESG-принципы на всю цепочку поставок.

Термин ESG-инвестирование тесно связан с другими понятиями в области инвестирования, основанного на учете нефинансовых факторов при принятии финансовых решений. Целью исследования является выявление сущности понятия «ESG-инвестирование» и основных особенностей, отличающих его от иных видов инвестирования. Для этого необходимо, с одной стороны, рассматривать его с точки зрения сравнения со схожими терминами в области инвестиций, а с другой стороны, следует изучить историю возникновения понятия инвестирования, учитывающего нефинансовые показатели в принципе, чтобы в дальнейшем определить место ESG-инвестирования в нем, а также сделать вывод о том, является ESG-инвестирование новым собирательным понятием или же отдельным инвестиционным подходом.

Обзор литературы

Сама по себе концепция инвестирования на основе учета нефинансовых факторов не нова: исторически ее зарождение связывается с вопросами этических норм, ценностей и религиозных убеждений (Sherwood, Pollard, 2019).

Например, в христианстве методисты, квакеры и другие конфессии сознательно избегали инвестирования в «акции греха» (sin stocks), которые включали в себя целый ряд отраслей и товаров, таких как алкоголь, табак, азартные игры и продукция военного назначения (Schueth, 2003; Brimble, Smark, 2013; Waring, Lewer, 2004; Renneboog et al., 2008). Также квакеры еще в XVIII в. действовали в соответствии со своими религиозно-этическими убеждениями и при осуществлении инвестиций использовали методику отрицательного отбора¹, в знак протеста против работорговли. Однако считается, что основные принципы появившегося позднее социально ответственного инвестирования были изложены в проповеди руководителя методистского движения Джона Уэсли «Использование денег», которую он произнес в 1872 г. (Sherwood, Pollard, 2019). Согласно этой проповеди, денежные средства следовало инвестировать таким образом, чтобы не навредить другим людям.

Другой пример влияния веры на инвестиционные процессы представляют собой мусульманские религиозные предписания. Толкование Корана значительно повлияло на практику инвестирования и в дальнейшем привело

¹ Отрицательный отбор (англ. negative screening) – практика отказа от инвестиций в компании (или целые отрасли), которые не соответствуют морально-этическим, экологическим и прочим убеждениям инвестора.

к появлению исламского инвестирования (инвестирования в соответствии с законами шариата). Так, в исламском инвестировании существуют нормы для доли заемных средств, по которым выплачиваются проценты; доли объектов инвестирования в инвестиционном портфеле, не соответствующих шариату; доли прибыли, получаемой от инвестиций, не соответствующих шариату (Lobe et al., 2012). Кроме того, исламские инвесторы применяют практику отрицательного отбора, исключая компании, связанные с производством табачной и алкогольной продукции, вооружения, переработкой свинины, а также с азартными играми, музыкой, гостиничным бизнесом, кинотеатрами и традиционными финансами.

Большой толчок этическое инвестирование получило с середины XX в., в период после Второй мировой войны, в условиях холодной войны, усиления антивоенных настроений, движения за гражданские права, расширения прав и свобод женщин и других социально-политических инициатив, динамичного культурного и экономического развития, продвижения экологической повестки на международной арене и т. д. (Renneboog et al., 2008; Gilbert, 2010; Schueth, 2003). В это время происходит смещение акцента с вопроса о необходимости этического инвестирования как такового на проблему методов учета нефинансовой информации в теории принятия инвестиционных решений (Schueth, 2003). А в 1970-х гг., по мнению ряда исследователей, этическое инвестирование начинают рассматривать как всеобщую (а не нишевую) инвестиционную философию (Revelli, 2016; Epstein, 1987; Schueth, 2003) и один из основных актуальных вопросов (Epstein, 1987; Schueth, 2003; Berry, Junkus, 2012; Hill et al., 2006).

В 1960–1970-е гг. идеи инвестирования на основе ценностей начинают получать институциональное оформление: например, создаются исламский инвестиционный фонд Lembaga Tabung Haji в Малайзии (1962 г.), фонд Aktie Ansvar Myrberg в Швеции (1965 г.), The Pax World Fund в США (1972 г.) (Sherwood, Pollard, 2019).

Несколько позднее, на фоне геополитической нестабильности в Африке, беспрецедентных масштабов достигает использование отрицательного отбора при осуществлении инвестиций. Под влиянием «Принципов Салливана», призванных служить руководством для ведения деятельности в ЮАР, в 1972 г. членами профсоюза Longshoremen and Warehouse Union было принято решение не инвестировать пенсионные накопления в акции южноафриканских компаний в знак протеста против режима апартеида. Это решение является одним из первых документально подтвержденных примеров отрицательного отбора подобного масштаба (Waring, Lewer, 2004).

Параллельно социально-ответственное инвестирование получает и теоретическое подкрепление. Если в рамках неоклассической школы традиционно считались неизменяемыми положения о рациональной и эгоистичной природе Homo economicus, стремящегося максимизировать свою выгоду (полезность) и реализовать собственные интересы, то в середине XX в. широкое распространение получают идеи поведенческой экономики, привносящие элементы когнитивной психологии в классическую экономическую теорию и иррациональности поведения в модель *Человека экономического*.

Сторонники поведенческой экономики (А. Тверски, Д. Канеман, Г. Беккер, Г. Саймон, Д. Ариэли, Р. Талер и т. д.) продемонстрировали влияние человеческой природы на экономическую сферу, подвергая сомнению тезис о том, что человек принимает рациональные решения, руководствуясь исключительно собственными интересами. Иными словами, сторонники поведенческой экономики приходят к выводу, что человек либо руководствуется не только собственными интересами, либо сфера его интересов гораздо шире, чем исключительно его личная выгода. В любом случае, этот вывод (своевременно) составляет теоретическую базу для потенциального включения в вопросы инвестирования более широкого круга ценностей, чем личная материальная выгода.

Наконец, в XXI в. вопросы ответственного инвестирования получают новый импульс за счет следующих факторов:

- усиления финансовализации экономики и роста значимости инвестирования как такового;
- продвижения концепции устойчивого развития как гармоничного сочетания экономического, экологического и социального развития во всех сферах, включая финансовый сектор;
- изменения предпочтений ряда потребителей и инвесторов (в основном поколения миллениалов);
- продолжения развития теоретической базы (оформление идей поведенческой экономики в экономической теории, «теории соучастников» и «концепции заинтересованных сторон (стейкхолдеров)» в теории корпоративного управления).

В середине 2000-х гг. распространение получает аббревиатура ESG и связанные с ней ESG-критерии, ESG-риски, ESG-инвестирование. Возникновение и внедрение термина часто связывается с именем Генерального секретаря ООН Кофи Аннана, по инициативе которого совместно с рядом финансовых организаций в 2004 г. был выпущен доклад «Who Cares Wins»². В докладе не приводятся определения ESG-инвестирования, однако расставлены акценты на экологических, социальных и управленческих факторах, которые, по словам авторов доклада, могут не только внести вклад в устойчивое развитие общества, но и оказать положительное влияние на репутацию и капитализацию компании посредством более эффективного управления рисками.

В XXI в. исследования инвестиций, основанных на учете нефинансовых факторов, и, в частности, вопросы ESG-инвестирования встречаются и в трудах российских ученых: в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) отображается 525 статей и книг, посвященных ESG-инвестициям. Почти 80 % из них опубликованы в период с 2017 по 2021 г., и 65 % – в последние три года, что говорит о растущем интересе к данной

² Who Cares Wins: connecting financial markets to a changing world: доклад в рамках инициативы ООН «Глобальный договор» / The Global Compact. URL: https://www.unepfi.org/fileadmin/events/2004/stocks/who_cares_wins_global_compact_2004.pdf (дата обращения: 28.04.2021).

тематике в российских научных кругах³. Отечественные исследователи говорят о роли международного сотрудничества в привлечении частного капитала к «зеленому» финансированию (Худякова, 2017), реформе глобальных финансов в контексте устойчивого развития (Худякова, 2018), создании системы устойчивого финансирования в Европейском союзе (Худякова, 2019); об институтах рынка устойчивых финансовых услуг, о содержании концепции ответственных инвестиций и возможности рассматривать ее в контексте более широкой концепции устойчивых финансов (Львова, 2019); о мерах стимулирования выпуска зеленых облигаций российскими компаниями и перспективах зеленого финансирования в России (Рубцов, Анненская, 2019) и о растущем тренде ответственного инвестирования в России (Анненская, 2020). Их интересуют причины, обусловившие развитие социально ответственного инвестирования (Кабир, 2017) и преимущества устойчивого инвестирования при учете ESG-факторов (Семешина, 2019).

В целом на современном этапе наблюдается быстрое распространение принципов инвестирования, связанного с учетом нефинансовых факторов, не только морально-этических норм и убеждений, но и воздействия деятельности компании на экологию и социум. Однако для того, чтобы разобраться во всех нюансах такого рода инвестирования, необходимо изучить вопрос соответствующей терминологии.

Методы и подходы

При написании статьи применялся ряд научных методов и подходов. Прежде всего авторами использовалась методология системного анализа, благодаря которой удалось собрать воедино широкий спектр понятий в области инвестирования, основанного на учете нефинансовых факторов при принятии инвестиционных решений, и проанализировать их сущность. Примененные в дальнейшем методы исторического и сравнительного анализа позволили отследить эволюцию изучаемых понятий и выявить смысловые пересечения и смысловые различия.

Результаты

Терминологические нюансы в области ESG-инвестирования

Исследователь Рассел Спарк в статье под названием «Этические инвестиции: чья этика, какие инвестиции?» описывает проблему следующим образом: для этой области «характерна в лучшем случае свободная терминология, а в худшем – концептуальная путаница» (Sparkes, 2001). Критическое замечание Спаркса можно считать справедливым и актуальным, поскольку и в настоящее время среди ученых и инвесторов нет согласия в отношении терминологии в сфере ответственного инвестирования.

Так, в некоторых случаях даже представляется рациональным избегать конкретной терминологии во избежание недопонимания ввиду различных трактовок. Например, в докладе организации Глобальный договор (ООН)

³ Статистические данные собраны на основе результатов поиска в системе РИНЦ (дата обращения: 20.06.2021). Поиск осуществляется в полном тексте статей в журналах и книг.

2004 г. термин «ESG-инвестиции» не используется, больше того, авторы доклада сознательно его избегают. Однако они используют такие словосочетания как «экологические, социальные и управленческие аспекты (критерии, факторы, вопросы)», «ESG-аспекты (критерии, факторы, вопросы)», что дает возможность всем заинтересованным сторонам понять, о чем идет речь.

С развитием и ростом популярности устойчивых финансов появляется все больше терминов и их трактовок, происходит эволюция терминологии. Избегать употребления понятий в области ESG-инвестирования становится невозможно и появляются различные подходы к интерпретации этих понятий.

При первом приближении ESG-инвестирование можно рассматривать через призму двух основных подходов: 1) ESG-инвестиции как отдельный инвестиционный подход; 2) ESG-инвестиции как собирательный термин.

Например, У. Шервуд и Дж. Поллард являются сторонником второго подхода, определяя ESG-инвестиции как «концептуальный принцип исследовательской и инвестиционной стратегии, которая оценивает экологические, социальные и управленческие факторы в качестве нефинансовых аспектов оценки стоимости ценной бумаги, динамики ее доходности и риск-профиля» (Sherwood, Pollard, 2019).

С другой стороны, Дж. Хилл, напротив, использует этот термин для определения конкретного подхода к портфельному инвестированию, в рамках которого инвестор осуществляет вложения в государственные долговые обязательства и/или акции, зачастую посредством паевых фондов или ETF фондов. Как правило, целью такого портфеля является получение доходности не ниже рыночной при инвестировании в активы, которые имеют положительную оценку с точки зрения ESG-факторов (Hill, 2020).

Но терминология в сфере инвестирования, учитывающего нефинансовые аспекты, не ограничивается различными трактовками самого термина «ESG-инвестирование». Эта область включает в себя целый ряд понятий: sustainable investment, ethical investment, socially responsible investment, responsible investment, impact investment, mission investment и может рассматриваться в качестве зонтичной теории. Грань между этими понятиями иногда представляется настолько тонкой, что некоторые эксперты склоняются к тому, чтобы в принципе ее не замечать. Они полагают, что принципиальной разницы между вышеупомянутыми понятиями нет, поскольку, в сущности, все они имеют одно и то же значение и, следовательно, могут использоваться как взаимозаменяемые (Schueth, 2003).

Другие ученые, исследователи, а также международные организации предпринимают попытки подобрать полные и точные определения для каждого термина. Некоторые подвижки в этом направлении прослеживаются: одни термины получили закрепление в рамках международных организаций и среди их членов, для разграничения других можно подобрать ключевые характеристики.

Необходимо сделать оговорку о том, что англоязычная и русскоязычная терминология не вполне совпадает, что предположительно связано с началом развития теоретической базы и публикацией первых научных исследований на английском языке, а также с относительно невысоким уров-

нем развития самой сферы ответственного инвестирования в России. Поэтому представляется целесообразным сосредоточиться в первую очередь на англоязычной лексике, рассматривая при этом некоторые широкоупотребляемые понятия в российской науке и практике. Итак, ниже представлены характеристики некоторых наиболее известных понятий в сфере ESG-инвестирования.

Социально ответственные инвестиции, СОИ (socially responsible investment, SRI) – представляют собой инвестиции, в основе которых лежат определенные морально-этические соображения. Последние могут быть связаны с религиозными, политическими или иными убеждениями. Отличительной особенностью социально ответственных инвестиций является тот факт, что при такого рода инвестировании, как правило, применяется стратегия отрицательного отбора или «негативного скрининга» (negative screening) (Hill, 2020). Исключаться могут, например, компании-производители алкогольной продукции, табачных изделий, представители игорного бизнеса, поставщики вооружения, а также целые отрасли, страны и группы стран.

Устойчивое инвестирование (sustainable investing) – это категория инвестиций, в рамках которой учитываются экологические, социальные и управленческие критерии (ESG-критерии) для обеспечения долгосрочной финансовой отдачи и положительного социального эффекта⁴.

Организация Принципы ответственного инвестирования ООН (UNPRI) определяет *ответственные инвестиции (responsible investing)* как «подход к инвестированию, который направлен на учет экологических, социальных и управленческих (ESG) факторов при принятии инвестиционных решений, в целях лучшего управления рисками и обеспечения устойчивой, долгосрочной отдачи»⁵. Этот подход предполагает постоянный мониторинг, систематическое выявление, оценку и управление существенными ESG-рисками. Также в рамках ответственного инвестирования учитывается не определенный узкий аспект (например, соответствие законам шариата), а широкий спектр факторов (например, влияние деятельности на биоразнообразие и местные сообщества, права человека, выбросы парниковых газов, разнообразие в совете директоров и т. д.). В том числе ESG-факторы считаются обязательным элементом инвестирования, поскольку оказывают значительное влияние на доходность (Hill, 2020).

Импакт-инвестиции – инвестиции, направляемые в компании, организации, фонды с целью оказания положительного влияния на общество и окружающую среду наряду с получением финансовой доходности⁶.

В отличие от других видов инвестиций, говоря об импакт-инвестициях, большинство экспертов подчеркивают именно аспект положительного воз-

⁴ The Forum for Sustainable and Responsible Investment. URL: <https://www.ussif.org/sribasics> (accessed: 08.04.2021).

⁵ The United Nations Principles of Responsible Investment. URL: <https://www.unpri.org/download?ac=11259> (accessed: 11.05.2021).

⁶ Global Impact Investing Network. URL: <https://thegiin.org/impact-investing/need-to-know/> (accessed: 24.04.2021).

действия на внешнюю (по отношению к инвесторам) среду: «основная цель импакт-инвестиций – оказание определенного влияния на общество или окружающую среду» (Hill, 2020); «важнейшим аспектом импакт-инвестирования является намерение инвестора оказать положительное воздействие на экологию или общество»⁷.

Еще одной отличительной чертой импакт-инвестиций является тот факт, что в 75 % случаев вложения осуществляются не в акции публичных компаний и государственные долговые бумаги, а в другие классы активов: а) корпоративные долговые ценные бумаги (34 %); б) реальные (имеющие материально-вещественную форму) активы (22 %); в) инвестиции в непубличные компании (19 %) (Hill, 2020).

Кроме того, такие инвестиции могут осуществляться из расчета на минимальную или нулевую прибыль, хотя это и не является обязательным критерием (Hill, 2020)⁸. Например, в одном из недавних исследований-обзоров на основе нескольких десятков исследований делается вывод о том, что доходность импакт-инвестиций не уступает доходности традиционных инвестиционных портфелей⁹.

Понятием, тесно связанным с импакт-инвестициями, является *mission investment*, то есть инвестиции благотворительных фондов, религиозных организаций и т. д., которые имеют четко определенную сферу деятельности и именно в рамках этой деятельности стремятся оказать положительное воздействие посредством своих вложений (Hill, 2020).

Таким образом, можно сделать следующий вывод. В области инвестирования, учитывающего нефинансовые аспекты деятельности компании при принятии инвестиционных решений, существует целый ряд схожих терминов, между которыми в некоторых случаях можно провести различие, акцентируя внимание на нюансах значений (например, импакт-инвестиции, социально-ответственные инвестиции и др.). В других случаях разграничить понятия оказывается практически невозможно и, вероятно, нецелесообразно. Например, понятия устойчивое инвестирование (*sustainable investment*) и ответственное инвестирование (*responsible investment*) представляются практически идентичными.

Что касается ESG-инвестирования, то нельзя однозначно определить его как собирательный термин, ввиду его особого внимания к трем конкретным аспектам (экологическая, социальная и управленческая сферы), управлению рисками и финансовой отдаче. ESG-инвестирование по сути близко ответственному и устойчивому инвестированию и, вероятно, имеет смысл выделять его в отдельный подход.

⁷ Global Impact Investing Network. URL: <https://thegiin.org/impact-investing/need-to-know/> (accessed: 24.04.2021).

⁸ Ibid.

⁹ Mudaliar A., Bass R. Evidence on the financial performance of impact investments 2017 / Global Impact Investing Network (GIIN). URL: https://thegiin.org/assets/2017_GIIN_FinancialPerformanceImpactInvestments_Web.pdf (accessed: 13.05.2021).

Эволюция терминологии. Или эволюция сущности понятия?

Неоднозначную терминологическую ситуацию усугубляет еще и тот факт, что терминология в сфере устойчивых финансов постоянно претерпевает изменения. Например, как отмечают исследователи, в определенный период на смену распространенному ранее словосочетанию *ethical investment* (этичные инвестиции) пришел термин *socially responsible investment* (социально ответственные инвестиции) (Sparkes, Cowton, 2004).

Очевидно, процесс преобразования терминологии будет продолжаться. Так, например, в 2007 г. президент и генеральный директор *Pax World Management LLC* Джозеф Ф. Киф высказал предположение о том, что в течение следующих 15 лет должен произойти переход от «старого мира социально ответственного инвестирования к новому миру устойчивого инвестирования» (Keefe, 2007). В настоящее время мы действительно стали свидетелями этого перехода: частотность употребления терминов *sustainable investment* и *responsible investment* в последние годы заметно возросла.

Для наглядной иллюстрации эволюции терминологии достаточно привести следующие наиболее яркие примеры.

В 2009 г. крупный британский форум *UK Social Investment Forum* изменил свое название на *UK Sustainable Investment and Finance Association*.

Аналогичным образом, в 2011 г. американский форум *US Social Investment Forum* был переименован в *Forum for Sustainable and Responsible Investment*. При этом руководство компании отмечало, что новое название призвано лучше отражать современные реалии изменившегося мира.

В 2006 г. Организацией объединенных наций была сформирована организация Принципы ответственного инвестирования – *Principles of responsible investment*. Выбор названия организации явным образом указывает на осознанный отказ от термина *SRI* в пользу *RI*.

Пример Австралии позволяет проследить десятилетнюю эволюцию терминологии. В 1999 г. в Австралии была основана ассоциация *Ethical Investment Association*. В 2002 г. ассоциацией было запущено ежегодное исследование под названием *Socially Responsible Investment in Australia*, при этом название самой ассоциации было сохранено. Наконец, в 2007 г. Ассоциация была переименована в *Responsible Investment Association Australasia (RIAA)*.

Открытым остается вопрос: отражает ли повышение частотности употребления терминов *sustainable investment* и *responsible investment* смещение сущностных акцентов или же речь идет лишь о замене слов как таковых, без какого-либо изменения смысла? В исследованиях различных ученых находят аргументы в пользу первого.

К примеру, в 1990-х гг. в основном использовался термин *ethical investment* и основное внимание в научных журналах и газетах также уделялось вопросам этики (Capelle-Blancard, Monjon, 2011). На современном этапе большее распространение получают термины *sustainable investment* и *responsible investment*, в определениях которых чаще отражаются вопросы управления рисками и обеспечения устойчивой, долгосрочной финансовой отдачи. С точки зрения содержания научной и публицистической литературы:

а) вопросы связанные с личными морально-этическими представлениями стали встречаться реже; б) различные аспекты инвестиционных стратегий – чаще; в) а в подавляющем большинстве источников наблюдается рост интереса к финансовой стороне ответственного инвестирования и взаимосвязи ESG-факторов и финансовых результатов (Capelle-Blancard, Monjon, 2011)¹⁰.

Таким образом, в определении терминов отражен смысловой акцент на использовании ESG-факторов в целях учета экологических, социальных и управленческих рисков, управление ими и принятие оптимальных инвестиционных решений для получения благоприятных финансовых и нефинансовых результатов. При этом этот смысловой акцент новой терминологии (смещение смыслового акцента) соответствует реальному запросу со стороны исследователей и общества. Иными словами, термины *sustainable investment* и *responsible investment* в настоящее время используются чаще, потому что как ученым, так и инвесторам и обществу более интересна новая повестка, которую они отражают: ESG-риски и их воздействие на финансовый результат. Кроме того, популярность этих терминов может связываться еще и с тем фактом, что за счет своей расплывчатости и анализа широкого круга факторов при принятии инвестиционных решений у инвестора создается впечатление, что ему удалось учесть все аспекты и найти правильный баланс между тремя компонентами устойчивого развития: экономическим, экологическим и социальным.

Заключение

Таким образом, в настоящее время принципы инвестирования, связанного с учетом нефинансовых факторов (не только морально-этических соображений, но и влияния деятельности компании на общество и экологию) приобретают все большую актуальность.

По итогам проведенного анализа можно сделать вывод о том, что популярность использования ESG-факторов возрастает; некоторые понятия в этой области на современном этапе уже теряют свою актуальность, а такие термины, как устойчивое и ответственное инвестирование по своей сущности практически идентичны ESG-инвестированию, отражая всеобщий интерес к характерным именно для ESG-инвестирования аспектам.

Однако в отличие от многих других терминов в этой области, основной акцент в ESG-инвестировании ставится на учете трех конкретных аспектов: экологического (E), социального (S) и управленческого (G), а также на управлении рисками и устойчивой финансовой отдаче. Поэтому нельзя однозначно утверждать, что ESG-инвестирование – это универсальный собирательный термин и на данный момент, вероятно, лучше выделять его в отдельный (быстро набирающий популярность) подход.

¹⁰ Hoepner A.G.F., McMillan D.G. Research on responsible investment: an influential literature analysis comprising a rating, characterization, and investigation: working paper. 2009. URL: <https://ssrn.com/abstract=1454793> (accessed: 13.05.2021).

Список литературы

- Анненская Н.Е.* Ответственное инвестирование – нарастающий тренд на российском финансовом рынке // Дайджест-Финансы. 2020. Т. 25. № 4 (256). С. 462–479.
- Кабир Л.С.* Социально ответственное инвестирование: тренд или временное явление? // Экономика. Налоги. Право. 2017. № 10. С. 35–41.
- Львова Н.А.* Ответственные инвестиции: теория, практика, перспективы для Российской Федерации // Научный журнал ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2019. № 3. С. 56–67.
- Рубцов Б.Б., Анненская Н.Е.* «Зеленые» облигации – особый инструмент в создании дорожной карты «зеленых» финансов // Банковские услуги. 2019. № 11. С. 2–9.
- Семешина Н.Т.* Преимущества устойчивого инвестирования // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2019. № 6 (79). С. 237–244.
- Худякова Л.С.* Международное сотрудничество в развитии «зеленого» финансирования // Деньги и кредит. 2017. № 7. С. 10–18.
- Худякова Л.С.* Реформа глобальных финансов в контексте устойчивого развития // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 7. С. 38–47.
- Худякова Л.С.* Создание системы устойчивого финансирования в Европейском союзе // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 7. С. 16–22.
- Berry T.C., Junkus J.C.* Socially responsible investing: an investor perspective // Journal of Business Ethics. 2012. Vol. 112. No. 4. Pp. 707–720.
- Brimble M., Smark C.* Financial planning and financial instruments: 2013 in review, 2014 in prospect // Australasian Accounting, Business and Finance Journal. 2013. Vol. 7. No. 3. Pp. 1–4.
- Capelle-Blancard G., Monjon S.* Trends in the literature on socially responsible investment: looking for the keys under the lamppost // Business Ethics: A European Reviewer. 2012. Vol. 2. No. 3. Pp. 239–250.
- Epstein E.* The corporate social policy process and the process of corporate governance // American Business Law Journal. 1987. Vol. 25. No. 3. P. 361.
- Gilbert K.* The managers: money from trees: asset managers are finding an unlikely new source of alpha: responsible investing // Institutional Investor. 2010. Vol. 44. No. 9. P. 42.
- Hill J.* Environmental, social, and governance (ESG) investing. A balanced analysis of the theory and practice of a sustainable portfolio. London: Academic Press, 2020. 357 p.
- Hill R.P., Ainscough T., Shank T., Manullang D.* Corporate social responsibility and socially responsible investing: a global perspective // Journal of Business Ethics. 2006. Vol. 70. No. 2. Pp. 165–174.
- Keefe J.F.* From SRI to sustainable investing // GreenMoney Journal. 2007, Summer. URL: http://www.paxworld.com/pax_code/articles/jkeefegmarticle.pdf (accessed: 14.05.2021).
- Lobe S., Röble F., Walkshäusl C.* The price of faith: performance, bull and bear markets, and screening effects of Islamic investing around the globe // Journal of Investing. 2012. Vol. 21. No. 4. Pp. 153–164.
- Renneboog L., Ter Horst J., Zhang C.* Socially responsible investments: institutional aspects, performance, and investor behavior // Journal of Banking & Finance. 2008. Vol. 32. No. 9. Pp. 1723–1742.
- Revelli C.* Re-embedding financial stakes within ethical and social values in socially responsible investing (SRI) // Research in International Business and Finance. 2016. Vol. 38. Pp. 1–5.
- Schueth S.* Socially responsible investing in the United States // Journal of Business Ethics. 2003. Vol. 43. No. 3. Pp. 189–194.
- Sherwood W., Pollard J.* Responsible investing: an introduction to environmental, social, and governance investments. New York: Routledge, 2019. 270 p.
- Sparkes R.* Ethical investment: whose ethics, which investment? // Business Ethics: A European Review. 2001. Vol. 10. No. 3. Pp. 194–205.

- Sparkes R., Cowton C. The maturing of socially responsible investment: a review of the developing link with corporate social responsibility // *Journal of Business Ethics*. 2004. Vol. 52. No. 1. Pp. 45–57.
- Waring P., Lewer J. The impact of socially responsible investment on human resource management: a conceptual framework // *Journal of Business Ethics*. 2004. Vol. 52. No. 1. Pp. 99–108.

References

- Annenskaya, N. (2020). Responsible investing – a growing trend on the Russian market. *Digest Finance*, 25(4(256)), 462–479. (In Russ.)
- Berry, T.C., & Junkus, J.C. (2012). Socially responsible investing: An investor perspective. *Journal of Business Ethics*, 112(4), 707–720.
- Brimble, M., & Smark, C. (2013). Financial planning and financial instruments: 2013 in review, 2014 in prospect. *Australasian Accounting, Business and Finance Journal*, 7(3), 1–4.
- Capelle-Blancard, G., & Monjon, S. (2012). Trends in the literature on socially responsible investment: Looking for the keys under the lamppost. *Business Ethics: A European Reviewer*, 2(3), 239–250.
- Epstein, E. (1987). The corporate social policy process and the process of corporate governance. *American Business Law Journal*, 25(3), 361.
- Gilbert, K. (2010). The managers: Money from trees: Asset managers are finding an unlikely new source of alpha: Responsible investing. *Institutional Investor*, 44(9), 42.
- Hill, J. (2020). Environmental, social, and governance (ESG) investing. A balanced analysis of the theory and practice of a sustainable portfolio. London, Academic Press.
- Hill, R.P., Ainscough, T., Shank, T., & Manullang, D. (2006). Corporate social responsibility and socially responsible investing: A global perspective. *Journal of Business Ethics*, 70(2), 165–174.
- Kabir, L. (2017). Socially responsible investment: A trend or a temporary phenomenon? *Economics, Taxes & Law*, (10), 35–41. (In Russ.)
- Keefe, J.F. (2007, Summer). From SRI to sustainable investing. *GreenMoney Journal*. Retrieved May 14, 2021, from http://www.paxworld.com/pax_code/articles/jkeefegmarticle.pdf
- Khudyakova, L. (2017). International cooperation as a driver of green finance. *Russian Journal of Money and Finance*, (7), 10–18. (In Russ.)
- Khudyakova, L. (2018). Reforming global finance in the context of sustainable development. *World Economy and International Relations*, 62(7), 38–47. (In Russ.)
- Khudyakova, L. (2019). Creating a system of sustainable finance in the EU. *World Economy and International Relations*, 63(7), 16–22. (In Russ.)
- Lobe, S., Röble, F., & Walkshäusl, C. (2012). The price of faith: Performance, bull and bear markets, and screening effects of Islamic investing around the globe. *Journal of Investing*, 21(4), 153–164.
- Lvova, N. (2019). Responsible investment: Theory, practice, prospects for the Russian Federation. *Scientific Journal NRU ITMO. Series: Economics and Environmental Management*, (3), 56–67. (In Russ.)
- Renneboog, L., Ter Horst, J., & Zhang, C. (2008). Socially responsible investments: Institutional aspects, performance, and investor behavior. *Journal of Banking & Finance*, 32(9), 1723–1742.
- Revelli, C. (2016). Re-embedding financial stakes within ethical and social values in socially responsible investing (SRI). *Research in International Business and Finance*, 38, 1–5.
- Rubtsov, B., & Annenskaya, N. (2019). Green bonds – a special instrument to create a roadmap of green finance. *Banking Services*, (11), 2–9. (In Russ.)
- Schueth, S. (2003). Socially responsible investing in the United States. *Journal of Business Ethics*, 43(3), 189–194.

- Semeshina, N. (2019). Advantages of sustainable investment. *Herald of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*, (6(79)), 237–244. (In Russ.)
- Sherwood, W., & Pollard, J. (2019). *Responsible investing: An introduction to environmental, social, and governance investments*. New York, Routledge.
- Sparkes, R. (2001). Ethical investment: Whose ethics, which investment? *Business Ethics: A European Review*, 10(3), 194–205.
- Sparkes, R., & Cowton, C. (2004). The maturing of socially responsible investment: A review of the developing link with corporate social responsibility. *Journal of Business Ethics*, 52(1), 45–57.
- Waring, P., & Lewer, J. (2004). The impact of socially responsible investment on human resource management: A conceptual framework. *Journal of Business Ethics*, 52(1), 99–108.

Сведения об авторах / Bio notes

Бунякова Анастасия Владимировна, аспирант (направление подготовки «Мировая экономика»), преподаватель кафедры английского языка, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. E-mail: anastasia_6967@mail.ru

Anastasia V. Buniakova, PhD student (field of study “World Economy”), lecturer at English Language Department, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). E-mail: anastasia_6967@mail.ru

Завьялова Елена Борисовна, кандидат экономических наук, заведующая кафедрой экономической политики и государственно-частного партнерства, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. ORCID: 0000-0001-6531-7672. E-mail: e.zavyalova@inno.mgimo.ru

Elena B. Zavyalova, PhD in Economics, Head of the Economic Policy Department, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). ORCID: 0000-0001-6531-7672. E-mail: e.zavyalova@inno.mgimo.ru

ВОПРОСЫ МЕНЕДЖМЕНТА И МАРКЕТИНГА MANAGEMENT AND MARKETING ISSUES

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-4-627-652

УДК 657.22

Научная статья / Research article

Институционализация методологии обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности

В.О. Бессарабов

*Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского,
Донецкая Народная Республика, 283050, Донецк, ул. Щорса, д. 31
✉ bessarabov93@gmail.com*

Аннотация. Исследование посвящено разработке модели институционализации методологии обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности. Актуальность институциональной теории обусловлена необходимостью создания, распространения и закрепления «правил игры» применения изучаемой методологии. Предложена модель институционализации методологии обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности, реализация которой сопровождается разработкой комплекса взаимосвязанных документов, направленных на внедрение обозначенных «правил игры» на микро-, мезо- и макроуровнях. Поэтапная разработка документации формализует «правила игры» по обеспечению экономической безопасности предпринимательской деятельности и предоставляет возможность руководителям субъектов и должностным лицам оперативно выявлять и реагировать на отклонения от эталонных результатов. Разработанная модель формирует целостный взгляд на процесс институционализации методологии в разрезе микро-, мезо- и макроуровней, в основу которого положено четкое разграничение формальных и неформальных «правил игры». С позиции практики значение модели проявляется в четкой постановке этапов и результатов (в том числе проектов документов), которые должны быть получены для достижения экономического и социального эффекта при институционализации методологии обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: экономическая безопасность, предпринимательская деятельность, обеспечение экономической безопасности, институционализация методологии, модель институционализации методологии

История статьи: поступила в редакцию 12 июля 2021 г.; проверена 1 августа 2021 г.; принята к публикации 10 сентября 2021 г.

Для цитирования: Бессарабов В.О. Институционализация методологии обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29. № 4. С. 627–652. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-627-652>

Institutionalization of the methodology for ensuring the economic security of business

Vladislav O. Bessarabov

*Donetsk National University of Economics and Trade named after M. Tugan-Baranovskiy,
31 Shchorsa St, Donetsk, 283050, Donetsk People's Republic*

✉ bessarabov93@gmail.com

Abstract. The research is devoted to the development of a model of institutionalization of the methodology for ensuring the economic security of entrepreneurial activity. The relevance of the institutional theory is due to the need to create, disseminate and consolidate the “rules of the game” for the application of the methodology under study. A model of institutionalization of the methodology for ensuring the economic security of entrepreneurial activity is proposed, the implementation of which is accompanied by the development of a set of interrelated documents aimed at integrating the “rules of the game” on micro, meso and macro levels. The step-by-step development of documentation formalizes the “rules of the game” to ensure the economic security of entrepreneurial activity and provides an opportunity for the leaders of the subjects and officials to quickly identify and respond to deviations from the benchmark results. The developed model forms a holistic view of the process of institutionalization of methodology in the context of micro, meso and macro levels, which is based on a clear distinction between formal and informal “rules of the game”. From the standpoint of practice, the significance of the model is manifested in a clear statement of the stages and results (including draft documents) that must be obtained to achieve economic and social effect with the institutionalization of the methodology for ensuring the economic security of entrepreneurial activity.

Keywords: economic security, entrepreneurial activity, ensuring economic security, institutionalization of methodology, model of institutionalization of methodology

Article history: July 12, 2021; revised August 1, 2021; accepted September 10, 2021.

For citation: Bessarabov, V.O. (2021). Institutionalization of the methodology for ensuring the economic security of business. *RUDN Journal of Economics*, 29(4), 627–652. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-627-652>

Введение

Реализация любой методологии, в том числе и обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности, должна сопровождаться разработкой «правил игры», следуя которым каждый из предложенных нами ранее ее компонент (от методов и методик до принципов и постулатов, которые уже были детально рассмотрены нами ранее, см.: Бессарабов, 2020) воспринимается не только как устоявшаяся норма, но и как неотъемлемый элемент хозяйственного порядка.

Трудно поспорить с тем, что для этого исследуемая методология должна «обрести значимость, ценность и стабильность» (Huntington, 1968),

«регулировать различные типы деятельности людей» (Гидденс, 1994), «превратить абстрактные правила в реальные меры» (Флигстин, 2001), «структурировать взаимодействие между людьми на основе соответствия нормам поведения» (Dugger, 1979). Все это становится возможным только при условии ее институционализации.

Однако, по нашему мнению, речь должна идти не только о формировании института экономической безопасности предпринимательской деятельности, соответствующего общеизвестным аксиоматическим утверждениям Д. Норта и его последователей относительно «правил игр», формальных и неформальных норм. Институционализацию в целом и любой методологии в частности, в том числе и обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности, следует рассматривать шире, чем только процесс формирования соответствующих институций (или институтов, например безопасности, собственности).

Обзор литературы

Понимание логики процесса институционализации в современных исследованиях не отличается особым разнообразием, но тем не менее не всегда связано с формированием институтов (хоть речь и идет о «правилах игр» и их закреплении или структуризации). Здесь уместно привести мнения ученых, которые представляют интерес для исследуемой нами проблематики, так как сводят институционализацию:

- к системному процессу функционального, структурного и нормативно-правового оформления хозяйственной жизни (Фролов и др., 2013);
- организационному закреплению правил поведения субъектов хозяйствования (Мазур, 2006);
- структуризации взаимодействий между людьми на основе правил поведения и последовательного перехода от системы ценностных ориентаций и установок к мотивации экономического развития (Ивашина, 2011);
- процессу оформления норм и правил в конкретные нормативно-правовые акты (Ткач, 2005);

Стоит особо акцентировать внимание на результатах исследования Н.Н. Лебедевой (1999), которая на основе детального анализа институциональной теории (от периода ее возникновения до современной интерпретации) приходит к выводу, что институционализация неразрывно связана с формированием как функциональных, так и нормативных отношений между отдельными субъектами и окружающей их средой. Очевидно, что такая позиция в рамках нашего исследования:

- 1) акцентирует внимание на необходимости формирования институциональной среды, в рамках которой происходит взаимодействие институтов и «правил игры», лежащих в основе их функционирования;
- 2) подтверждает правильность выделения компонент методологии обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности, которые должны быть «нормированы» или, другими словами, регламентированы;
- 3) свидетельствует о дискуссионности положений институциональной теории в силу значительного количества понятий, дефиниции которых близки по своему содержанию (например, институт и институция).

Так несмотря на то, что понятия «институт» и «институция», очевидно, являются фундаментальными для институционализации, внимание второму уделяется заметно меньше, чем первому. Кроме того, полностью соглашаясь с позицией О.В. Иншакова (2003), в современных условиях «институты» отождествляются с «институциями» и наоборот, что, по нашему мнению, негативно сказывается на понимании процесса институционализации и в конечном итоге приводит к превалированию норм над функциями в «правилах игры» (на что, как нельзя не отметить, обращала внимание еще Н.Н. Лебедева (1999)).

При этом причина сложившейся ситуации кроется не только в неточном переводе, по мнению О.В. Иншакова, работ Т. Веблена и Д. Норта, но и в том, что под «институтом» может вполне логично и обоснованно пониматься как определенная норма, так и субъект, который следит за ее соблюдением, реализацией, исполнением и т. п. Однако, по этому поводу С.Г. Сорокиной (Веблен, 1984) однозначно разграничены два фундаментальных понятия «институция» и «институт» (на чем позднее настаивал и Е.М. Майбурд, см.: Майбурд, 1996. С. 496). Первое сводится к совокупности обычаев и порядков, а применение второго свидетельствует об их закреплении на законодательном уровне или отождествлением с учреждением или организацией.

Другими словами, институт является упорядоченной структурой, которая организует, объединяет участников, которые в процессе своей деятельности руководствуются формальными и неформальными нормами (институциями). Однако здесь также уместно подчеркнуть мнения Д.П. Фролова, А.А. Шулимова, А.В. Инютина (Фролов и др., 2013), а также О.В. Иншакова (2010), которые предлагают под институциями понимать функции отдельных институтов.

Именно закрепление функций (институций) за институтами, согласно Дж. Серлу (2007), является признанием и первых, и вторых, выражающееся в итоге в общепринятой совокупности формальных и неформальных «правил игры». Следовательно, институции (как функции, основанные на «правилах игры») реализуются институтами, которые эволюционируют, а их структура усложняется (становится «твердой», в отличие от «мягкой» у институций, см.: Иншаков, 2010).

Очевидно, что структура и содержание институций зависит от действий индивидуумов, представляющих институт или институты (институциональных агентов). В контексте представленного исследования это можно интерпретировать следующим образом: содержание функций по обеспечению экономической безопасности зависит от действий самих субъектов предпринимательской деятельности, а успех их реализации – от того, насколько они соответствуют «правилам игры» или системе формальных и неформальных норм.

В свою очередь, объединение институций и институтов происходит в рамках институциональной среды, рассматриваемой как совокупность первых и вторых или, согласно М.Ю. Портеру (Портер, 2007), различных видов деятельности для формирования конкурентных преимуществ. Правоммерно полагать, что именно формирование институциональной среды лежит в основе «правил игры», которые соблюдаются или не соблюдаются в рамках институтов.

Другими словами, полностью соглашаясь с результатами ряда исследований (а именно: Флигстин, 2008; Фуруботн, Рихтер, 2005), в «классическом» понимании в качестве институциональной среды правомерно рассматривать совокупность основополагающих правил и норм (социальных, правовых и т. п.), устанавливающих рамки поведения людей. Очевидно, что в таких «рамках» нуждаются и механизмы, алгоритмы, модели обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности (в том числе уже разработанные учеными, см., например: Андреева и др., 2014; Галазова, 2008; Гриднева, Шаповалов, 2019; Тугушева, 2020; Манахова, Левченко, 2020; Шелудченко, 2009).

Учитывая вышесказанное, логика данного этапа исследования базируется на следующей цепочке: «институциональная среда – институции (функции обеспечения экономической безопасности, реализация которых основывается на совокупности формальных и неформальных «правил игры») – институты (субъекты предпринимательской деятельности и государственные органы)». Однако, прежде всего, следует обратить внимание на то, что институции в исследуемой нами проблематике носят неформальный характер, так как функции обеспечения экономической безопасности не выделяются на практике (и нечасто в теории) субъектами предпринимательской деятельности, а «правила игры» при их реализации, преимущественно, являются формальными, которые должны быть закреплены в соответствующих концепциях, программах, методических рекомендациях.

Методы исследования

Полученные в ходе исследования результаты базируются на основе применения не только институционального подхода к пониманию логики обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности, но и последовательной реализации методов: абстрактно-логического анализа – для формирования взаимосвязи между комплексом предложенных документов, направленных на создание, распространение и закрепление «правил игры» на микро-, мезо- и макроуровнях; моделирования – для определения результатов институционализации методологии обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности в теоретической и практической плоскости.

Результаты исследования

Сказанное выше заставляет полагать, что в рамках исследуемой проблематики, институциональной средой является совокупность нормативно-правовых актов и нормативно-справочной информации, которой руководствуются институты при реализации функций по обеспечению экономической безопасности. При этом реализация таких функций зависит от:

– наличия различных институтов, формирующих «правила игры» предпринимательской деятельности в целом и обеспечения ее экономической безопасности в частности;

– способности институтов реализовать институции и закреплять их в виде «правил игры», что крайне важно для преодоления излишнего оппор-

тунизма при ведении предпринимательской деятельности и обеспечении ее экономической безопасности;

– взаимосвязи и взаимообусловленности институций между собой, которые должны быть положены в основу формирования, укоренения и развития «правил игры».

Другими словами, взаимодействие институтов и институций, продолжение одних в других происходит в рамках институциональной среды, процессом формирования которой и является институционализация. Наилучшим образом данный тезис подтверждает позиция Л.В. Логиновой (2003), которая выделяет два этапа институционализации, первый из которых связан с формированием у института побудительного мотива (осознание собственных потребностей – формирование личных интересов – постановка целей для активной деятельности – конкретизация действий). При этом ученый приходит к выводу, что достижение целей институтом по формированию «правил игры» возможно только при условии согласования интересов различных экономических субъектов. Поэтому возникает необходимость формирования устойчивой совокупности норм и функций поведения (правомерно полагать, что речь идет именно об институциях) на базе уже согласованных интересов экономическими субъектами и разработки мероприятий по их соблюдению.

Нельзя не отметить, что такая позиция Л.В. Логиновой (2003) может быть интерпретирована в плоскость нашего исследования. Так, побудительным мотивом формирования «правил игры» (первый этап институционализации) выступает необходимость обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности как, собственно, ее субъектами (согласно институциональной теории, агентами), так и институтами. В свою очередь, закрепление согласованных «правил игры» происходит посредством положений как нормативно-правовой (на уровне институтов), так и нормативно-справочной информации (на уровне отдельных агентов).

Однако так выглядит эталонная ситуация с закреплением и трансляцией установленных «правил игры» в плоскость предпринимательской деятельности. На практике же «правила игры» должны быть восприняты субъектами предпринимательской деятельности, так как положения нормативно-справочной информации не всегда в полной мере соответствуют декларируемым в нормативно-правовой информации идеям.

В качестве примера стоит привести ситуацию, когда нормативные акты органов местного самоуправления по развитию предпринимательской деятельности не соответствуют реальному положению дел ее субъектов и не корректируются с учетом современных условий. Так, недавняя ситуация с распространением новой коронавирусной инфекции не внесла особых коррективов в регулирование предпринимательской деятельности в Донецкой Народной Республике (отсутствие льгот или иной помощи), что негативно сказалось как на их режиме работы, так и оплате труда сотрудников. Другими словами, новые «правила игры» (которые касались только различных ограничений) не были положительно восприняты субъектами предпринимательской деятельности, вследствие чего нарушилась взаимосвязь между институтами и институциями.

Для того чтобы избежать похожих ситуаций, наряду с взвешенной государственной социально-экономической политикой необходимо уделять внимание институционализации экономической безопасности предпринимательской деятельности, так как «правила игры» при ее обеспечении должны быть восприняты субъектами (агентами) и институтами.

Здесь заслуживает быть отмеченным мнение П. Толберт, Л. Зукер и С. Клегга (Tolbert et al., 1996), которое представляет интерес для дальнейшего исследования и касается этапов институционализации. Так, ученые на основе анализа значительного количества теоретических и практических исследований приходят к выводу, что институционализация как процесс включает три этапа: создание новых «правил игры» или хабиитуализация (формирование привычки), объективизация «правил игры» (распространение их в обществе), седиментация «правил игры» (их закрепление и сохранение на протяжении определенного временного промежутка).

Развивая данную мысль, приходим к выводу, что на каждом из указанных выше этапов институционализации возникают противоречия между институтами и институтами:

1) на этапе создания новых «правил игры», или хабиитуализации, связанные с необходимостью выявления, оценки и противодействия угрозам экономической безопасности на основе четких алгоритмов, механизмов, подходов, которые должны быть закреплены в нормативно-справочной информации, однако не всегда могут быть реализованы институтами (или отдельными агентами) вследствие отсутствия как ресурсной возможности, так и желания;

2) на этапе объективизации «правил игры» заключающиеся в недостатке программ государственно-частного партнерства по обеспечению экономической безопасности, вследствие чего не происходит популяризация культуры и этики предпринимательской деятельности, трансляция практик добросовестной конкуренции и защиты прав ее субъектов (агентов) и институтов;

3) на этапе седиментации «правил игры» вызванные несоответствием положений нормативно-правовых документов («правил игры», по мнению институтов) реальной практике обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности, которая транслируется и распространяется ее субъектами («правила игры», по мнению агентов), вследствие чего возникают конфликты в процессе реализации институций.

Уместно подчеркнуть, что суть противоречий на заключительном этапе институционализации демонстрирует одно из ключевых отличий институциональной теории от учений других экономических школ. Речь идет о том, что субъекты предпринимательской деятельности рассматриваются как агенты, которые разрабатывают «правила игры» и следуют им, обращая внимание не только на максимизацию прибыли и рациональные предпочтения, но и на то, насколько они будут приняты социумом (хотя бы в лице институтов) и закреплены в виде институций.

Вышесказанное демонстрирует, что «правилами игры» при обеспечении экономической безопасности предпринимательской деятельности является соответствующая методология. Именно ее закрепление в виде институций, с одной стороны, направлено на реализацию функций по обеспечению экономической безопасности предпринимательской деятельности, а с другой –

на апробацию отдельных компонент одноименной методологии (от отдельных методов до комплексных методик).

Соответственно, в рамках нашего исследования под институционализацией методологии правомерно полагать процесс формирования институциональной среды, в рамках которой происходит развитие институтов на основе закрепления комплекса институций, направленных на обеспечение экономической безопасности предпринимательской деятельности.

Возвращаясь к тезису о том, что «правила игры» в исследуемой нами проблематике должны быть закреплены, прежде всего, формально (однако это не исключает значения неформальных правил) для разрешения как минимум указанных выше противоречий, приходим к выводу о необходимости их регламентации и унификации (причем преимущественно по форме, а не содержанию ввиду как разнообразия угроз экономической безопасности, так и подходов к их выявлению, оценке и противодействию).

По нашему мнению, именно процесс разработки регламентов является действенным инструментом закрепления институций и функционально-предметных областей любых механизмов, в том числе и обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности. В свою очередь, унификация позволит не только закрепить институции, но и обеспечить результативность соответствующих механизмов как для отдельных агентов, так и институтов. Правомерно полагать, что данное умозаключение актуально и для обеспечения экономической безопасности в условиях цифровизации общественных отношений (Попов, Семячков, 2018).

При этом обратим внимание, что «комплексная» регламентация институций по обеспечению экономической безопасности предпринимательской деятельности делает одноименный механизм эффективным и устойчивым, так как включает совокупность нормативно-справочной документации, положения которой четко взаимосвязаны между собой, логически продолжая друг друга. Это подчеркивает, что процесс институционализации исследуемой методологии должен рассматриваться целостно, как комплекс действий, направленных на закрепление «правил игры» и их принятие отдельными агентами и институтами. Нарушение или потеря связей в цепочке (которая была сформулирована ранее: «институциональная среда – институции – институты») между составляющими элементами приведет к невозможности реализации механизма обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности или его результативность будет сведена лишь к «точечному» эффекту от применения отдельных алгоритмов.

Учитывая вышесказанное, исходным пунктом в реализации каждого из этапов институционализации методологии обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности является его регламентация.

По нашему мнению, на этапе создания новых «правил игры» речь должна идти о концепции экономической безопасности, которая может разрабатываться как отдельными субъектами предпринимательской деятельности, так и их совокупностью для дальнейшего ее применения на мезо- или макроуровнях. Однако стоит понимать, что разработка отдельной концепции не всегда соответствует возможностям отечественных субъектов предпринимательской деятельности и масштабам их деятельности. В таких случаях речь должна ид-

ти не о концепции, а о методических рекомендациях, закрепляющих отдельные этапы реализации механизма обеспечения экономической безопасности.

Исходя из этого, в основу разработки соответствующей концепции был положен модульный принцип, что позволило представить ее структуру в виде модулей (блоков), последовательно раскрывающих теоретические, организационные и методологические основы обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности, которые в случае необходимости могут реализовываться обособленно.

Именно модульный принцип разработки концепции в совокупности с ее теоретической, организационной и методологической проработкой являются необходимыми условиями обеспечения не только логической стройности, но и ее гибкости, открывая при этом альтернативные варианты ее содержания, структуры и названий (стандарт, положение, приложение к приказу. Кроме того, наличие модулей в концепции обуславливает ее целевую направленность и является отражением фундаментальных задач ее реализации (которые также могут быть учтены при антикризисном управлении (Петров, 2012) и дальнейшей оценки результатов хозяйственной деятельности (Пилова, 2007).

Структура предложенной в таблице концепции включает общие положения, теоретические, организационные и, соответственно, методологические основы обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности, а также приложения.

Предшествует выделенным модулям перечень сокращений, условных обозначений и паспорт концепции, содержащий краткие сведения о ней (от цели и задач до планируемых источников финансирования, в случае необходимости таковых).

В первом модуле «Общие положения» раскрывается цель концепции, детализируются ее задачи и обосновывается необходимость ее реализации. В свою очередь, описание сферы применения концепции, ее взаимосвязи с другими нормативами и стандартами с указанием срока действия формирует целостный взгляд на ее значение и место в предпринимательской деятельности субъекта. Особо следует обратить внимание на перечень терминов, используемых в концепции (от «экономической безопасности» до «институционализации методологии»). Представленный перечень терминов позволяет установить однозначную их трактовку, что служит основой применения единой терминологии в ходе обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности и исключает возможность подмены дефиниций или двоякого их понимания.

Теоретическим основам обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности посвящен второй модуль концепции. Необходимость, прежде всего, определения причин возникновения угроз экономической безопасности, а самое главное, их последствий, формирует структуру данного модуля, логика разработки которого завершается формулировкой соответствующих принципов и постулатов. Не вызывает особых сомнений, что именно теоретические основы имеют важное значение для реализации концепции, так как они закладывают правильную интерпретацию дальнейших организационных и методологических умозаключений и практических рекомендаций (а в некоторых случаях, требований).

Проект концепции экономической безопасности предпринимательской деятельности

Сокращения и условные обозначения

Паспорт концепции

Модуль 1. Общие положения

- 1.1. Цель, задачи и основа для разработки.
 - 1.2. Необходимость реализации концепции.
 - 1.3. Сфера применения концепции.
 - 1.4. Взаимосвязь с действующими нормативами и стандартами.
 - 1.5. Срок действия.
 - 1.6. Основные термины и определения
-

Модуль 2. Теоретические основы обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности

- 2.1. Причины возникновения и последствия угроз экономической безопасности предпринимательской деятельности.
 - 2.2. Угрозы экономической безопасности предпринимательской деятельности.
 - 2.3. Факторы и функции обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности.
 - 2.4. Задачи обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности.
 - 2.5. Принципы обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности.
 - 2.6. Постулаты обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности
-

Модуль 3. Организационные основы обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности

- 3.1. Организационно-управленческая структура обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности.
 - 3.2. Регламентные документы по обеспечению экономической безопасности предпринимательской деятельности.
 - 3.3. Информационно-коммуникационные связи в организационно-управленческой структуре обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности.
 - 3.4. Мониторинг реализации функций по обеспечению экономической безопасности предпринимательской деятельности
-

Модуль 4. Методологические основы обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности

- 4.1. Методология обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности.
 - 4.1.1. Атрибуты цифровизации методологии обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности.
 - 4.1.2. Компоненты методологии обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности.
 - 4.1.3. Гармонизация методологии обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности.
 - 4.1.4. Элементы методик обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности.
 - 4.2. Механизм выявления и оценки, противодействия угрозам экономической безопасности предпринимательской деятельности.
 - 4.2.1. Методические рекомендации по формированию ключевых индикаторов экономической безопасности предпринимательской деятельности.
 - 4.2.2. Научно-методический алгоритм выявления и оценки угроз экономической безопасности предпринимательской деятельности.
 - 4.2.3. Научно-методический алгоритм противодействия угрозам экономической безопасности предпринимательской деятельности.
 - 4.3. Механизм обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности.
 - 4.3.1. Методические рекомендации по моделированию бизнес-процесса обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности.
 - 4.3.2. Оценка устойчивости механизма обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности.
 - 4.4. Оценка уровня экономической безопасности предпринимательской деятельности.
 - 4.4.1. Методические рекомендации по оценке финансовой составляющей экономической безопасности предпринимательской деятельности.
 - 4.4.2. Методические рекомендации по оценке других составляющих экономической безопасности предпринимательской деятельности.
 - 4.4.3. Методические рекомендации по оценке уровня экономической безопасности предпринимательской деятельности и проведения PEST-анализа факторов, влияющих на него
-

Приложения

1. Основные угрозы экономической безопасности ООО «...».
2. Этапы интеграции цифровых технологий в концепцию обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности.
3. Функции ООО «...» для обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности.
4. Положение об отделе экономической безопасности.
5. Должностная инструкция руководителя отдела экономической безопасности.
6. Должностная инструкция специалиста отдела экономической безопасности.
7. Целевая и практическая направленность этапов формирования ключевых индикаторов экономической безопасности предпринимательской деятельности.
8. Индикаторы экономической безопасности предпринимательской деятельности.
9. Форма промежуточного отчета о индикаторах экономической безопасности предпринимательской деятельности.
10. Структурные элементы механизма выявления и оценки угроз экономической безопасности предпринимательской деятельности.
11. Содержательная характеристика этапов научно-методического алгоритма выявления и оценки угроз экономической безопасности предпринимательской деятельности.
12. Структурные элементы механизма противодействия угрозам экономической безопасности предпринимательской деятельности.
13. Перечень современных угроз экономической безопасности предпринимательской деятельности в Донецкой Народной Республике и методы противодействия им в ООО «...».
14. Элементы нотации eEPC методологии ARIS, применяемые при разработке модели бизнес-процесса обеспечения экономической безопасности.
15. Модель бизнес-процесса обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности.
16. Структура механизма обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности.
17. Анкета оценки составляющих экономической безопасности предпринимательской деятельности.
18. Алгоритм реализации метода анализа иерархий.
19. Форма систематизации результатов PEST-анализа факторов, влияющих на уровень экономической безопасности предпринимательской деятельности.

Источник: составлено автором.

Draft concept of economic security of entrepreneurial activity

Abbreviations and symbols

Passport concept

Module 1. General provisions

- 1.1. Purpose, objectives and basis for development.
- 1.2. The need to implement the concept.
- 1.3. Scope of the concept.
- 1.4. Relationship with applicable regulations and standards.
- 1.5. Validity.
- 1.6. Basic terms and definitions

Module 2. Theoretical basis of ensuring the economic security of entrepreneurial activities

- 2.1. The causes and consequences of threats to the economic security of business.
- 2.2. Threats to the economic security of entrepreneurial activity.
- 2.3. Factors and functions of ensuring the economic security of entrepreneurial activity.
- 2.4. The tasks of ensuring the economic security of entrepreneurial activity.
- 2.5. Principles of ensuring the economic security of entrepreneurial activity.
- 2.6. Postulates of ensuring the economic security of entrepreneurial activity

Module 3. Organizational basis of ensuring the economic security of entrepreneurial activities

- 3.1. Organizational and managerial structure for ensuring the economic security of entrepreneurial activity.
- 3.2. Regulatory documents to ensure the economic security of entrepreneurial activity.
- 3.3. Information and communication links in the organizational and management structure of ensuring the economic security of entrepreneurial activity.
- 3.4. Monitoring the implementation of functions to ensure the economic security of entrepreneurial activity

Module 4. Methodological basis of ensuring the economic security of entrepreneurial activities

- 4.1. Methodology for ensuring the economic security of entrepreneurial activity.
 - 4.1.1. Attributes of digitalization of the methodology for ensuring the economic security of entrepreneurial activity.
 - 4.1.2. Components of the methodology for ensuring the economic security of entrepreneurial activity.
 - 4.1.3. Harmonization of the methodology for ensuring the economic security of entrepreneurial activity.
 - 4.1.4. Elements of methods of ensuring the economic security of entrepreneurial activity.
- 4.2. A mechanism for identifying and assessing, countering threats to the economic security of entrepreneurial activity.
 - 4.2.1. Methodological recommendations for the formation of key indicators of economic security of entrepreneurial activity.
 - 4.2.2. Scientific and methodological algorithm for identifying and assessing threats to the economic security of entrepreneurial activity.
 - 4.2.3. Scientific and methodological algorithm for countering threats to the economic security of entrepreneurial activity.
- 4.3. The mechanism for ensuring the economic security of entrepreneurial activity.
 - 4.3.1. Methodological recommendations for modeling the business process of ensuring the economic security of entrepreneurial activity.
 - 4.3.2. Assessment of the sustainability of the mechanism for ensuring the economic security of entrepreneurial activity.
 - 4.4. Assessment of the level of economic security of entrepreneurial activity.
 - 4.4.1. Methodological recommendations for assessing the financial component of the economic security of entrepreneurial activity.
 - 4.4.2. Methodological recommendations for assessing other components of the economic security of entrepreneurial activity.
 - 4.4.3. Methodological recommendations for assessing the level of economic security of entrepreneurial activity and conducting a PEST analysis of factors affecting it

Applications

1. The main threats to the economic security of the enterprise.
 2. Stages of integrating digital technologies into the concept of ensuring the economic security of business.
 3. Functions of the enterprise to ensure the economic security of entrepreneurial activity.
 4. Regulation on the Department of Economic Security.
 5. Job description of the head of the department of economic security.
 6. Job description of a specialist in the department of economic security.
 7. Target and practical orientation of the stages of formation of key indicators of economic security of entrepreneurial activity.
 8. Indicators of economic security of entrepreneurial activity.
 9. Form of interim report on indicators of economic security of entrepreneurial activity.
 10. Structural elements a mechanism for identifying and assessing threats to the economic security of entrepreneurial activity.
 11. Substantive characteristics of the stages of the scientific and methodological algorithm for identifying and assessing threats to the economic security of business.
 12. Structural elements of a mechanism for countering threats to the economic security of entrepreneurial activity.
 13. The list of modern threats to the economic security of entrepreneurial activity in the Donetsk People's Republic and methods of countering them of the enterprise.
 14. Elements of the eEPC notation of the ARIS methodology used in the development of a business process model for ensuring economic security.
 15. Business process model for ensuring the economic security of entrepreneurial activity.
 16. The structure of the mechanism for ensuring the economic security of entrepreneurial activity.
 17. Questionnaire for assessing the components of the economic security of entrepreneurial activity.
 18. Algorithm for the implementation of the hierarchy analysis method.
 19. Form of systematization of the results of PEST analysis of factors affecting the level of economic security of entrepreneurial activity.
-

Source: compiled by the author.

В рамках следующего модуля раскрываются особенности обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности с позиций организации данного процесса. Для этого обосновывается необходимая организационно-управленческая структура субъекта предпринимательской деятельности, приводится перечень соответствующих регламентах документов, подчеркивается важность информационно-коммуникационных связей для достижения цели концепции, а также акцентируется внимание на мониторинге реализации функций по обеспечению экономической безопасности.

Ключевое значения для третьего модуля концепции имеют приложения, которые представлены положением об отделе экономической безопасности и должностными инструкциями его руководителя и специалистов. При этом особое значение должно отводиться взаимосвязи модулей концепции и положений указанных документов. Такая взаимосвязь формируется за счет, прежде всего, четкого указания в них функций, задач и ответственности отдела, в целом, и его руководителя, специалистов, в частности. Учитывая возможную разнонаправленность деятельности отдела экономической безопасности (от проведения инвентаризаций до проверки различных форм отчетности) важным является разделение функций на основные и дополнительные в соответствующем положении, что позволит избежать конфликтных ситуаций при соблюдении должностных инструкций.

Методологические основы обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности формируются четвертым модулем концепции. Четкое «отделение» методологии обеспечения экономической безопасности с присущими ей компонентами, элементами методик от механизмов выявления и оценки, противодействия ее угрозам направлено на лучшее восприятие и структурирование модулей концепции, а также упрощает их понимание.

Особую роль в указанном модуле выполняют методические рекомендации, которые выполняют роль четких инструкций, позволяющих как самостоятельно оценить уровень экономической безопасности субъектом предпринимательской деятельности, так и противодействовать ее угрозам. Универсальность алгоритмов реализации предложенных методических рекомендаций предоставляет возможность применения каждого из них отдельно, однако больший эффект, очевидно, достигается в комплексе.

Заключительный модуль концепции содержит приложения, дополняющие ее. Стоит обратить внимание, что их перечень и содержание должны максимально учитывать специфику субъекта предпринимательской деятельности (от организационной структуры до направлений работы) и избегать универсальных форм, макетов, проектов, моделей.

Очевидно, что создания отдельным субъектом предпринимательской деятельности «правил игр» и закрепления их в соответствующей концепции недостаточно для обеспечения экономической безопасности, так как, с одной стороны, отсутствует уверенность в том, что они будут восприняты и положительно оценены обществом, а с другой – понятны и одобрены работниками. Кроме того, разработка и принятие концепции не является гарантом выполнения и соблюдения всех ее положений, так как непонятными остаются действия работников по обеспечению экономической безопасности и ре-

акции на ее угрозы (не принимая во внимания общепринятые нормы морали и положения нормативно-правовых актов).

Речь идет о том, что для институционализации методологии обеспечения экономической безопасности и распространения ее в предпринимательской среде недостаточным является только корректировка должностных инструкций работников для дополнения их пунктами о соответствующей ответственности или обязанностях. Это связано с тем, что даже формальное выполнение соответствующих обязанностей может сопровождаться неформальными договоренностями.

Учитывая достаточно широкую целевую направленность концепции, структура которой была описана ранее, возникает необходимость разработки такого документа, который бы был направлен на повышение уровня восприятия и согласия с ее положениями или хотя бы отдельными из них. Таким документом, которой может лежать в основе ряда регламентных документов (положения об отделах, должностные инструкции и др.), является кодекс этики (кодекс профессионализма, кодекс делового поведения).

Разработкой, принятием, совершенствованием кодексов этики, которые не являются «классическими» регламентными документами, регулярно занимаются ведущие отечественные и мировые компании. Именно благодаря емким по смыслу положениям кодексов этики могут составляться коллективные договора, корректироваться должностные инструкции и реализовываться методические рекомендации, непосредственно касающиеся обеспечения экономической безопасности.

Рассматривая кодекс этики как документ, направленный на формирование положительного мнения общества в целом и работников в частности о «правилах игры» по обеспечению экономической безопасности предпринимательской деятельности, по нашему мнению, его структура должна включать следующие разделы: обращение руководителя, статус кодекса, цель кодекса и миссия, ценности, правила поведения работников, взаимоотношения с деловыми партнерами и публичными лицами, ответственность за нарушение кодекса.

При этом следует понимать, что для лучшего восприятия кодекса всеми работниками, его положения могут быть «свободны» в формулировках, не углубляясь в юридическую терминологию, что сделает его понятным и открытым для дальнейшего совершенствования как по структуре, так и содержанию.

Несмотря на возможную гибкость структуры и содержания, кодекс профессиональной этики должен быть направлен на развитие и совершенствование культуры предпринимательской деятельности, эффективное взаимодействие работников друг с другом, а также с органами государственной и местной власти, деловыми партнерами и другими лицами, подчеркивая тем самым цель его разработки и принятия.

Обращение руководителя в начале кодекса демонстрирует приверженность открытой и прозрачной предпринимательской деятельности, показывает стремление к построению долгосрочных взаимоотношений со всеми заинтересованными лицами. Кроме того, в обращении целесообразно акцентировать внимание на значимости каждого из работников как для достижения целей предпринимательской деятельности, так и для обеспечения ее экономической безопасности.

Позиция руководителя, отраженная в кодексе, во многом предопределяет его статус и общие положения, которые указываются во втором разделе и касаются особенностей его принятия (внесения изменений), опубликования, вступления в силу. В целом данный раздел формирует у работников представление о взаимосвязи положений кодекса с другими регламентными документами (коллективными договорами, должностными инструкциями).

Второй раздел кодекса посвящен указанию цели его разработки и ее взаимосвязи с миссией предпринимательской деятельности. Фундаментальная направленность данного раздела в то же время не должна полностью регламентировать деятельность работников, так как это может превратить принятие управленческих решений в механический процесс, подкрепленный общими шаблонами, а не профессиональными навыками и опытом. Однако при этом обязательным, по нашему мнению, является указание того, что руководство субъекта предпринимательской деятельности является гарантом соблюдения кодекса и образцом непрекословного выполнения его положений.

Это достигается путем описания ценностей в следующем (третьем) разделе кодекса. Учитывая то, что сложно предложить перечень ценностей, которые могут быть положены в основу предпринимательской деятельности, универсальными из них являются: ответственность, профессионализм, эффективность и ориентация на результаты, открытость, единство. Другими словами, сущность данного раздела кодекса можно описать следующим тезисом: «открытость деятельности достигается путем формирования ответственности коллектива профессиональных работников за результаты и их эффективность».

Описание ценностей является наиболее очевидным разделом в кодексе этике, однако, несмотря на это, именно его положения формируют отношения работников к своей деятельности, обращают внимание на единство коллектива и солидарной ответственности за полученные результаты. При этом акцент на единстве и ответственности способствует переходу к системе правил поведения, которым посвящен четвертый раздел кодекса.

Именно правила поведения выступают фундаментом современной предпринимательской деятельности и ее экономической безопасности, так как определяют недопустимые типы поведения работников, особенности взаимоотношений между руководителями структурных подразделений и подчиненными. Кроме того, свод правил поведения лежит в основе взаимоотношений с деловыми партнерами, публичными лицами и позволяет сделать их максимально долгосрочными. На это ориентированы положения пятого раздела кодекса.

Однако, какими бы гибкими ни были структура и содержание кодекса, заключительный его раздел должен касаться ответственности за его нарушения. При этом речь может идти как о дисциплинарной ответственности, которая установлена регламентными документами, так и о другой, согласно законодательству. Особое значение должно отводиться положениям, касающимся разглашения информации о фактах мошенничества, коррупции. Положения кодекса должны предусматривать конфиденциальность лиц, сообщающих о всех фактах «нарушений» экономической безопасности, но не стимулировать их к такого рода деятельности.

Распространение «правил игры», касающихся экономической безопасности предпринимательской деятельности, не должно ограничиваться кодексом этики, так как его действие затрагивает только отдельного субъекта (институционального агента), чего однозначно недостаточно. Однако переход от закрепления институций во внутренних регламентных документах до государственных программ, концепций, положений, доктрин должен происходить постепенно, планомерно вовлекая в процесс институционализации соответствующей методологии новых субъектов предпринимательской деятельности.

Для этого, по нашему мнению, необходимым является разработка проектов государственно-частного партнерства по обеспечению экономической безопасности предпринимательской деятельности и подписание соответствующих меморандумов о намерениях. К тому же проект государственно-частного партнерства может рассматриваться не только в качестве типового документа, реализация которого субъектами предпринимательской деятельности позволит обеспечить экономическую безопасность, но и выступать ориентиром государственной политики при проведении контрольно-ревизионных мероприятий (на чем уже было акцентировано внимание ранее, см.: Бессарабов, 2020).

Отметим, что соответствующий проект должен предполагать участие в его реализации не одного, а нескольких субъектов предпринимательской деятельности, что, непосредственно, будет способствовать распространению «правил игры» в обществе при обеспечении экономической безопасности. Структурно разработанный проект состоит из 6 разделов и приложений, дополняющих их.

В начале проекта приводится перечень сокращений и условных обозначений, которые в нем применяются. Непосредственно паспорт проекта включает в себя основные сведения о нем: от инициатора разработки до общих объемов финансирования, количественных и качественных показателей реализации.

В рамках первого раздела, посвященного характеристике текущего состояния экономической безопасности предпринимательской деятельности:

- приводятся результаты анализа угроз экономической безопасности предпринимательской деятельности региона/отрасли;
- делается оценка уровня экономической безопасности предпринимательской деятельности в регионе/отрасли;
- раскрываются современные подходы к обеспечению экономической безопасности предпринимательской деятельности и проблемы их реализации;
- анализируются внутренние и внешние факторы, влияющие на экономическую безопасность предпринимательской деятельности (SWOT-анализ);
- определяются проблемы обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности;
- прогнозируется уровень экономической безопасности предпринимательской деятельности.

Во втором разделе проекта происходит постановка цели и задач взаимодействия властных и предпринимательских при обеспечении экономической безопасности, формулируются соответствующие принципы, а также определяются формы проявления экономического и социального эффекта.

Описанию мероприятий по обеспечению экономической безопасности предпринимательской деятельности в рамках государственно-частного партнерства, критериев их эффективности и ожидаемого результата посвящен третий раздел проекта. При этом отметим, что описание запланированных мероприятий происходит как за весь период реализации проекта, так и детализируется в разрезе каждого периода (год, месяц).

Учитывая то, что перечень показателей развития предпринимательских структур на период реализации проекта может быть крайне обширным, в четвертом разделе следует привести основные из них, подкрепив выбор соответствующим обоснованием.

На раскрытие объемов финансового обеспечения мероприятий проекта направлено содержание пятого раздела, которое находит свое отражение в разрезе объем средств из республиканского бюджета, бюджетов городов и районов, предпринимательских структур или из других источников (в том числе иностранных инвестиций).

Формулы и показатели расчета эффективности реализации проекта, а также период для ее определения и представления соответствующего отчета раскрыты в заключительном шестом разделе.

В приложениях к проекту должны приводиться: состав, права и обязанности участников рабочих групп; расчет и обоснование потребности в участниках рабочей группы; сведения об основных мерах правового регулирования в сфере реализации проекта.

Однако следует четко понимать, что государственные органы (в лице профильного министерства или ведомства) могут испытывать сложности при выборе участников реализации проекта, так как они могут иметь разные масштабы деятельности, представлять различные отрасли экономики, иметь принципиальные отличия в организационных структурах. Для того чтобы подготовить субъектов предпринимательской деятельности (в лице руководства) к реализации таких проектов, целесообразным является подписание соответствующего меморандума, который предшествует реализации проекта государственно-частного партнерства. В нем закрепляются основные договоренности о реализации планируемого проекта, а также обосновывается его необходимость и значимость для развития отечественной экономики.

Очевидно, что посредством такого меморандума, а в дальнейшем, соответствующего проекта государственно-частного партнерства происходит не только распространение и восприятие «правил игры», но и их закрепление на протяжении определенного временного промежутка. Другими словами, указанные документы являются предпосылкой реализации третьего, заключительного этапа институционализации методологии обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности.

Так, седиментация «правил игры» по обеспечению экономической безопасности предпринимательской деятельности, благодаря последовательной реализации предыдущих этапов институционализации ее методологии, направлена на разработку документов государственного масштаба. В таких документах, как правило, декларируются концептуальные взгляды не на методологию обеспечения экономической безопасности, а на ее значение для развития экономики, повышения уровня жизни населения, культуру предпринимательской деятельности.

Стоит отдельно обратить внимание, что экономическая безопасность предпринимательской деятельности должна рассматриваться как часть единой стратегии экономической безопасности государства. Исходя из этого, она может быть представлена в виде доктрины, представляющей совокупность положений, которые служат основой для разработки как дальнейших теорий (научных доктрин), так и официальных документов (официальных доктрин).

Опираясь на положения принятой в 2017 году Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, в ходе исследования разработан проект доктрины, непосредственно касающейся экономической безопасности предпринимательской деятельности, который также может быть реализован и в условиях Донецкой Народной Республики.

Логика структуры предложенной доктрины, состоящей из четырех разделов (основные положения; угрозы экономической безопасности предпринимательской деятельности и факторы ее обеспечения; цели, основные направления и задачи государственной политики по обеспечению экономической безопасности предпринимательской деятельности; заключительные положения), базируется на следующих тезисах.

Первый. Доктрина, положения которой касаются экономической безопасности предпринимательской деятельности и являются логичным продолжением соответствующей стратегии, обусловлена необходимостью системного воздействия на сознание всех субъектов экономики. Цель такого воздействия – разработка теоретико-эмпирической основы обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности, отвечающей современным ее угрозам. При этом гибкость положений доктрины предусматривает достаточную степень свободы методологического инструментария для достижения его целей.

Второй. Положения доктрины должны рассматриваться в качестве фундамента деятельности органов государственной власти и субъектов предпринимательской деятельности по обеспечению экономической безопасности последних. Однако это не исключает возможность консолидации усилий общественных организаций, научно-исследовательских учреждений по разработке отдельных стратегий, проектов. Другими словами, речь идет о том, что предпосылки и необходимость разработки доктрины глубинны, а результат ее реализации влияет не только на темпы развития предпринимательской деятельности, но и на укрепление экономического суверенитета государства.

Третий. Цели и задачи доктрины должны соответствовать этапам реализации Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Это обеспечит не только взаимосвязь их положений, но и позволит избежать дублирующих или схожих по смыслу направлений государственной политики по обеспечению экономической безопасности предпринимательской деятельности, и, соответственно, оптимизировать объемы финансирования их реализации.

Четвертый. Реализация доктрины должна сопровождаться принятием нормативно-правовых актов, детализирующих ее положения и формирующие четкие механизмы и алгоритмы, которые в дальнейшем будут понятными

для субъектов предпринимательской деятельности. Очевидно, что доктрина получит свое признание в предпринимательской среде через воплощение ее положений в программных документах политической, экономической и иной направленности. Другим индикатором ее признания послужит возможность применения ее положений при разработке регламентных документов по обеспечению экономической безопасности отдельными субъектами предпринимательской деятельности

Постепенный переход институционализации методологии экономической безопасности предпринимательской деятельности от микро- до макроуровня может иметь и обратный вектор направленности. В таком случае принятие государственными органами доктрины экономической безопасности предпринимательской деятельности будет служить отправной точкой для разработки соответствующего проекта государственно-частного партнерства и концепций на уровне отдельных субъектов (институциональных агентов). Речь идет о том, что для институционализации методологии основную роль играет не последовательность и значение субъектов в цепочке «институциональный агент – институт», а то, каким образом закрепляются, соблюдаются и реализуются в их деятельности соответствующие институции.

Здесь уместно подчеркнуть значение одного из основополагающих принципов институциональной теории – «методологического индивидуализма», согласно которому основу процессов в экономических системах на разных уровнях составляет индивидуальное поведение. Очевидно, что речь идет о поведении отдельных институциональных агентов, представляющих институты и формирующих институции как на макро-, так и на микроуровне.

Мы намеренно обращаем внимание на значении институциональных агентов только на данном этапе исследования. Учитывая вышесказанное, становится понятным, что к институциональным агентам относятся должностные лица государственных органов, руководители и работники субъектов предпринимательской деятельности, представители правозащитных общественных организаций. Все их действия как представителей институтов характеризуются «ограниченной рациональностью» относительно институционализации методологии обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности.

Так, должностные лица государственных органов ограничены: во-первых, положениями нормативно-правовых документов (или отсутствием таковых); во-вторых, давлением возможных негативных последствий принимаемых решений, которые будут иметь не эпизодической, а глобальный характер (для субъектов предпринимательской деятельности региона, отрасли, государства, на чем косвенно настаивают и (Макаров, 2010; Салов, 2007). Отметим, что, исходя из этого, в предложенной ранее структуре доктрины экономической безопасности предпринимательской деятельности отсутствуют разделы, касающиеся методологии ее обеспечения.

Следствием вышесказанного становится то, что зачастую руководители и работники субъектов предпринимательской деятельности, непосредственно реализующие исследуемую методологию, ограничены: во-первых, возможностью проверить эффективность отдельных методов выявления, оценки и противодействия угрозам экономической безопасности; во-вторых, действующими

щей практикой обеспечения экономической безопасности, которая сложно поддается изменениям, так как связана с необходимостью обучения работников или повышения их квалификации.

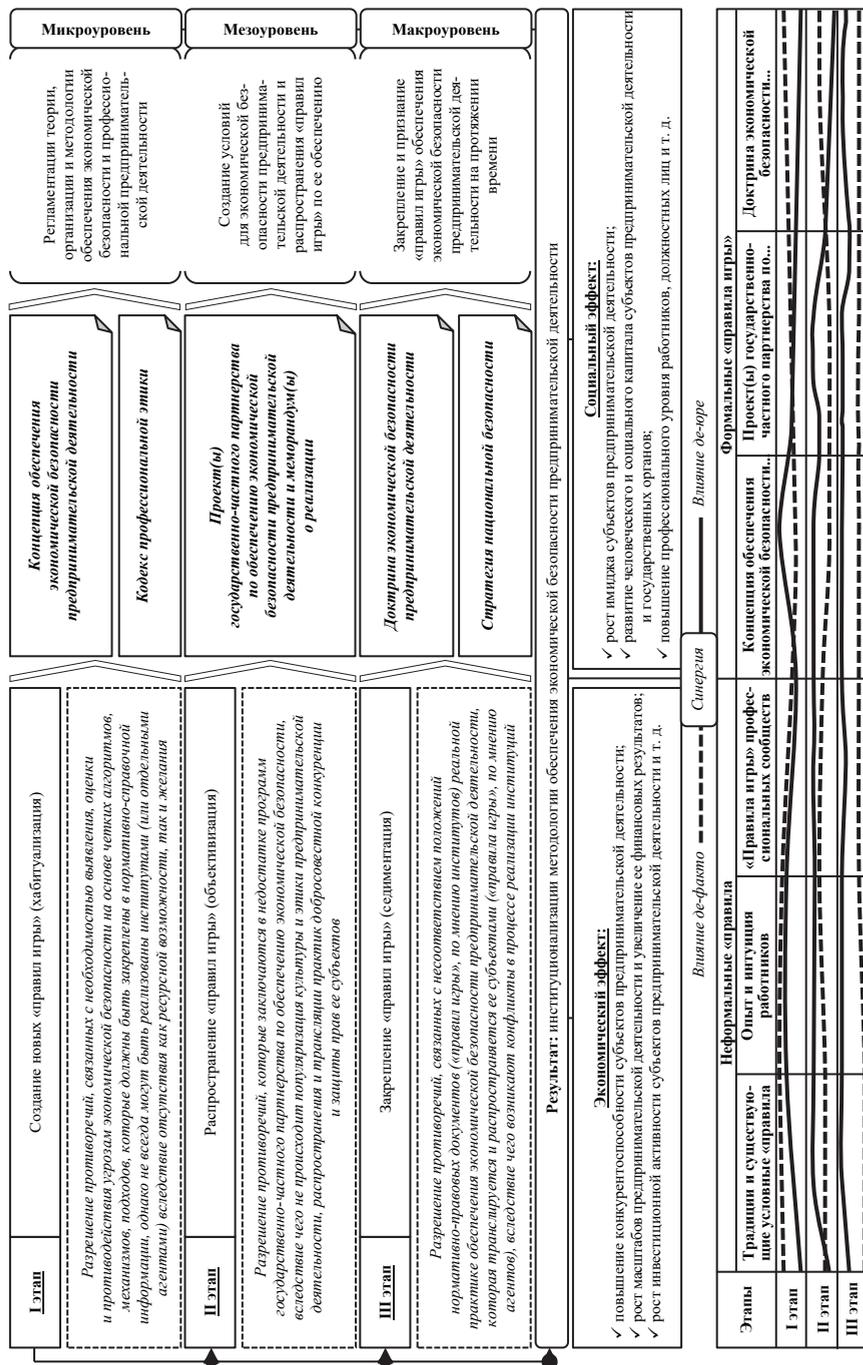
Объективно существующая «ограниченная рациональность», неизбежно сопровождающая институционализацию методологии экономической безопасности предпринимательской деятельности, связана с ее регламентацией не только для формирования институций, но и для четкого понимания взаимодействия институтов (институциональных агентов) при формальном закреплении «правил игры».

Однако следует также четко понимать, что для обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности важное значение имеют неформальные «правила игры», основой которых являются устоявшиеся традиции или практики, опыт и интуиция руководства. При этом их закрепление или формализация происходит посредством регламентации в соответствующих методических рекомендациях, положениях, должностных инструкциях (в том числе и связанных с проведением контрольно-аналитических мероприятий на предприятиях, см.: Епишин, 2016).

При этом именно институциональные агенты разрабатывают и одновременно руководствуются регламентными документами, в которых закреплены «правила игры» по обеспечению экономической безопасности предпринимательской деятельности. Данный тезис был положен в основу разработки модели институционализации методологии обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности, представленной на рисунке.

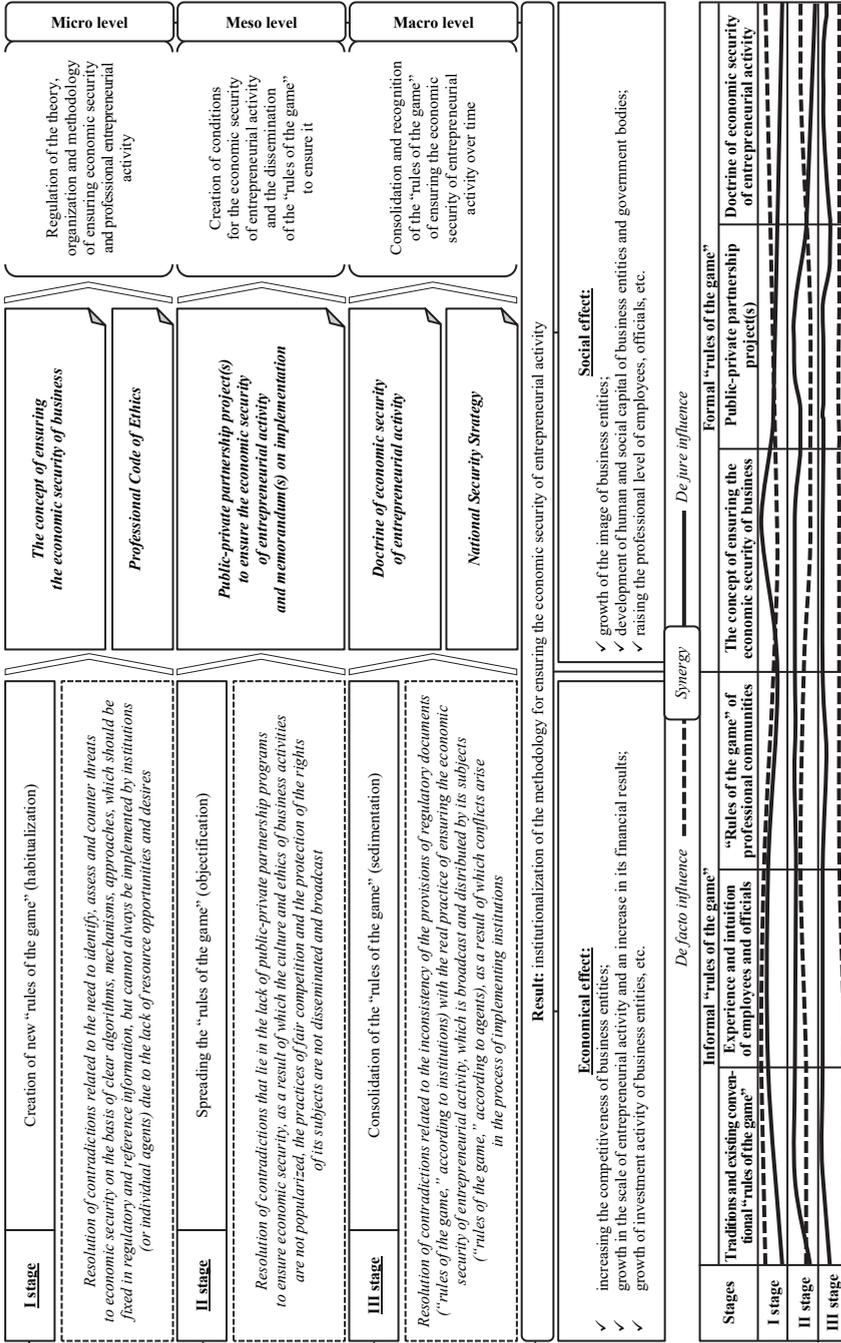
Нельзя не обратить внимание, что разработанная модель выступает своего рода «дорожной картой» институционализации методологии обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности, так как содержит четкий перечень этапов и сущностную характеристику противоречий, которые должны быть разрешены. Последовательное выделение этапов и результатов от реализации каждого из них позволяет рассматривать предложенную модель в качестве алгоритма, где обратная связь формируется посредством взаимообусловленности положений предложенных документов (от соответствующей концепции до доктрины экономической безопасности предпринимательской деятельности).

В свою очередь, детализация эффекта от реализации разработанной на рисунке модели позволяет говорить о синергии его экономической и социальной составляющей. Кроме этого, основным результатом институционализации методологии обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности является переход от неформальных «правил игры» (влияние де-факто) к исключительно формальным (влияние де-юре). Обратим внимание, что речь идет не о закреплении «правил игры» в законодательной плоскости, а их регламентации хотя бы в нормативно-справочной информации субъектов предпринимательской деятельности (кроме доктрины, которая может рассматриваться в качестве дополнения или приложения к стратегии национальной безопасности).

Модель институционализации методологии обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности

Источник: составлено автором.

The model of institutionalization of the methodology for ensuring economic security entrepreneurial activity.

Source: compiled by the author.

Заключение

На основе разграничения дефиниций фундаментальных категорий институциональной теории разработана модель институционализации методологии обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности. В ее основу положена взаимосвязанная и взаимообусловленная последовательность этапов, реализация которых направлена на создание, распространение и закрепление «правил игры» на микро-, мезо- и макроуровнях, а также получение экономического и социального эффекта. Каждый из этапов сопровождается проработкой комплекса регламентных документов, проекты которых, представленные в ходе исследования, базируются на модульном принципе составления. Это открывает субъектам предпринимательской деятельности или государственным органам возможность выбора тех разделов или отдельных положений, которые наилучшим образом учитывают современные экономические, социальные и политические условия.

Список литературы

- Андреева О.В., Шевчик Е.В., Селиванова А.Г. Институционализация новой модели финансового поведения промышленных компаний как механизм обеспечения экономического суверенитета России // *Пространство экономики*. 2014. № 2–3. С. 13–18.
- Бессарабов В.О. Интеллект-карта государственно-частного партнерства по обеспечению экономической безопасности предпринимательской деятельности // *Вестник Института экономических исследований*. 2020. № 4 (20). С. 101–111.
- Бессарабов В.О. Полицентричная модель методик обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности // *Известия ДВФУ. Экономика и управление*. 2020. № 3. 137–149.
- Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984. 202 с.
- Вишневская О.В. Подходы к формированию концепции экономической безопасности предприятия // *Пространство экономики*. 2011. № 4–2. С. 18–24.
- Галазова М.Ю. Институционализация финансово-кредитных инструментов экономической безопасности микропредприятий // *Пространство экономики*. 2008. № 4–4. С. 19–23.
- Гидденс Э. Социальные институты // *Социс*. 1994. № 2. С. 124–129.
- Гриднева Е.В., Шаповалов В.И. Подходы к оценке уровня экономической безопасности предприятия // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2019. № 12–1. С. 113–116.
- Епишин В.В., Светлаков А.Г. Учет и контроль в обеспечении экономической безопасности организаций Пермского края // *Экономика региона*. 2016. № 3. С. 897–898.
- Ивашина А.Ф. Институционализация в системе факторов экономического развития // *Научные труды ДонНТУ. Серия: Экономическая*. 2011. № 40–2. С. 98–104.
- Инишаков О.В. Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации // *Социологические исследования*. 2003. № 9. С. 42–51.
- Инишаков О.В., Фролов Д.П. Эволюционная перспектива экономического институционализма // *Вопросы экономики*. 2010. № 9. С. 63–77.
- Лебедева Н.Н. Институциональная экономика: материалы к спецкурсу. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. 76 с.
- Логинова Л.В. Институционализация экономических интересов: методологический аспект // *Формирование российской модели рыночной экономики: противоречия и перспективы*. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2003. С. 259–265.
- Мазур И.И. Институционализация теневой экономики Украины // *Вестн. Киев. нац. ун-та имени Тараса Шевченко. Экономика*. 2006. № 86–87. С. 14–18.

- Майбурд Е.М. Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров. М.: Дело: Вита-Пресс, 1996. 544 с.
- Макаров А.Н. Импортозависимость предприятий промышленности региона как угроза его экономической безопасности // Экономика региона. 2010. № 4. С. 121–124.
- Манахова И.В., Левченко Е.В. Обеспечение экономической безопасности компании в условиях цифровизации экономики // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2020. № 1. С. 16–21.
- Петров И.В. Превентивное антикризисное управление в обеспечении экономической безопасности хозяйствующих субъектов // Пространство экономики. 2012. № 1–3. С. 129–132.
- Пилова Д.П. Уровень экономической безопасности предприятия как критерий оценки результатов его хозяйственной деятельности // ГИАБ. 2007. № 11. С. 192–194.
- Попов Е.В., Семячков К.А. Проблемы экономической безопасности цифрового общества в условиях глобализации // Экономика региона. 2018. № 4. С. 1088–1101.
- Портер М. Курс МВА по стратегическому менеджменту. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 588 с.
- Салов А.В. Экономическая безопасность предпринимательских структур современной России и ее регионов – постановка проблемы и векторы ее решения // Пространство экономики. 2007. № 2–2. С. 266–268.
- Серл Дж. Что такое институт? // Вопросы экономики. 2007. № 8. С. 5–27.
- Ткач А.А. Институциональные основы рыночной инфраструктуры. К.: НАН Украины, 2005. 295 с.
- Тугушева Г.Р. Направления совершенствования управления системой экономической безопасности организации // Наука и образование сегодня. 2020. № 2 (49). С. 39–40.
- Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. 2001. Т. 2. С. 28–55.
- Фролов Д.П., Шулимова А.А., Инютин А.В. Система институций и механизм институализации социально-ответственной компании // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономическая теория. 2013. № 1 (22). С. 18–25.
- Фуруботн Э., Рихтер Р. Институты и экономическая теория: достижения новой институциональной экономической теории. СПб.: Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. 702 с.
- Шелудченко Ж.Н. Теоретико-методологические аспекты разработки системы экономической безопасности промышленного предприятия // Пространство экономики. 2009. № 2–2. С. 140–143.
- Dugger W. Methodological differences between institutional and neoclassical economies // Journal of Economic Issues. 1979. Vol. 13. Pp. 899–909.
- Huntington S.P. Political order in changing societies. New Haven: Yale University Press, 1968. 448 p.
- Tolbert P., Zucker L., Clegg S. The institutionalization of institutional theory // Handbook of Organization Studies. London: SAGE, 1996. Pp. 175–190.

References

- Andreeva, O.V., Shevchik, E.V., & Selivanova A.G. (2014). Institutionalization of a new model of financial behavior of industrial companies as a mechanism for ensuring the economic sovereignty of Russia. *Space of Economics*, (2–3), 13–18. (In Russ.)
- Bessarabov, V.O. (2020). Intellect map of public-private partnership to ensure the economic security of business. *Bulletin of the Institute for Economic Research*, (4(20)), 101–111. (In Russ.)
- Bessarabov, V.O. (2020). Polycentric model of methods of ensuring the economic security of entrepreneurial activity. *The Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management*, (3), 137–149. (In Russ.)

- Dugger, W. (1979). Methodological differences between institutional and neoclassical economies. *Journal of Economic Issues*, 13, 899–909.
- Epishin, V.V., & Svetlakov, A.G. (2016). Accounting and control in ensuring the economic security of organizations in the Perm region. *Economy of the Region*, (3), 897–898. (In Russ.)
- Fligsteen, N. (2001). Fields, power and social skills: A critical analysis of new institutional currents. *Economic Sociology*, 2, 28–55. (In Russ.)
- Frolov, D.P., Shulimova, A.A., & Inyutin, A.V. (2013). The system of institutions and the mechanism of institutionalization of a socially responsible company. *Bulletin of the Volgograd State University. Economic Theory*, (1(22)), 18–25. (In Russ.)
- Furubotn, E., & Richter, R. (2005). *Institutions and economic theory: Achievements of a new institutional economic theory*. Saint Petersburg, St. Petersburg State University Publ. (In Russ.)
- Galazova, M.Y. (2008). Institutionalization of financial and credit instruments for the economic security of micro-enterprises. *Economy Space*, (4–4), 19–23. (In Russ.)
- Giddens, E. (1994). Social institutions. *Sotsis*, (2), 124–129. (In Russ.)
- Gridneva, E.V., & Shapovalov, V.I (2019). Approaches to assessing the level of economic security of an enterprise. *Economics and Business: Theory and Practice*, (12–1), 113–116. (In Russ.)
- Huntington, S.P. (1968). *Political order in changing societies*. New Haven, Yale University Press.
- Inshakov, O.V. (2003). Economic institutions and institutions: on the issue of typology and classification. *Sociological Studies*, (9), 42–51. (In Russ.)
- Inshakov, O.V., & Frolov, D.P. (2010). Evolutionary perspective of economic institutionalism. *Problems of Economics*, (9), 63–77. (In Russ.)
- Ivashina, A.F. (2011). Institutionalization in the system of factors of economic development. *Scientific Works of DonNTU. Series: Economic*, (40–2), 98–104. (In Russ.)
- Lebedeva, N. N. (1999). *Institutional economics: Materials for a special course*. Volgograd, VolGU Publ. (In Russ.)
- Loginova, L.V. (2003). Institutionalization of economic interests: Methodological aspect. *Formation of the Russian Model of a Market Economy: Contradictions and Prospects* (pp. 259–265). Moscow, Ekonomicheskii fakul'tet MGU, TEIS Publ. (In Russ.)
- Makarov, A.N. (2010). Import dependence of industrial enterprises in the region as a threat to its economic security. *Economy of the Region*, (4), 121–124. (In Russ.)
- Manakhova, I.V., & Levchenko, E.V. (2020). Ensuring the economic security of the company in the context of the digitalization of the economy, (1), 16–21. (In Russ.)
- Mayburd, E.M. (1996). *Introduction to the history of economic thought. From prophets to professors*. Moscow, Delo Publ., Vita-Press. (In Russ.)
- Mazur, I.I. (2006). Institutionalization of the shadow economy of Ukraine. *Bulletin of the Taras Shevchenko National University of Kyiv. Economy*, (86–87), 14–18. (In Russ.)
- Petrov, I.V. (2012). Preventive anti-crisis management in ensuring the economic security of business entities. *Space of the Economy*, (1–3), 129–132. (In Russ.)
- Pilova, D.P. (2007). Level of economic security of an enterprise as a criterion for assessing the results of its economic activity. *GIAB*, (11), 192–194. (In Russ.)
- Popov, E.V., & Semyachkov, K.A. (2018). Problems of economic security of digital society in the context of globalization. *Economy of the Region*, (4), 1088–1101. (In Russ.)
- Porter, M. (2007) *Course MBA in strategic management*. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ. (In Russ.)
- Salov, A.V. (2007). Economic security of entrepreneurial structures in modern Russia and its regions – problem statement and vectors of its solution. *Space of Economics*, (2–2), 266–268. (In Russ.)
- Searl, J. (2007). What is an institution? *Economic Issues*, (8), 5–27. (In Russ.)
- Sheludchenko, Zh.N. (2009). Theoretical and methodological aspects of developing a system of economic security of an industrial enterprise. *Space of the Economy*, (2–2), 140–143. (In Russ.)

- Tkach, A.A. (2005). *Institutional framework for market infrastructure*. Kyiv, NAS of Ukraine. (In Russ.)
- Tolbert, P., Zucker, L., & Clegg, S. (1996). The institutionalization of institutional theory. *Handbook of Organization Studies* (pp. 175–190). London, SAGE.
- Tugusheva, G.R. (2020). Directions of improving the management of the system of economic security of the organization. *Science and Education Today*, (2(49)), 39–40. (In Russ.)
- Veblen, T. (1984). *Theory of the leisure class*. Moscow. (In Russ.)
- Vishnevskaya, O.V. (2011). Approaches to the formation of the concept of economic security of an enterprise. *Economy Space*, (4–2), 18–24. (In Russ.)

Сведения об авторе / Bio note

Бессарабов Владислав Олегович, кандидат экономических наук, доцент, докторант, кафедра бухгалтерского учета, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского. E-mail: bessarabov93@gmail.com

Vladislav O. Bessarabov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Doctoral Student, Department of Accounting, Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky. E-mail: bessarabov93@gmail.com

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ECONOMIC INTEGRATION AND GLOBALIZATION

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-4-653-663

UDC 339

Research article / Научная статья

The role of the SCO countries in ensuring China's energy security

Tlesh Mamakhatov^{1,2} , James Mohammad Mallah³¹*Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences,
32 Nakhimovskii Prospekt, Moscow, 117997, Russian Federation*²*Security Problems Studies Centre of the Russian Academy of Sciences,
21B Garibaldi St, Moscow, 117335, Russian Federation*³*Southern Federal University,
105/42 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation* tmamakhatov@gmail.com

Abstract. The growing dynamics of relationships amongst Central Asia, Russia and China, and other SCO member states in economic and energy corporations is analyzed. Since the formation of the SCO, there have been tremendous changes in the dispensation of both political and economic forces in the region. The actual terms of the cooperation and the functions of the numerous SCO member states have changed, thus increasing the significance of some member countries while relegating others to minor leading roles. The Central Asian region plays a leading role in the SCO organization itself as a geographical platform for its activities and as one of the world's leading countries in the global context. First, this course applies to Russia and China. However, China's recent record-breaking economic growth has affected relations and cooperation with both the SCO countries and Russia over the past decades. The long history of interaction between Russia and countries of Central Asia and the current economic policy pursued by China in the region has a complex structure of intertwining with each other, making the situation of Russian-China's relations paramount in the SCO. The booming economic growth of China leads to the transformation of the world economic space, where the other countries still occupy the leading positions. Foreign countries, fearing economic competition, announced a policy of containing China. The tension in the economic relations of the Central Asia countries and China is growing.

Keywords: China, Russia, SCO, economic cooperation, economy, Central Asia, energy

Article history: received July 14, 2021; revised August 20, 2021; accepted September 15, 2021.

For citation: Mamakhatov, T., & Mallah, J.M. (2021). The role of the SCO countries in ensuring China's energy security. *RUDN Journal of Economics*, 29(4), 653–663. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-653-663>

© Mamakhatov T., Mallah J.M., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Роль стран ШОС в обеспечении энергетической безопасности Китая

Т. Мамахатов^{1,2} , Дж.М. Маллах³

¹Институт Дальнего Востока Российской академии наук,
Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр-кт, д. 32

²Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук,
Российская Федерация, 117335, Москва, ул. Гарибальди, д. 21Б

³Южный федеральный университет,
Российская Федерация, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42

 tmmamakhatov@gmail.com

Аннотация. Анализируется растущая динамика отношений между странами Центральной Азии, Россией и Китаем, а также другими государствами – членами ШОС в области экономического и энергетического сотрудничества. За прошедшие 20 лет с момента образования ШОС произошли огромные изменения как политических, так и экономических сил в регионе. Изменились фактические условия сотрудничества и функции многочисленных государств – членов ШОС, что повысило значимость одних стран-участниц и отодвинуло другие на второстепенные роли. Центрально-Азиатский регион играет ведущую роль и в ШОС (как географическая платформа их деятельности), и в глобальном контексте (как один из ведущих регионов мира). Эти изменения также касаются России и Китая. В последние десятилетия рекордный экономический рост Китая повлиял на отношения и сотрудничество со странами ШОС и Россией. Многолетняя история взаимодействия России и стран Центральной Азии и текущая экономическая политика, проводимая Китаем в регионе, имеют сложную, переплетающуюся структуру, что делает ситуацию российско-китайских отношений первостепенной в рамках ШОС. Экономический рост Китая приводит к трансформации мирового экономического пространства. Зарубежные страны, опасаясь экономической конкуренции, объявили политику сдерживания Китая. Напряженность в экономических отношениях стран Центральной Азии и Китая нарастает.

Ключевые слова: Китай, Россия, ШОС, экономическое сотрудничество, экономика, Средняя Азия, энергия

История статьи: поступила в редакцию 14 июля 2021 г.; проверена 20 августа 2021 г.; принята к публикации 15 сентября 2021 г.

Для цитирования: Mamakhatov T., Mallah J.M. The role of the SCO countries in ensuring China's energy security // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29. № 4. С. 653–663. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-653-663>

Introduction

In the current conditions of aggravation of economic problems, multiplied by the factor of a global epidemiological disaster, the SCO countries' economic and energy cooperation, led by Russia and China, is of particular interest. This article provides an answer to the main question implied by the mention of the SCO and the Central Asian region, whether Russia and China are currently competitors or remain reliable partners. The Shanghai Cooperation Organization (SCO) was established or founded in June 2001. Initially, the SCO included China, Russia, Kazakhstan, Tajikistan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan. In 2017, India and Pakistan of-

ficially joined with Iran taking the status of observer and a potential candidate for membership. SCO countries totaled the area of more than half of the territory of Eurasia and more than a 34 million square kilometers, including almost the entire region of central and southern Asia. The population of SCO countries accounts for almost half of the world population resulting in more than 3.4 billion inhabitants in 2021 (Komissina, Kurtov, 2005). Most importantly, the indicators show that China and India play a significant role with their record population. In economic terms, today's undisputed leader is China, the second economy in the world after the United States in terms of nominal GDP and the first in terms of PPP (Purchasing Power Parity).

Although the SCO is not a military bloc such as NATO or the organization of a security conference, the leading members of the SCO also make up the Shanghai Five, an agreement on cooperation in the military sphere and the reduction of the armed forces of member countries on adjacent borders. The agreement was signed in 1997 by Kazakhstan, Kyrgyzstan, China, Russia, and Tajikistan. The declared tasks of the SCO are to ensure stability and security in an ample space uniting the member states, joint counteraction against terrorism, separatism, extremism, and drug trafficking. A significant role is paid to developing cooperation in economics, energy, scientific work, and cultural exchange. Thus, the SCO occupies an intermediate position between the member states' security, energy, economic, and military cooperation.

Methods

Methods that have been used in this research: Induction and deduction analysis, generalization, synthesis. In this article, the authors determined the features and trends of the participation of countries in Central Asia to ensure China's energy security; perceive the present place and the role of China in the global or world energy market; discussed why the strengthening of China's role in the SCO in the matter of economic and energy cooperation.

Literature review

This article is based on the studies of leading Russian and Western scientists about the development of the global economy and energy security and the problems of trade and economic relations and energy cooperation between Russia and China. Some of them are trying to identify China's impact on a particular country (Mogilevskii, 2019). Others analyze Central Asia's integrations: The Eurasian Economic Union and Silk Belt and Road Initiative (Svetlicinii, 2018; Aristova, 2018). Other papers cover China's infrastructure objects for investment in CA countries (Goncharenko, 2018; Sarker et al., 2018).

Structural features of China's modern Energy Security Strategy

Energy security has been a focal point of the Chinese Energy Security Strategy. In terms of global importation and consumption China remains one of the leaders ahead of many other countries. However, the context of energy security is directed to the security dealing with the supply of resources, particularly oil and gas. For China, energy security is relevant to its economic growth, and

the state understands it as a reliable and uninterrupted supply of energy resources capable of supporting economic activities.

Overall, energy security is classified into two distinguished types: “absolute” and “relative.”

Absolute energy security is most often called *monopoly security* which means large energy consumers, with the assistance of their own economic, political, and military power, work on a global scale to control and own a more significant part of both the oil and gas fields. By strengthening military cooperation and coalitions, they significantly dominate their participation amongst international energy organizations and provide reliable support or guarantee for energy supplies at stable prices. However, the United States is unarguably the only executor of such a strategy related to “absolute” energy security in our present times. However, “relative energy” security involves joint corporations to ensure a mutual or collective energy security strategy. On the contrary, energy consumers focused more on cooperation with energy producers using joint production, developing investment opportunities, energy infrastructure.

Different mechanisms of energy monitoring, stabilization of energy prices, management of transportation of energy resources, information support is created between energy consumers and others to ensure their energy security. China’s strategic choice, however, is seemingly clear that it focuses on relative energy security.

The Energy Security Strategy of China listed in their strategic priorities focus includes the following vital areas “economy,” “technological innovation,” “diversified cooperation.”

The Chinese prioritize the economy as their first security strategic focus. Also, the country considers saving resources and protecting the environment as a massive foundation of state policy. Nowadays, China focuses on creating an ecological system and culture, declaring that the primary measure of protecting ecological functions will be through resource economy. Most importantly, it is helpful to ensure the economic and intensive use of resources through the stimulation of radical transformation and the strengthening and management of the entire process of use to save, so that the intensity of consumption of energy resources such as water and land can be reduced significantly. In contrast, the coefficient and the efficiency of their use can be increased. The Chinese energy strategy seeks to promote revolutionary forms of production and consumption of energy resources through the control of the total volume of cost of production, intensified energy saving and cost reduction, support the development of energy savings, and cost reduction.

It is necessary to promote revolutionary forms of production and consumption of energy resources through the control of the total volume cost, intensification of energy-saving cost, supporting of the development of low energy saving and low carbon industries, the development of new and renewable energy sources, ensuring the state’s energy security.

The second priority is technological innovation. This priority looks into the scientific and technical innovation as a strategic focus in raising the height of productive social forces. The sovereignty of state power must be designed into the center of the entire process of the country’s development.

The formation of an innovative environment is considered as one of the goals of the Chinese republic in the future. This is not only about ideological innovation and management methods but, most notably, about technology innovation.

For the country's leadership, scientific technology is considered the first productive focus and force, i.e., scientific technology is determined by the development of productive forces and contributes to the changes and transformation of society, economy, and culture. At the same time, the Chinese leadership has repeatedly stated that in order to continue its enrichment for the development of its potential, the country must promote scientific and technological processes in the energy sector, increase the innovation ability of the country and overcome the complex technical challenges in the development of the energy sector (Reshetnikova, 2021). Today, China's plan to develop the new type of energy and new energy technologies is an essential component in the state foreign policy cooperation with a partner and foreign countries.

The third priority is "diversified cooperation." In the sector of international energy cooperation, there are three proposed models of interaction: horizontal, vertical, and complex models. In any case, the horizontal model of energy cooperation is a multilateral network or cooperation between different energy consumers. The vertical model of energy cooperation is understood as the establishment of bilateral cooperation between energy producers and consumers. In other words, the model provides valuable and direct interaction between trends in the "upstream and downstream." Following the model, energy consumers are dependent on the usage of energy diplomacy in order to establish bilateral partnerships with energy producers to maximize their security of energy supply.

Comprehensive energy cooperation is being established by combining both the horizontal and the vertical models. According to the horizontal model with energy, the countries adhering to these models are conducting energy dialogue with both energy consumers. Energy producers are forming a comprehensive energy cooperation model according to the vertical model.

The republic of China is not part of the international structure with either energy consumers or energy producers. Therefore, China's international energy strategy is more of a vertical model.

China in SCO economic cooperation

In the crisis year of 2020, China's gross domestic product grew by only 2,3%, while in 2019, this figure was 6% or more in previous years. There have been no such minimum rates since 1976. However, China has become the only significant economy globally to avoid a slowdown in the GDP growth rate due to the COVID-19 pandemic. Despite the drop in indicators at the beginning of the year, China managed to recover fully, showing a high recovery speed even against the backdrop of a fierce trade war against the United States and its political and economic pressure.¹ The Chinese economy accelerated in the fourth quarter, and in the first quarter, China's GDP fell by 6.8%, then it grew by 3.2% in the second quarter, and the third grew by 4,9 and 6,5% in the fourth.

In terms of world or global decline in production and the drastic decline in economic activities in the world, the Chinese economic growth was supermassive,

¹ Vinogradov, A.O., & Salitsky, A.I. (2018). *US – China: Trade war unleashed*. (In Russ.) Retrieved September 7, 2020, from http://www.perspektivy.info/oykumena/ekdom/ssha__kitaj_torgovaja_vojna_razvazana_2018-08-13.htm

particularly in the context of the US implementation of its Indo-Pacific Strategy, which implies opposition to China in several key areas included in prominent areas such as the economic and energy spheres.

The energy security problem today is becoming one of the most emerging and pressing issues in China's economic development plans. The Trump Indo-Pacific Strategy put forwards in the United States worsens the atmosphere of China's energy security and increases the risk for the transportation of energy resources by sea from the regions of the Middle East, Africa, and the Asian-Pacific regions.

The Chinese energy supply diversification is considered a logical strategic choice, so the emphasis on this issue is shifting to Eurasian cooperation. On China's energy security, supplies of resources from Central Asia and Russia are beginning to come first and becoming an object of priority and strategic importance. Central Asia is a region rich in hydrocarbon resources, geographically close to the PRC. It is already evident that the Central Asian region has begun to play a significant role in the Chinese energy supply systems.

Despite a slight reduction in the rate of growth of the Chinese economy in current years, the country confidently retains its status as the world second-largest economy after the United States, and in any case, if calculated in terms of PPP, then it is eventually the first in the whole world.

Such colossal economic performance and Industrial Economic growth require much energy. However, there is still a growing energy consumption rate in China, an exceptionally high growth rate observed in the oil and gas sector. Sources from the British Petroleum Statistics show that the volume of oil consumption in China in 2019 amounted to 650million tons, more than 5% in the previous years. The high rates of economic and industrial growth in China require many material resources. Today we can say that the provision of its energy resources in China is less than 80%, endangering the country's energy security (Ruban, Grib, 2020).

Within the framework of the SCO interaction, the following main interrelated areas can be distinguished:

- energy policy;
- economic cooperation;
- regional security;
- humanitarian cooperation.

A large amount of work is being carried out in each area on the interaction between the SCO countries. The principles of work within the organization are based on each participant's equal and fair position, but the dynamic development requires an analysis of the current situation.

Energy policy

The Central Asia region, located in Eurasia, has the richest natural and energy resources. Throughout its history, Central Asia has been an arena of geopolitical struggle in the world. It is worth recalling the Great Game of Great Britain and the Russian Empire. Today, the role of Central Asia has increased many times due to increased competition for energy resources in the world. Here, we can discuss the struggle between world and regional powers, represented by Russia, China, the United States, Iran, and Turkey. China has recently begun to play a priority

role in this direction, pushing back the historical hegemon in this region. Russia, Kazakhstan, Turkmenistan, and Uzbekistan are highly rich in oil and gas resources; moreover, these reserves are sufficient for them not only to meet their own needs but also for largescale exports, which strengthens the economies of these republics. Table shows the structure of the distribution of energy resources in the countries of Central Asia.

Share of energy resources in each of the Central Asian countries, %

Energy resource	Kazakhstan	Kyrgyzstan	Tajikistan	Turkmenistan	Uzbekistan
Oil	50	5	1	17	13
Natural gas	16	2	2	83	84
Coal	28	11	1	0	2
Hydro resources	6	82	96	0	1

Source: calculated by the authors based on the available data from the Ministry of Energy of Russia. Retrieved February 12, 2021, from <https://minenergo.gov.ru/>

Today, China bases its policy principles on the issuance of energy interacting with other countries in the Central Asian region base on the following. Firstly, China considers solid political ties as a vital force for reliable energy cooperation. The PRC was one of the first to recognize the sovereignty of the different countries of the Southern Asia region and establish diplomatic relations quickly (Belova, Egorycheva, 2020). This possibility of diplomatic ties made it very possible to develop a solid foundation and deepen multilateral energy cooperation.²

Secondly, the Chinese energy principle focuses on geographic proximity. Unarguably there is geographic proximity of central Asian energy resources to the world’s largest energy consumer “China.” The PRC borders with partner countries, allowing the reduction of transportation cost of delivery energy resources and minimizing the total and average costs for energy cooperation with countries of Central Asia.

Thirdly, China considers mutual complementarity in the development of energy cooperation between countries. The multi-vector nature of the energy supply is not only beneficial to the Chinese economy but at the same time to partner exporting countries. By striking such a deal, the Chinese avoids total dependence on hydrocarbon resource supplies from the Middle East and the Asian Pacific, increases their energy security, and the Central Asian countries, in turn, get the opportunity to pursue a more flexible and independent policy in the regional energy market, avoiding a monopsony situation. Diversification of energy cooperation has a highly positive impact on the economies of all SCO countries, allowing trade in energy resources within the framework of market relations, free competition, and developing multilateral energy partnerships.³ One of China’s largest energy partners in Central Asia is Kazakhstan. Energy cooperation between the two countries began in 1993, and for almost 30 years, both countries have streng-

² Green, M. (2019, April 25). China’s debt diplomacy. *Foreign Policy*. Retrieved December 6, 2020, from <https://foreignpolicy.com/2019/04/25/chinas-debt-diplomacy/>

³ *Trade turnover of Russia and China: Statistics and development dynamics*. (In Russ.) Retrieved May 12, 2021, from <http://fb.ru/article/380716/tovarooborot-rossii-i-kitaya-statisticheskie-dannyye-i-dinamika-razvitiya>

thened their continuous development in a positive direction, which consists in increasing the presence of Chinese capital in the oil and gas sector of the country.

One of the examples can be seen in the 2003 acquisition when the Chinese company CNPC acquired significant shares of the Aktobe Oil field in the amount of 85.6%. Also, in 2005, the Chinese company ONPC made another acquisition. The company acquired the Petro Kazakhstan while constructing the first transnational Oil pipeline, “Kazakhstan-China,” built-in 2006.⁴

Since 2008, there has been a severe and systematic expansion of relation and branching of oil and gas pipeline across the Kazakhstan territory meant to rich oil field of Kazakhstan sector of the Caspian Sea with the Chinese pipeline systems. Also, with the financial support of China, projects in the field of gas production are being developed. In 2012, the China Development Bank signed a document to provide \$ 1.8 billion to Kazakhstan to construct the Beineu – Shymkent trunk pipeline.

Silk Road Economic Belt

Source: Neftegaz.ru. Retrieved April 10, 2021, from <https://neftgaz.ru/news/transport-and-storage/539234-pogazoprovodu-srednyaya-aziya-kitay-eksportirovano-304-6-mlrd-m3/>

The main slogan of the project is expressed as “One Belt – One Road,” which justifies the promotion of the interconnection between the regions of Asia, Europe, and Africa. The project also establishes ties amongst the adjacent seas of the region to continue strengthening the established partnership in trade and economic relations that may involve the expansion of trade and economic ties with China’s leading trading partners – The European Union (EU). This can be achieved through the diversification of different trade routes. For example, reducing the delivery period of goods by rail from Western China to the European Union takes only 11 days. However, there are options of laying a brand-new route within the standard framework of the Silk Road Project through the Northern Sea route of Russian water that is also being discussed (Figure).

⁴ IEA. (2019). *World Energy Outlook*. Retrieved March 10, 2021, <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2019>

The implementation of this project requires infrastructural development through the interconnection of countries, the implementation of unhindered trade within the project framework, and financial integration coupled with political coordination of all project participants on a multinational census.

Additionally, there should be mutual solutions to address the emergence of similar regional projects for the Central Asia-Eurasia Economic Union of Russia (EAEU) and the Silk Road Economic Belts (SREB) of China. This problem has become the most severe issue for Moscow and Beijing since the late 2000s.

For countries in the EAEU, the most attractive project will be the New Silk Road. This will eventually allow investment in Russia, Kazakhstan, and Belarus to improve their transport infrastructure, which can also be used to transport goods amongst some EAEU member states.

The planned transport corridor will be a high-speed railway line passing through Russia, Kazakhstan, Belarus, Poland, and Germany, connecting the People's Republic of China to Western Europe. The project is considered very ambitious and requires investing huge financial investment costs and many different unresolved challenges.

For European Union countries the transportation of goods to China and other countries in the Asian Pacific through the Trans-Siberian and further through the eastern Russian ports costing twice as much as the delivery using through sea transportation. It is essential to consider the unsatisfactory states of transport infrastructure of the Russian Federation and Kazakhstan and other countries of the region and the differences in the railway Kalei between Russia and other Western European Countries.

To finance the Belt Road projects, two new financial institutions were established in China in 2014, namely, the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) and the Silk Road fund. The fund was meant to provide investment and financial assistance that could promote relations and cooperation with the Silk Road Economic Belt and national and international companies and financial institutions.⁵

The initial capital was estimated to be \$ 10 billion and was taken from such sources as the Export-Import Bank of China with 15% Chinese investment corporations, 15% China Development Bank 5%, and the State Administration of Foreign Exchange 65%.

China's investment in Central Asian countries

The Silk Road project is implemented based on developing transport infrastructure in the countries where the route runs.

The second principle of access to the resources of partner countries is the import of raw materials and the export of Chinese goods. Moreover, the third principle is to create conditions for the mutual exchange of innovations, primarily with technically advanced countries for China, such as Russia and the countries of Western Europe. The volume of investments and trade between China and Central Asian countries has grown dramatically in recent years. The Chinese capital has firmly established itself in the region's countries, overtaking Russia and the countries of the West. The share of Chinese firms in Kazakhstan is already over 25% in oil production.

⁵ Laruelle, M. (2018). China's Belt and Road Initiative and its impact in Central Asia. OHCHR Library Catalogue. Retrieved August 27, 2020, from <https://searchlibrary.ohchr.org/record/25989>

In Turkmenistan, due to the previously mentioned “Gas War” in 2009, China squeezed out “Gazprom” as a buyer of natural gas, redistributing up to 61% of the export of raw materials to itself. The volume of Chinese capital in Kazakhstan, Uzbekistan, and Turkmenistan already exceeds Russian investments by 11 times and grows.⁶

Conclusion

Today, the relationship between Russia and China is based on the delineation of significant functions in Asia and the SCO. Both countries support each other because if China assumes the functions of an economic locomotive, then Moscow acts as a guarantor of security in the region. Specific financial resources also back China’s new Silk Road project. The Russian project is more in line with preserving historical position within the region and its image. Moscow, however, seeks to return the EAEU members states into one of the major centers of multipolar world order and create it as a connection between East Asia and Western Europe. To do this, it is necessary to accept harmony with China as a partner that respects Russia.

The Greater Eurasia concept is an attempt to expand the territorial restrictions of the EAEU. Greater Eurasia must embrace all significant players, from China to India to ASEAN. Russia cannot compete with the Chinese “check diplomacy.” In the 2010s, Russia gradually limited its presence in the energy sector. China is more interested in the practical benefits of regional cooperation, while Russia uses its projects to maintain its image as a strategic leader of Eurasia. In conclusion, we can say that cooperation between Russia and China in the region does not bear the character of a competitive struggle but is more a partnership interaction with an agreed distribution of roles in the SCO region to the extent of available resources. China in no way questions the political and military leading role of Russia, and at the same time, the factor of China’s economic power is recognized by all members of the organization.

References / Список литературы

- Belova, I.N., & Egorycheva, E.A. (2020). Belt and Road Initiative: Prerequisites for China’s modern foreign economic policy. *RUDN Journal of Economics*, 28(3), 620–632. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-3-620-632>
- Goncharenko, S. (2018). One Belt – One Road: General prosperity or unused risks? *Eastern Analytics*, (3), 43–49.
- Komissina, I.N., & Kurtov, A.A. (2005). *The Shanghai Cooperation Organization: The formation of a new reality*. Moscow, Russian Institute for Strategic Studies.
- Li, S., & Van, C. (2013). China’s Energy Security Strategy in Central Asia. *Sravnitel'naya Politika*, 4(2), 10–20. (In Russ.) [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2013-4-2\(12\)-50-59](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2013-4-2(12)-50-59)
 Лу С., Ван Ч. Стратегия энергетической безопасности Китая в Центральной Азии // Сравнительная политика. 2013. Т. 4. № 2. С. 50–59. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2013-4-2\(12\)-50-59](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2013-4-2(12)-50-59)
- Maroń Zając, J., & Szmigiel, K. (2019). USA – China: Trade war or manageable conflict. *International Business and Management: CFM Conference* (p. 9). Krakow, Cracow University of Economics.

⁶ Hedlund, S. (2019). Uzbekistan is trying to balance Chinese and Russian influence. *Geopolitical Intelligence Services*. Retrieved October 14, 2020, from <https://www.gisreportsonline.com/uzbekistan-emerging-from-isolation,politics,2801.html>

- Mogilevskii, R. (2019). *Kyrgyzstan and the Belt and Road Initiative*. Working Paper No 50. University of Central Asia. Retrieved October 14, 2020, from <https://www.ucecentralasia.org/Resources/Item/2153/EN>
- Morris, S., Parks, B., & Gardner, A. (2020). *Chinese, and World Bank lending terms: A systematic comparison across 157 countries and 15 years: Center for Global Development Policy paper*. Washington, DC: Center for Global Development.
- Reshetnikova, M.S. (2021). China's innovation race: Future leader or outsider? *RUDN Journal of Economics*, 29(1), 56–63. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-1-56-63>
- Ruban, L.S., & Grib, N.S. (2020). China's energy strategies and their implementation. *Drilling and Oil Magazine*, (4), 4–9. (In Russ.)
Рубан Л.С., Гриб Н.С. Энергетические стратегии Китая и их реализация // Бурение и нефть. 2020. № 4. С. 4–9.
- Safonkina, E.A. (2018). Chinese 2017 BRICS Presidency: Expanding cooperation horizons. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18(2), 356–367. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-2-356-367>
Сафонкина Е.А. Китайское председательство в БРИКС в 2017 г.: расширяя горизонты сотрудничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 356–367. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-2-356-367>
- Salitskii, A.I. (2018). The outward expansion of China as a result of its victorious modernization. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 88(1), 104–110.
- Sarker, M., Hossin, M., Yin, X., & Sarkar, M. (2018). One Belt One Road Initiative of China: Implication for future of global development. *Modern Economy*, 9(4), 623–638.
- Stephen, J.R. (2018). *Is foreign trade the cause of manufacturing job losses?* Urban Institute. Retrieved November 15, 2020, from https://www.urban.org/sites/default/files/publication/97781/is_foreign_trade_the_cause_of_manufacturing_job_losses_2.pdf
- Svetlicinii, A. (2018). China's Belt and Road Initiative and the Eurasian Economic Union: "Integrating the Integrations". *Public Administration Issues, Special Issue* (pp. 7–20). <http://doi.org/10.17323/1999-5431-2018-0-5-7-20>
- Toplu Yilmaz, Ö. (2020). USA – China trade wars: Back to protectionism in world trade. *International Trade Policies in the Era of Globalization*. Marmara University. <http://doi.org/10.4018/978-1-5225-9566-3.ch004>

Сведения об авторах / Bio notes

Tlesh M. Mamakhatov, Candidate of Economic Sciences, leading researcher, Center for the Studies of the Northeast Asia Strategic Issues and the Shanghai Cooperation Organization, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences; science researcher, Security Problems Studies Centre of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0001-7212-6831. E-mail: tmmamakhatov@gmail.com

Мамахатов Тлеш Муратович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центр изучения стратегических вопросов Северо-Восточной Азии и Шанхайской организации сотрудничества, Институт Дальнего Востока, Российская академия наук; научный сотрудник Центра изучения проблем безопасности, Российская академия наук. ORCID: 0000-0001-7212-6831. E-mail: tmmamakhatov@gmail.com.

James Mohammad Mallah, PhD student, Southern Federal University. E-mail: jamesmanaffmallah@gmail.com

Маллах Джеймс Мохаммад, аспирант, Южный федеральный университет. E-mail: jamesmanaffmallah@gmail.com

МИРОВОЙ РЫНОК ТРУДА
И МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ
INTERNATIONAL LABOUR MARKET
AND INTERNATIONAL MIGRATION

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-4-664-672

UDC 331.5

Research article / Научная статья

Labor force shortage in Russian regions

Sergey V. Ryazantsev^{ID}, Alexey D. Bragin^{ID}, Galina N. Ochirova^{ID}✉

*Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
6 Fotievoi St, bldg 1, Moscow, 119333, Russian Federation*

✉ galinaochirova93@gmail.com

Abstract. The article provides an overview of the current state of the labor market in the regions of the Russian Federation, analyzes the level and reasons for the shortage of labor resources, and the factors that have a direct impact on it. It was determined that the main problem is the shortage of labor resources caused by different reasons, such as unemployment, difficult demographic situation, and other complex factors since the federal subjects of Russia are highly differentiated by the level of socio-economic development, demographic, economic, social, geographic, climatic, and other characteristics. In the empirical part of our study, we identified relevant indicators that, in our opinion, fully highlight the changing situation in the regions as well as calculated the percentage dynamics of the level of registered unemployed and the need of organizations to fill vacancies. Subsequent empirical comparative analysis of selected indicators in three-year dynamics reveals that the need of organizations for workers to fill vacancies has an increasingly dynamic, while the unemployment rate is decreasing what shows a satisfactory dynamic. Based on the data obtained, it can be concluded that the shortage of labor resources is evident only in the Belgorod region, the Republic of Mordovia, and the Republic of Buryatia.

Keywords: labor resources, unemployment, labor force, demography, economics, Russian regions

Article history: received July 10, 2021; revised August 8, 2021; accepted September 15, 2021.

For citation: Ryazantsev, S.V., Bragin, A.D., & Ochirova, G.N. (2021). Labor force shortage in Russian regions. *RUDN Journal of Economics*, 29(4), 664–672. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-664-672>

Дефицит рабочей силы в регионах России

С.В. Рязанцев , А.Д. Брагин , Г.Н. Очирова

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук,
Российская Федерация, 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1
 galinaochirova93@gmail.com

Аннотация. Представлен обзор текущего состояния рынка труда в регионах Российской Федерации, проанализированы уровень и причины нехватки трудовых ресурсов, а также факторы, оказывающие на нее непосредственное влияние. Выявлено, что основной проблемой является нехватка трудовых ресурсов, вызванная такими причинами, как безработица, сложная демографическая ситуация и другими факторами. Поскольку субъекты России сильно дифференцируются по уровню социально-экономического и демографического развития, экономические, социальные, географические, климатические и прочие характеристики оказывают значительное влияние на них. В эмпирической части исследования выявлены актуальные индикаторы, которые полностью отражают меняющуюся ситуацию в регионах, а также рассчитаны процентная динамика уровня зарегистрированных безработных и потребность организаций в заполнении вакансий. Последующий эмпирический сравнительный анализ выбранных показателей в трехлетней динамике показывает, что потребность организаций в работниках для заполнения вакансий имеет возрастающую динамику, а уровень безработицы снижается, что свидетельствует об удовлетворительной динамике. На основании полученных данных можно сделать вывод, что дефицит трудовых ресурсов серьезно проявляется только в Белгородской области, Республиках Мордовия и Бурятия.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, безработица, рабочая сила, демография, экономика, регионы России

История статьи: поступила в редакцию 10 июля 2021 г.; проверена 8 августа 2021 г.; принята к публикации 15 сентября 2021 г.

Для цитирования: Ryazantsev S.V., Bragin A.D., Ochirova G.N. Labor force shortage in Russian regions // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29. № 4. С. 664–672. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-664-672>

Introduction

The labor market is a complex system of socio-economic and legal relations, rules. It aims to ensure the functioning of the reproduction process of the labor force, as well as the productive use of labor. A labor shortage occurs when the total number of new vacancies exceeds the number of skilled workers in the national economy for an extended period. Moreover, the systemic shortage of labor force spreads to a wide range of professions and groups of workers, although most often arises among mid-level specialists, engineers, and construction workers. On the one hand, this deficit demonstrates the development of the economy as the emergence of new jobs. On the other hand, the lack of qualified workers can be a consequence of demographic problems.

Systemic labor shortage can also be observed in the historical context. For example, labor market transformation occurs after wars, epidemics, and technological innovations. National and global demographic changes can be considered a poten-

tial catalyst for long-term systemic imbalances in the labor market. Labor shortages at the national level have significant consequences. These include lower living standards, higher inflation driven by higher wages, a potential decline in international competitiveness, and even erosion of future domestic production capacity.

Thus, we should analyze a labor shortage in terms of demographic loss and in considering different aspects of systemic shortages. Three main factors can be identified as the reasons for the persistent systemic shortages: demographic changes, changing labor force participation patterns, and the need to improve productivity. These factors are critical indicators to consider when determining the ultimate size and depth of systemic deficits.

As labor shortages increase over time, companies naturally tend to try to recover lost productivity from vacancies. Companies are changing job structures during this process so that fewer highly qualified employees can do the required work. Systemic labor shortages are spreading across industries and groups of specialists with different dynamics and times. The industries that enter the process of recovering lost productivity provide an opportunity for those who enter later to learn which management programs have been most effective.

Russian labor market

Despite the continuing population decline in Russia, it is forecasted that the working-age population will increase in the coming years. According to the Ministry of Economic Development forecast, from 2021 to 2024, the growth will amount to 1 million people. At the same time, according to the low version of the Rosstat forecast, the growth for the same period will amount to 1.7 million people, and according to the high version – 2.6 million people.¹ This is mainly due to the pension reform, which raised the legal retirement age. In addition, according to the Higher School of Economics forecasts, demographic growth is expected in all federal subjects of Russia – the population aged 15-19 will grow from 6.6 million in 2016 to 8.9 million in 2030 (Dudyrev et al., 2017). An increase in the working-age population creates new challenges for the state. For example, there are high risks of increasing the unemployment rate, primarily among people of pre-retirement age and young people (Lokhtina, Metelitsa, 2019). In their study, Pukhova et al. conclude that the unemployment rate decreased in the 2000–2010s – below 5% (before the COVID-19 pandemic) is associated not with economic growth but with a decrease in the working-age population due to low fertility in the 90s, high mortality, and aging (2019).

When analyzing the labor market, it is necessary to consider the demographic situation and forecasts of the country's demographic development and qualitative reproduction of the labor force, namely, the existing trends in the training of specialists of different skill levels. The transition from a planned economy to a market economy and the reform of higher education in the 90s led to a desynchronization

¹ The Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (2020). *Forecasts of socio-economic development*. Retrieved May 20, 2021, from https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_a/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_na_2021_god_i_na_planovyy_period_2022_i_2023_godov.html; Rosstat. (2020). *Population by specific age groups*. Retrieved May 20, 2021, from <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/progn3.xls>

of the labor market and the market for educational services. Enrollees are often guided by socio-cultural stereotypes about certain professions rather than the situation in the labor market (Gnatyuk et al., 2018). About 60% of university graduates face employment issues and need to change their occupations (Sheregi, 2015).

It is worth noting the beginning tendency of youth reorientation to secondary vocational education programs. For example, in Russia over the past ten years, the number of graduates of higher educational institutions has been gradually decreasing from 1.5 million people in 2010 up to 908 thousand people in 2019 in all federal districts, while the number of graduates of secondary vocational education institutions is increasing.

Bashing et al. note that the peculiarity of the Russian labor market is the lack of correlation between the unemployment rate and the share of the need for workers to fill vacancies (2017), which also demonstrates the still existing imbalance in the demand and supply of labor for professional – qualification groups and types of economic activities (Krasinets, 2020).

Moreover, the provision of professional retraining and the creation of new jobs does not correspond to the growing pace of digitalization in various sectors of the Russian economy. According to Zemtsov et al. (2019), it is due to many factors: “low population density, uneven distribution of economic activities, low incomes, insufficient technological equipment, weak territorial connectivity, etc.” (p. 86). At the same time, the federal subjects of Russia are highly differentiated by the level of socio-economic development, demographic, economic, social, geographic, climatic, and other characteristics, which directly affects the formation of demand for labor in the regional labor market (Koksharova et al., 2019). In this regard, there is an issue of redistributing labor resources between Russian regions that are salient in conditions of low internal mobility.

Labor force shortage

Examining the shortage of labor resources in the Russian Federation, it should be indicated that due to the onset of the demographic crisis, a decrease in the working population can be observed, directly affecting the shortage of personnel. At any positive level of economic development, the market needs growth in the form of an increase in the labor force. Thus, regardless of the level of unemployment in a country or region, the market needs a new labor force. This study aims to explore the current stage of development of the labor market in Russian regions and analyze the level and reasons for the shortage of labor resources. To determine the level of labor shortage, we have compiled Table, which shows the dynamics of changes in the level of the unemployed and the need for labor.

As we can see from the data, the number of registered unemployed has decreased both in the whole country and separately in all federal districts. The share of unemployed in the country decreased by more than 25%, from 894.6 thousand in 2016 to 691.4 thousand in 2019. Moreover, the decreasing trend occurred in all federal districts, with the most significant dynamics in the Siberian Federal District and the Central Federal District. A minor decrease – about 15% – is observed in the Northwestern Federal District. The leaders in the rate of unemployment reduction were the Ivanovo and Pskov regions (–42 and –40% respectively). Only in St. Petersburg, an increase of 2% in the number of unemployed was recorded.

Dynamics of changes in the level of the unemployed and the need for labor

Regions	Number of registered unemployed	Need of organizations for personnel to fill vacancies
	<i>The difference between 2016 and 2018, %</i>	
Russian Federation	-23	13
Central Federal District	-27	24
Belgorod region	0	28
Bryansk region	-36	53
Vladimir region	-26	-21
Voronezh region	-14	26
Ivanovo region	-42	74
Kaluga region	-38	20
Kostroma region	-17	56
Kursk region	-27	74
Lipetsk region	-24	130
Moscow region	-31	-2
Oryol region	-27	14
Ryazan region	-15	-26
Smolensk region	-21	46
Tambov region	-24	63
Tver region	-36	21
Tula region	-37	22
Yaroslavl region	-31	17
Moscow city	-24	35
Northwestern Federal District	-17	-5
Republic of Karelia	-17	-1
Komi Republic	-17	-19
Arkhangelsk region	-14	-11
Nenets Autonomous District	-17	-69
Arkhangelsk region (excluding Nenets Autonomous District)	-13	-4
Vologda region	-27	6
Kaliningrad region	-30	7
Leningrad region	-24	20
Murmansk region	-8	-52
Novgorod region	-26	3
Pskov region	-40	144
Saint Petersburg city	2	-11
Southern Federal District	-18	6
Republic of Adygea	-33	36
Republic of Kalmykia	-7	-30
Republic of Crimea	-18	-8
Krasnodar region	-15	15
Astrakhan region	-29	21
Volgograd region	-28	2
Rostov region	-8	11
Sevastopol city	0	-35
North Caucasian Federal District	-16	45
Republic of Dagestan	-13	50
Republic of Ingushetia	-11	-22
Kabardino-Balkarian Republic	-15	113
Karachay-Cherkess Republic	-26	10
Republic of North Ossetia – Alania	-20	250
Chechen Republic	-13	92
Stavropol region	-35	21
Volga Federal District	-22	8
Republic of Bashkortostan	-17	-4
Mari El Republic	-30	-42
Republic of Mordovia	0	86

Table, ending

Regions	Number of registered unemployed	Need of organizations for personnel to fill vacancies
	<i>The difference between 2016 and 2018, %</i>	
Republic of Tatarstan	-30	4
Udmurt Republic	-31	56
Chuvash Republic	-20	8
Perm region	-15	-13
Kirov region	-17	8
Nizhny Novgorod Region	-33	9
Orenburg region	-9	10
Penza region	-12	73
Samara region	-35	-3
Saratov region	-28	25
Ulyanovsk region	-23	32
Ural Federal District	-31	6
Kurgan region	-26	7
Sverdlovsk region	-31	16
Tyumen region	-22	-14
Khanty-Mansi Autonomous District	-23	-4
Yamalo-Nenets Autonomous District	-38	-35
Tyumen region without autonomous districts	-11	-6
Chelyabinsk region	-35	36
Siberian Federal District	-24	17
Altai Republic	-19	56
Tuva Republic	-6	39
Republic of Khakassia	-23	41
Altai region	-13	50
Krasnoyarsk region	-31	14
Irkutsk region	-18	21
Kemerovo region	-38	66
Novosibirsk region	-24	26
Omsk region	-7	17
Tomsk region	-26	7
Far Eastern Federal District	-26	24
Republic of Buryatia	0	47
Republic of Sakha (Yakutia)	-29	46
Transbaikal region	-30	26
Kamchatka region	-16	-4
Primorsky region	-39	2
Khabarovsk region	-27	-11
Amur region	-18	78
Magadan region	-29	-26
Sakhalin region	-35	-21
Jewish Autonomous Region	-20	54
Chukotka Autonomous District	0	-13

Source: compiled by the authors based on Rosstat data.²

The need for organizations for labor resources has increased in Russia as a whole and in all federal districts, except for the Northwestern Federal District (-5%). The most significant growth of 250% is observed in the Republic of North Ossetia – Alania and the Pskov region (144%). Comparing the data of the sample survey of

² Rosstat. (2020). *Regions of Russia. Social and economic indicators – 2020*. Retrieved May 24, 2021, from https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm; Rosstat. (2020). *On the number and needs of organizations for workers by professional groups*. Retrieved May 24, 2021, from <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13266>

Rosstat for 2014 and 2020, there is a visible increase in the need for employees by 209 thousand people. At the same time, the increase in the need for workers occurred in all federal districts; only a few regions showed a positive trend of reducing the need for workers. However, from 2014 to 2016, there was also a reduction in demand in all federal districts, which may be due to the unstable economic situation in Russia in 2014–2015. Since 2016, the demand began to grow and amounted to +392 thousand by 2020. In the context of professional groups, there is a noticeable increase in the need for specialists of the highest level of qualification by 33% since 2014; qualified workers of industrial enterprises, construction, transport, communications, geology, and subsurface exploration – 20%; operators, apparatchiks, machinists of installations and machines – by 16%; employees engaged in the preparation of information, documentation, accounting, and maintenance – by 14%; and employees in the service sector, housing and communal services, trade, and related activities – by 14%.

Based on the data obtained, we can mention a severe shortage of labor resources in those regions where the need for personnel is increasingly dynamic. At the same time, the unemployment rate remains stable or has an increasing dynamic. Among all the regions, there are only those where there is a stable dynamics of unemployment at 0% and an increase in the need for personnel (the Belgorod Region, the Republic of Mordovia, and the Republic of Buryatia). Thus, these regions experience a shortage of labor resources more than others.

From these three regions, the Belgorod Region has more positive indicators of socio-economic development than Mordovia and Buryatia. In the Belgorod Region, the shortage of workers happens due to economic growth – creating new jobs (Pankratova, Gerasimova, 2017). To compare, the Belgorod Region ranks 18th according to the socio-economic situation in the regions of Russia at the end of 2019, while Mordovia and Buryatia have only 59th and 71st places, respectively. However, unlike Buryatia, Mordovia is actively developing innovative projects due to its low natural resource potential. It is in ninth place in innovative development, with a value above the national average (Lipatova, Gradusova, 2019).

Nevertheless, the existing shortage of labor resources in Mordovia can be explained by the uneven distribution of the population and vacant jobs in the municipalities of the Republic (Moiseeva, 2020) and not by active economic development. In Buryatia, the shortage of personnel happens due to weak economic development – the region cannot create a sufficient number of new jobs. As a result, the population is forced to go to the shadow economy sectors or leave the Republic to work in other regions of Russia or abroad (Osodoeva, Gorshkova, 2019).

Conclusion

In conclusion, it should be noted that the shortage of labor resources is a severe problem to the socio-economic development of both a region and an entire country. In this paper, it is determined that the region's socio-economic situation, the successful implementation of innovative and investment projects, and the demographic situation affect the level and cause of the shortage of labor resources in the regional labor market. Thus, we can identify some indicators of the modern labor market in Russia. Moreover, it is impossible to predict which of the indicators will have the most significant impact since everything directly depends on the characteristics of a particular region.

During the Analysis of the current state of the labor market in the Russian Federation, we highlighted the dynamics of changes in the percentage ratio in the number

of registered unemployed and the need of organizations for workers to fill vacant positions in the period from 2016 to 2018. The data obtained indicate that the number of registered unemployed in the Russian Federation has a decreasing dynamics, which, in turn, has a favorable effect on the labor market. Speaking about the need of organizations for employees, this indicator, on the contrary, increases, which shows a stable economic development. Thus, there is a shortage of labor resources in only three regions (the Belgorod Region, the Republic of Mordovia and the Republic of Buryatia).

References

- Bashina, O.E., Matraeva, L.V., & Vasyutina, E.S. (2017). Analysis of transformation processes in the Russian labor market: Challenges and consequences. *Questions of Statistics*, (1(11)), 35–43. (In Russ.)
- Dudyrev, F.F., Kozlov, V.A., Kuzevanova, Yu.V., & Shabalin, A.I. (2017). *The system of secondary vocational education of the Russian Federation in 2005–2030: The influence of demographic factors* (p. 28). Moscow, National Research University Higher School of Economics, Institute of Education. (In Russ.)
- Gnatyuk, A.N., Gnatyuk, M.A., & Samygin, S.I. (2018). Problems of employment of modern Russian youth. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, (6), 34–37. (In Russ.)
- Koksharova, M.Ya., Kruglov, D.V., & Plotnikov, V.A. (2019). Problems of regulation of regional labor markets in Russia. *Management Consulting*, (6(126)), 54–66. (In Russ.)
- Krasinets, E.S. (2020). Foreign labor force in the Russian labor market: Problems and solutions. *Population*, 23(1), 104–118. (In Russ.)
- Lipatova, L.N., & Gradusova, V.N. (2019). Resources and limitations of innovative development of the Republic of Mordovia. *Russia: Trends and Development Prospects*, 14(2), 437–441. (In Russ.)
- Lokhtina, T.N., & Metelitsa, V.I. (2019). Labor market and socio-economic problems of the population of Russia. *Bulletin of Eurasian Science*, 11(1), 1–11. (In Russ.) Retrieved September 7, 2021, from <https://esj.today/PDF/29ECVN119>
- Moiseeva, I.V. (2020). Assessment of the state of the labor market in the Republic of Mordovia within the framework of ensuring economic security in the region. *Contents*, (6), 69–78. (In Russ.)
- Osodoeva, O.A., & Gorshkova, E.A. (2019). Features of the labor market of the Republic of Buryatia. *Scientific Almanac*, 9(1), 269–274. (In Russ.)
- Pankratova, A.E., & Gerasimova, N.A. (2017). Features of the functioning of the labor market in the Belgorod region. *Proceedings of the 2019 3rd International Conference on Education, Management Science and Economics (ICEMSE 2019)* (pp. 259–262). (In Russ.) Belgorod, Belgorod Publ., Belgorod State University.
- Pukhova, A.G., Belyaeva, T.K., Tolkunova, S.G., & Kurbatova, A.S. (2019). Influence of the demographic factor on the regional labor market. *The State Counsellor*, (1(25)), 33–39. (In Russ.)
- Sheregi, F.E. (2015). Education as a social institution: functions and dysfunctions. *Reforming Russia*, 13, 12–36. (In Russ.)
- Zemtsov, S., Barinova, V., & Semenova, R. (2019). Risks of digitalization and adaptation of regional labor markets in Russia. *Foresight and STI Governance*, 13(2), 84–96. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.2.84.96>

Список литературы

- Башина О.Э., Матраева Л.В., Васютина Е.С. Анализ трансформационных процессов на российском рынке труда: вызовы и последствия // Вопросы статистики. 2017. № 1 (11). С. 35–43.
- Гнатюк А.Н., Гнатюк М.А., Самыгин С.И. Проблемы трудовой занятости современной российской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 6. С. 34–37.
- Дудырев Ф.Ф., Козлов В.А., Кузеванова Ю.В., Шабалин А.И. Система среднего профессионального образования Российской Федерации в 2005–2030 гг.: влияние демографических факторов. М.: ВШЭ, 2017.

- Кокшарова М.Я., Круглов Д.В., Плотников В.А.* Проблемы регулирования региональных рынков труда в России // *Управленческое консультирование*. 2019. № 1 (6). С. 54–66. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-6-54-66>
- Красинец Е.С.* Иностранная рабочая сила на российском рынке труда: проблемы и решения // *Народонаселение*. 2020. Т. 23. № 1. С. 104–118. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.1.9>
- Липатова Л.Н., Градусова В.Н.* Ресурсы и ограничения инновационного развития Республики Мордовия // *Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник / отв. ред. В.И. Герасимов*. М., 2019. Вып. 14. Ч. 2. С. 438–443.
- Лохтина Т.Н., Метелица В.И.* Рынок труда и социально-экономические проблемы населения России // *Вестник Евразийской науки*. 2019. Т. 11. № 1. С. 1–11. URL: <https://esj.today/PDF/29ECVN119.pdf> (дата обращения: 07.09.2021).
- Моисеева И.В.* Оценка состояния рынка труда Республики Мордовия в рамках обеспечения экономической безопасности в регионе // *Контентус*. 2020. № 6. С. 69–78.
- Осодоева О.А., Горшкова Е.А.* Особенности рынка труда Республики Бурятия // *Научный альманах*. Т. 9. № 1. С. 269–274.
- Панкратова А.Е., Герасимова Н.В.* Особенности функционирования рынка труда Белгородской области // *Актуальные проблемы развития науки и современного образования: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Белгород, 10 апреля 2017 г.) / отв. ред. Л.В. Красовская, И.Б. Костина*. Белгород: Белгород; НИУ БелГУ, 2017. С. 259–263.
- Пухова А.Г., Беляева Т.К., Толкунова С.Г., Курбатова А.С.* Влияние демографического фактора на региональный рынок труда // *Государственный советник*. 2017. Т. 25. № 1. С. 33–39.
- Шереги Ф.Э.* Образование как социальный институт: функции и дисфункции // *Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков*. М.: Новый хронограф, 2015. Вып. 13. С. 12–36.
- Zemtsov S., Varinova V., Semenova R.* The risks of digitalization and the adaptation of regional labor markets in Russia // *Foresight and STI Governance*. 2019. Vol. 13. No 2. Pp. 84–96. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.2.84.96>

Сведения об авторах / Bio notes

Рязанцев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института социально-политических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Российская академия наук. ORCID: 0000-0001-5306-8875. E-mail: riazan@mail.ru

Sergey V. Ryazantsev, Doctor of Economic Sciences, Professor, corresponding member of RAS, Director of the Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0001-5306-8875. E-mail: riazan@mail.ru

Брагин Алексей Дмитриевич, младший научный сотрудник, Институт социально-политических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Российская академия наук. ORCID: 0000-0002-4065-3546. E-mail: braginalex2@gmail.com

Alexey D. Bragin, junior researcher, Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-4065-3546. E-mail: braginalex2@gmail.com

Очирова Галина Николаевна, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Российская академия наук. ORCID: 0000-0002-2154-9604. E-mail: galinaochirova93@gmail.com

Galina N. Ochirova, junior researcher, Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-2154-9604. E-mail: galinaochirova93@gmail.com

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-4-673-688

UDC 331.5

Research article / Научная статья

Does flexible migration policy spur competitiveness in the labor market? A case of migrants in the Russian Federation

Azamat Valei^{1,2}, Suleiman O. Mamman¹✉¹Ural Federal University,

19 Mira St, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation

²Charles University,

7 Politických Veznu St, Prague, 111 21, Czech Republic

✉ onimism@gmail.com

Abstract. With the influx of labor migrants across the globe and developed countries being on the receiving end, countries like the Russian Federation have implemented strict migration policies to check the inflow of these migrants, mainly from low-income countries. However, with theoretical underpin the increase in labor migrants brings about competitiveness in the receiving countries' labor market. The current study evaluates whether the Russian labor migration policy promotes competitiveness given the characteristics of labor migrants in Russia. The study carried out panel data analysis for 14 countries within Russian region and an aggregated data from the rest of the world using the non-stationary heterogeneous panel model and estimators of mean group and pooled mean group. The result first presents strong cointegration between wage levels and labor supply (immigrant, emigrants, and native workforce). The result then reveals a negative effect of immigrants' inflow and native workforce on wage levels in the short run but a positive effect, in the long run, suggesting that the labor migrant's inflow is imperfectly substitutable in the Russian labor market. The result also shows a positive effect of migration policy on wages both in the short and long run, indicating that the strict migration policy can hinder the competitiveness of the labor force in the labor market.

Keywords: migration policy, labor market, non-stationary panel, labor migrants, Russia, competitiveness

Article history: received July 17, 2021; revised August 21, 2021; accepted September 10, 2021.

For citation: Valei, A., & Mamman, S.O. (2021). Does flexible migration policy spur competitiveness in the labor market? A case of migrants in the Russian Federation. *RUDN Journal of Economics*, 29(4), 673–688. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-673-688>

Повышает ли гибкая политика в области трудовой миграции конкурентоспособность на рынке труда? Исследование рынка труда Российской Федерации

А. Вале́й^{1,2} , С.О. Мамман¹

¹Уральский федеральный университет,
Российская Федерация, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19

²Карлов университет,
Чешская Республика, 111 21, Прага, ул. Политических наук, д. 7

 onimism@gmail.com

Аннотация. В связи с увеличивающимися глобальными потоками трудовых мигрантов по всему миру и в особенности в принимающих их развитых странах, такие государства, как Российская Федерация, проводят строгую миграционную политику для снижения миграционной нагрузки, прежде всего со стороны рабочих из стран с низкими доходами. При этом увеличение числа трудовых мигрантов приводит к повышению конкурентоспособности на рынке труда принимающих стран. В представленном исследовании проводится оценка того, способствует ли российская политика в области трудовой миграции конкурентоспособности с учетом характеристик трудовых мигрантов. Проанализированы панельные данные для 14 стран в пределах российского региона и агрегированные данные из остального мира. Результаты доказывают наличие первоначально сильной зависимости между уровнями заработной платы и предложением рабочей силы (иммигранты, эмигранты и местная рабочая сила), что ведет к отрицательному влиянию притока иммигрантов и местной рабочей силы на уровень заработной платы в краткосрочной перспективе, но положительному – в долгосрочной, хотя и предполагается, что приток трудовых мигрантов несовершенен замещаем на российском рынке труда. Показано положительное влияние миграционной политики на заработную плату, как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе, принимая во внимание, что строгая миграционная политика может снизить конкурентоспособность рабочей силы на рынке труда.

Ключевые слова: миграционная политика, рынок труда, нестационарная панель, трудовые мигранты, Россия, конкурентоспособность

История статьи: поступила в редакцию 17 июля 2021 г.; проверена 21 августа 2021 г.; принята к публикации 10 сентября 2021 г.

Для цитирования: Valei A., Mamman S.O. Does flexible migration policy spur competitiveness in the labor market? A case of migrants in the Russian Federation // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29. № 4. С. 673–688. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-673-688>

Introduction

Migration has been an aged-long issue globally, with developed and emerging economies being on the receiving end of migrants from less developed countries. Portes (2019) has likened the case of migration to markets. He argued that if people's decision is based on their non-economic self-interest, this will maximize

their efficiency, productivity, and even their welfare status. Thus, markets can be a suitable mechanism for allocating resources inclusive of human resources.

Over the years, there has been an influx of migrants and refugees across Europe due to demand-pull and supply push factors. These have resulted in various degrees of social vices, congestion, the outflow of funds, and even job substitution. These, among other factors, have compelled some countries to impose a strict migration policy. These policies also cut across regional territories that are significant beneficiaries of free movement within the regions.

Among the countries in Europe that have recorded a high inflow of migrants is Russia, despite enduring political and economic crises such as EU sanctions and dwindling crude oil prices. For instance, it was also estimated that between 1992 and 2017 Kremlin accommodated over 11 million immigrants, with the vast majority arriving from the former Soviet republics (Chudinovskikh, 2018). It was also estimated that the majority of the migrants are from CIS countries, accounting for about 90% of the total stock of migrants, with the remaining 10% as migrants from other regions (Karabchuk, Salnikova, 2017). This could be accountable for remittance outflow from the region. For example, in 2010, transfers from individuals in Russia to CIS countries was estimated to amount to US\$11.1 billion; US\$15.14 billion in 2011 and US\$18.2 billion in 2012, with Chunk of the outflow in 2012 going to Uzbekistan (31.1%), Tajikistan (20%), Ukraine (14.7%) and Kyrgyzstan (10%).¹ The responsive factor for this migration flow surge can be attributed to the low quality of life in the country of origin, high wage differentials between the countries, among other factors.

Conversely, Russia has also enjoyed some overwhelming economic growth across the regions as, despite the current crisis, it still stood as the 11th largest economy based on GDP in 2019. Thus, it is presumed that Russia still accommodates migrants, especially unskilled labor. Andrienko and Guriev (2005) argued that international migration is becoming a prerequisite for sustainable development in Russia chiefly to demographic factors such as the aging working population. Further stating that an initial peek of the Kremlin's economy indicates that it enjoys a relative advantage in natural resources. Thus, declining population growth may not harm economic growth.

Nonetheless, with the uncertainty in the minerals sector, it becomes imperative to diversify the economy to avoid a stiffer crisis that may arise in the future. However, the expansion may require human capital, which the aging native workforce might be insufficient, thereby increasing the demand for the labor force. The Russian informal sector may be receptive to labor migrants and could prefer the services to natives given its cheap labor cost.

One major factor that might impede this development is the labor migration policy which requires labor migrants to obtain a Russian work permit to work in Russian territory. Understandably, Kremlin is trying to control the influx of migrants to protect the native workforce from losing their jobs to the cheap labor force from the migrants as well as other likely social vices. Andrienko and Guriev (2005) ex-

¹ Chawryło, K. (2014). Russia tightens up residence regulations for CIS citizens. Retrieved January 15, 2014, from <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2014-01-15/russia-tightens-residence-regulations-cis-citizens>

plain that the critical impediments to migration in Russian territory are administrative controls, real estate, and underdeveloped financial markets.

Given this restriction, it is understandable that Russia faces a potential trade-off between economic expansion and citizen/territorial fortification. In the face of these dynamics, the current study is motivated to determine whether migration legislation brings about economic competitiveness in the Russian territory. In doing this, the study will evaluate the system to determine whether the migrants are complementary or substitutable in the labor market. Furthermore, it is essential to know how sensitive the wages are to immigrants and emigrants from Russian accessing the market from the demand and supply side. Lastly, it is essential to determine whether competitiveness (if identified) in the labor market is sustainable for long-term gains.

Literature review

Migration policy and pattern in Russia. Before 2014, Russia was believed to have a more open labor migration policy seen as the influx of migrants into the region, with Russian among the top countries to host migrants in Europe and a number in the CIS region. As outlined by (Ivakhnyuk, 2013), Russian migration policy has been itinerant from an open policy based on the free-market method, especially in the early 90s, to a more restrictive policy in the early 2000s and above. However, these policies are a bit relaxed for CIS migrants. A cursory look at the Russian Federal State Statistics Service (Rosstat) reveals that Kremlin has a falling migration figure (both immigrants and emigrants) from 1997 to 2010.

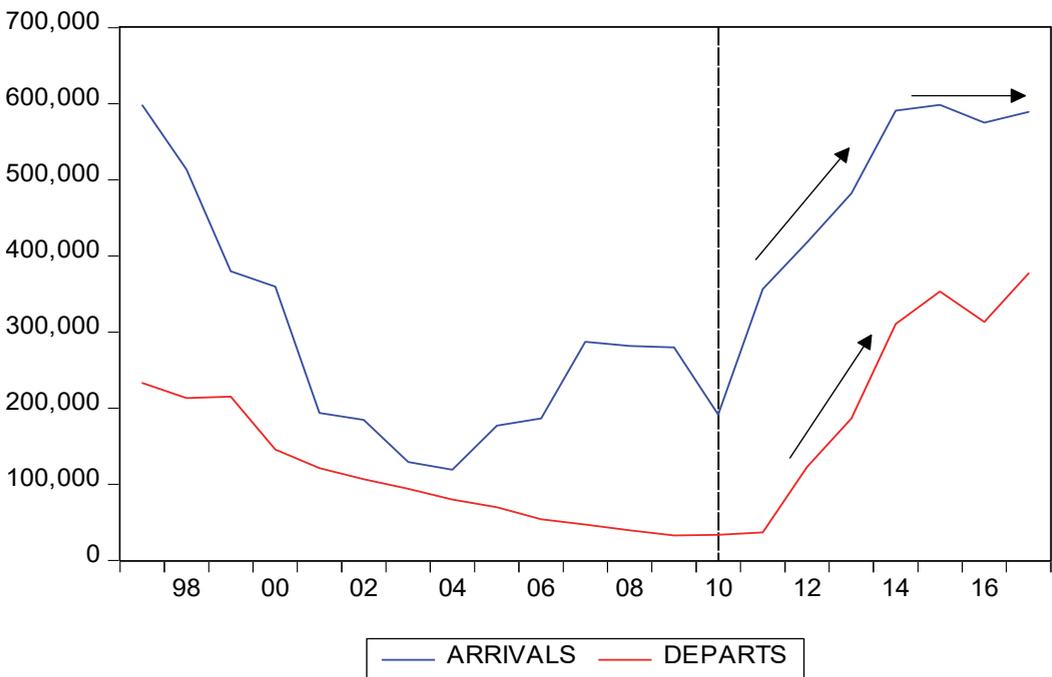

Figure 1. Arrivals and departure from Russia, 1998–2016, thousands of people

Source: Federal State Statistic Service. Retrieved October 25, 2020, from <https://eng.gks.ru/>

The view from Figure 1 further indicates that after 2010 was crucial in the Russian economy as it witnessed an upsurge in migration flow with a growth

rate between 2010 to 2011 reaching about 86.03% for arrivals while departure had an overwhelming figure of about 233.74% between 2011 and 2012 (Table 1). However, arrivals were still relatively higher than departure, evident from the net migration pattern in Figure 2. More revealing was the flattening of both immigration and emigration after 2014. This observation is strategic because it was the same period when the government to curb migration implemented its new migration policy.

Table 1

Annual of percentage change in migration flows										
Year	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Arrivals	-1.86	-0.61	-31.53	86.03	17.15	15.46	22.52	1.32	-3.92	2.41
Departure	-15.96	-17.84	3.45	9.54	233.74	51.84	66.59	13.76	-11.33	20.42

Source: Federal State Statistic Service. Retrieved October 25, 2020, from <https://eng.gks.ru/>

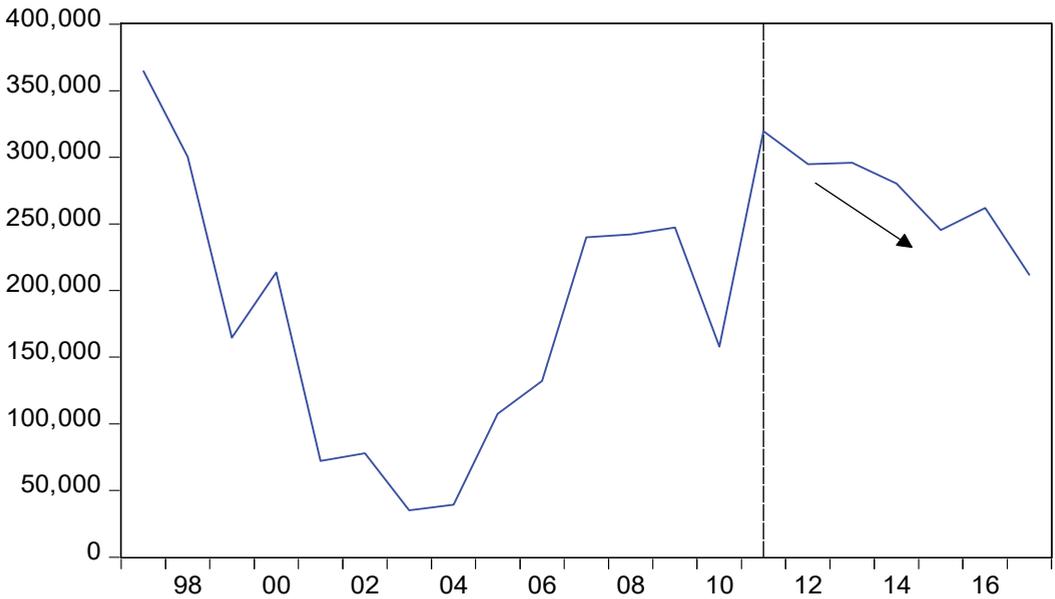

Figure 2. Net migration, 1998–2016, thousands of people

Source: Federal State Statistic Service. Retrieved October 25, 2020, from <https://eng.gks.ru/>

Some of the key highlights from the new migration to Russian territory, as extracted from (Karabchuk, Salnikova, 2017), is that a migrant can obtain permission to carry out a paid job/activity in Russian territory with two approaches of either work permit or patent. The work permit is a document that authorizes a migrant to work temporarily in Russian territory. This migrant is usually a foreign citizen who is from outside the visa-free region of CIS members. To obtain the work permit, a migrant must provide the State authorities with a draft employment agreement (signed and stamped) by the employer before the migrants enter Russian territory.

Theoretical framework. Arguably, the approach to understanding international migration could be viewed as a consequence of imbalances on a developmental level between two economies (Nyberg-Sørensen et al., 2002). Arguably, it is believed that international migration is a broad and complex concept such that no sin-

gle economic theory can explain it. The causes of international migration are better understood by incorporating a variety of perspectives and factors. These economies include the sending (developing economy) and the receiving (developed economy). According to a document by the European Commission on why people migrate, the document outlined eight theories explaining why people migrate. The prominent one amongst them applied to this study is the neoclassical theory. The theory assumes that labor markets and economies move towards equilibrium in the long run through trade and migration. It considers migrants as purely rational actors. More so, migrants move from societies where labor is abundant, and wages are low to societies where labor is scarce, and wages are high. The classical theory explains that migration occurs due to a combination of supply-push and demand-pull factors. The supply-push factors may include: low wages, unemployment, and low productivity, while the demand-pull factors may include employment opportunities, good working conditions, higher wages, and high productivity, among others.

The further assumption, in theory, explains that the primary determining factor of how wages and employment are affected by migrants' immigrants is hinged on the level at which the new immigrants complement or substitute for the existing workers. In the short run, wages may fall for workers seen as substitutable by immigrants, while wages may increase for native workers whose skills are complemented by new workers. However, the theory does not explain the impact of migration on the host economies' productivity. However, migration could be seen as a supply shock to the factor of production of labor supply (Chojnicki, 2004). Thus, Borjas (1995), in his argument on the positive theory of migration, has demonstrated that the inflow of foreign labor not accompanied by physical capital reduces the equilibrium wage rate and further leads to redistribution. In summary, he stressed a trade between efficiency gains and the transfer of wealth from home workers to migrants. They noted that the former is associated with a surplus of immigrants workers.

Extant literature. There are pretty extensive works on migration impact on economic factors both within and outside the Russian region. Because of the peculiarities of each economic system, the conclusions are divergent, with some arguing that migration has a positive impact on critical indicators such as employment, wages, and even welfare of the native workforce. In contrast, some argued that they harm these indicators. Some believe that while it affects these factors, they may not respond proportionately to migration, and even some cases are less sensitive. Some works are also of the view that it depends on the substitutability of the migrants to the native workforce. In some instances, the native workforce is protected, so the impact is on the fellow migrants in the market. For instance, the study of Borjas (1999; 2003) has vehemently argued that inflow of labor migrants have a solid and pronounced effect on the host wage pattern as it tends to offset the labor market through substitutability of the labor force, but contextually, the study of Card and Altonji (1990; 1991), are of the divergent view, arguing that the effect of labor migrants is not resilient to offset host labor market outcomes. In terms of substitutability, Ottaviano and Peri (2012) find evidence of high though imperfect substitutability between labor migrants and the host workforce within some demographic characteristics such as age and education. In line with this (Manacorda et al., 2012) also found evidence of imperfect substitution be-

tween host and labor migrants informed by age-education groups as immigration suppresses the remunerations of previous immigrants compared to the host workforce. The study also found that recent immigrants are more reactive to new arrivals than old immigrants.

Lundborg (2013) has indicated that immigrants' workforce from countries with the same income level as the host country should not wield downward pressure on wage levels but rather those from relatively lower wage levels. Based on this, the study argued that the free flow of migrants from lower wages countries could drop wages in the short run, but the drop will subsequently even out, and wage levels will return to their natural level in the long run. Some studies have suggested the use of wage settings and caps to protect the native workforce. For instance, the study of Edo and Rapoport (2019) argued that the effect of labor migrants in the host labor market is more harmful in countries where the adequate minimum wage is relatively low or ineffective but further noted that sufficiently high wages tend to protect host workforce from an adverse effect of migrants on wage and employment levels.

In Russia, the study of Eldyaeva et al. (2019) reveals that migration has both positive and negative effects on the socio-economic development in the Russian region. Also, that migration has a peculiar effect in each region in terms of scope and intensity as migration flows are characterized by heterogeneity in their spatial and temporal dynamics. Further highlighting that age, income, and educational level may determine the duration of labor migration in Russia. A related study (Lazareva, 2015) used natural experiments to evaluate the assimilation and local labor market effects of migrants in Russia. The findings show a negative effect of the inflow of migrants on employment and labor force participation but not on wages. Also, the study found that male immigrants are fully assimilated into the labor market than female migrants whose integration is slow due to significant wage and employment gaps.

Lazareva & Sonin (2008) identify that while an exogenous factor determines migration, the choice of location is endogenous. In line with this, the study found evidence that migrants have better opportunities in terms of employment in regions with a low percentage of migrants than in regions with a higher percentage of migrants. The findings are consistent with the hypothesis that migrants choose regions with high demand for their skills, and the competition is with their fellow migrants rather than the indigenes. On the supply side of migration, that is, emigration from the host countries (Elsner, 2015), found evidence that emigration has a significant dual effect on the wages of non-emigrants. On the one hand, it directly makes some groups of workers scarcer than others and indirectly affecting the changes in aggregate productivity. This further implies that the average effect on wages is positive in the sending countries, which makes it have a dual effect of positive and negative effects. Similarly, the workers that gain from these dynamics are the worker with workers with different skills lose.

Methodology

The study carries out a time series analysis to determine whether the flexible migration laws that spur an influx of immigrants bring about competition and determine the long-term effects' sustainability. The study is anchored on the neoclas-

sical theory of migration and positive theory of immigration policy by Borja (1995). Herewith is the assumption that competitiveness is achieved when the labor supply from the immigrants is substitutable rather than complimentary, and whether the increase in immigrants' labor force increases productivity. Only then can we assume that there is competitiveness from the labor supply. Based on this, we assume that competitiveness may be achieved when there is a negative effect of labor supply on wage levels in the short run and a positive effect of labor supply on wage levels in the long run after the market clears. That is, complete absorption of excess supply in the market and smoothed short-run shock. Thus, from the above, the study functional equation is given.

$$WAG_{it} = \delta_i + \gamma_0 IMM_{i,t} + \gamma_1 EMM_{i,t} + \gamma_2 NAW_{it} + \gamma_3 IMM_{i,t} * D_t + \gamma_4 INF_{it} + \varepsilon_{i,t} \dots \dots 1,$$

where WAG_t is wage levels (accrued nominal wages) which is time-variant and cross-sectional invariant; $IMM_{i,t}$ – number of immigrants into Russia across i countries at time t ; $EMM_{i,t}$ – number of emigrants from Russia across i countries at time t ; D_t – a dummy variable introduced to capture the periods of restrictive and less restrictive labor migration laws; $IMM_{i,t} * D_t$ is dummy interactive variable with immigration flows; INF_{it} is the price level $\varepsilon_{i,t}$ is the error term.

To account for endogeneity and autocorrelation as theoretically informed and heterogeneity given $T > N$, the heterogeneous non-stationary panel model will be employed while adopting the estimation technique of *mean group* (Pesaran, Smith, 1995) and *pool mean group* (Pesaran et al., 1999). Thus, the above model will be transformed into a dynamic model. Similarly, the cointegration test will be conducted to determine whether the variables have a common trend, which we intend to use to detect the sustainability of competitiveness in the long run.

Data

Annual data from 1997 to 2017 on migration history (to and from Russia) on 14 countries in the Russian region and an aggregated data from the rest of the world. These data will be sourced from the Russian Federal State Statistics Service (Rosstat) database. For wage level, the accrued annual nominal wages per employee (in rubles) was used, National working population, the number of the employed population (15 to 72 years) measured in millions of persons was used, for the migration data, the number of arrivals and departure measured in persons was used. A dummy to capture the period of less restrictive and more restrictive laws was used. The Inflation rate was used to capture the price level.

Abbreviation definition: NWF – native workforce; IMM – immigrants; EMI – emigrants; POL – migration policy; IMM*POL – interactive variable (immigrants and migration policy).

Results and discussion

Panel unit root test. All the variables were logged except for the Inflation rate and dummy. They were subjected to various panel unit root tests such as Harris and Tzavalis, Breitung, Levin, Lin, Chu, Pesaran and Shin, Fisher-type (Choi),

and Hadri. The results indicating a mixture of $I(1)$ and $I(0)$ level of stationarity (documented in the log file) and a summary presented below.

Table 2

Cross-sectional independence panel unit root test			
Variable	Levin – Lin – Chu	Im – Pesaran – Shin	Hadri
Wages	$I(0)$	$I(0)$	$I(0)$
NWF	$I(0)$	$I(0)$	$I(0)$
Immigrants	$I(0)$	$I(1)$	$I(0)$
Emigrants	$I(1)$	$I(1)$	$I(0)$
Inflation	$I(1)$	$I(0)$	$I(0)$

Source: compiled by the authors.

Table 3

Cross-sectional dependence panel unit root test			
Variable	Harris – Tzavalis	Breitung	Fisher
Wages	$I(1)$	$I(1)$	$I(0)$
NWF	$I(1)$	$I(1)$	$I(1)$
Immigrants	$I(1)$	$I(0)$	$I(0)$
Emigrants	$I(1)$	$I(0)$	$I(1)$
Inflation	$I(0)$	$I(1)$	$I(0)$

Source: compiled by the authors.

Panel cointegration test. Three-panel cointegration tests were carried out to ascertain whether the wage levels and the labor force have a common trend. This was motivated by the mixed stationarity obtained from the unit root test as indicated in Tables 2 and 3. The result shows a strong cointegration indicating a long-run relationship between the labor supply and wage levels. This outcome further indicates the sustainability of wages levels with the dynamics of the migrants' and natives' workforce.

Table 4

Panel cointegration test	
Cointegration test	Statistics
Pedroni	-14.13***
Kao	-3.94***
Westerlund	-1.52*

Note: *** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$.

Source: compiled by the authors.

All the tests show strong evidence of cointegration. The study proceeds to estimate the equations using the non-stationary panel heterogeneous model with the pool mean group (PMG) and mean group (MG) estimators (Pesaran et al., 1999; Pesaran, Smith, 1995). These estimators are known to capture heterogeneity and account for endogeneity in a model. However, PMG is a less restrictive estimator. It allows the intercept, short-run coefficients, and error variances to differ across the groups but constrains the long-run coefficients to be equal.

Table 5

PMG estimates (short-run estimates)

Variables	Model 1	Model 2	Model 3	Model 4	Model 5
ECT	-0.247*** (0.00281)	-0.249*** (0.00361)	-0.245*** (0.00369)	-0.248*** (0.00358)	-0.259*** (0.00609)
D.NWF	-1.029*** (0.0666)	-1.024*** (0.0854)	-0.977*** (0.0863)	-0.950*** (0.0789)	-0.761*** (0.0806)
D.IMM	-0.0130*** (0.00350)	-0.0185*** (0.00337)	-0.0208*** (0.00313)	-0.0244*** (0.00350)	-0.0324*** (0.00313)
D.EMI		0.0178*** (0.00329)	0.0151*** (0.00328)	0.00409 (0.00335)	-0.00582 (0.00412)
POL			0.703*** (0.0108)	0.467*** (0.0210)	0.207*** (0.0139)
D.IMM*POL				0.00356*** (0.000429)	0.00338*** (0.000496)
D.Inflation					0.000507*** (4.97e-05)
Constant	-69.50*** (0.792)	-69.47*** (1.010)	-68.80*** (1.037)	-72.48*** (1.050)	-70.24*** (1.657)
Observations	270	270		270	270

Note: 1) standard errors in parentheses; 2) *** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$.

Source: compiled by the authors.

Table 6

MG estimates (short-run estimates)

Variables	Model 1	Model 2	Model 3	Model 4	Model 5
ECT	-0.249*** (0.00263)	-0.256*** (0.00593)	-0.257*** (0.00577)	-0.260*** (0.00694)	-0.255*** (0.0133)
D.NWF	-1.059*** (0.0720)	-1.053*** (0.122)	-1.069*** (0.120)	-0.892*** (0.134)	-0.167 (0.217)
D.IMM	-0.0138*** (0.00417)	-0.0305*** (0.00611)	-0.0318*** (0.00642)	-0.0375*** (0.00765)	-0.0645*** (0.0153)
D.EMI		0.0191*** (0.00474)	0.0188*** (0.00509)	0.00618 (0.00543)	-0.0154 (0.0102)
POL			-0.00345 (0.00288)	-0.400 (1.055)	-0.743 (1.343)
D.IMM*POL				0.00602*** (0.00113)	0.00837*** (0.00233)
D.Inflation					0.00104*** (0.000130)
Constant	-70.13*** (1.031)	-71.97*** (1.990)	-72.90*** (1.963)	-77.65*** (2.392)	-67.00*** (4.746)
Observations	270	270	270	270	270

Note: 1) standard errors in parentheses; 2) *** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$.

Source: compiled by the authors.

However, the MG allows the intercepts, slope coefficients, and error variances to differ across groups. More so, the Hausman pairwise was employed to test to determine the most consistent and efficient estimator among the two. Five model series were estimated for each category of the estimators (PMG and MG),

starting with the baseline model of wage rate as a function of the workforce of both immigrants and native workforce.

Tables 5 and 6 presents short-run estimates for PMG and MG, while Table 7 and 8 present their long-run estimates for PMG and MG. However, the pairwise Hausman test could not be defined, possibly given that the coefficients from the two estimators are highly identical. Though, the study will rely on the estimates from the PMG to allow for long-run estimates to be equal as we assume that the effect of migrants to Russia’s labor market is the same irrespective of the migrants’ home country as the rules regarding the skills and qualification apply to all migrants.

Estimates from model 1 in Table 5 reveal that in the short run, with a supply shock in the labor market, an increase in the labor force (both domestic and immigrants) will have a consequential adverse effect on the wage levels. For instance, a percentage increase in the domestic labor force (NWF) will reduce the nominal wage level by about 1%. Likewise, a percentage increase in the immigrants’ workforce leads to about 0.01% reduction in the wage levels. This also implies that while the domestic labor supply is elastic, the immigrant labor supply is inelastic. Thus, the implications of this outcome imply that the labor market is competitive with the interaction of domestic and immigrants labor force in the market in the short run. Nevertheless, because it is highly inelastic, we could say that the relation between the native workforce and migrant’s workforce is imperfect substitutability which conforms with the study of Ottaviano and Peri (2012), who found a similar outcome.

Table 7

PMG estimates (long run estimates)

Variables	Model 1	Model 2	Model 3	Model 4	Model 5
NMF	16.13*** (0.332)	15.99*** (0.320)	16.07*** (0.332)	16.72*** (0.314)	15.52*** (0.373)
IMM	0.0385*** (0.0118)	0.0382*** (0.0141)	0.0456*** (0.0155)	0.0411*** (0.0144)	0.104*** (0.0165)
EMI		-0.0117* (0.00663)	7.06e-05 (0.0105)	0.0157 (0.0101)	0.00893 (0.00931)
POL			-2.918 (0)	-3.972 (0)	-2.109 (0)
IMM*POL				0.201* (0.120)	0.123 (0.113)
Inflation					-0.00835*** (0.00162)
Observations	270	270	270	270	270

Note: 1) standard errors in parentheses; 2) *** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$.

Source: compiled by the authors.

The error correction term was negative and highly significant, indicating a solid cointegration of the series. The values indicate a fair speed of adjustment of about 24.7% (PMG) short-run disequilibrium corrected towards long-run equilibrium. However, the long-run components of the estimates reveal a divergent outlook with the supply of labor from both domestic and immigrant, indicating

a positive impact on wage level. For instance, in Table 7, the estimates in model 1 reveal that wages levels increase by about 16% with a percentage increase in the domestic labor force. In comparison, wages levels increase by about 0.04% with an increase in the immigrant workforce. The results also show a strong elasticity of domestic workforce and wage levels while the immigrant workforce remains elastic, indicating the wages levels are not very sensitive to inflow immigrants.

Table 8

MG estimates (long run estimates)

Variables	Model 1	Model 2	Model 3	Model 4	Model 5
NMF	16.13*** (0.159)	16.12*** (0.210)	16.24*** (0.212)	17.10*** (0.255)	15.00*** (0.716)
IMM	0.0489*** (0.0112)	0.0763** (0.0344)	0.0782** (0.0355)	0.0613 (0.0419)	0.235*** (0.0632)
EMI		-0.0496*** (0.0154)	-0.0550*** (0.0213)	-0.0286 (0.0249)	-0.0548 (0.0409)
POL			-0.0134 (0.0110)	-1.198 (4.024)	-1.723 (5.737)
IMM*POL				0.120 (0.472)	0.184 (0.808)
Inflation					-0.00394 (0.00371)
Observations	270				

Note: 1) standard errors in parentheses; 2) *** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$.

Source: compiled by the authors.

This further indicates that in the long run, the market must have absorbed the supply shocks in the market such that reversal of the earlier behavior of the market is now observed. This is in line with the findings of Lundborg (2013), which indicates that the free flow of migrants from lower-wage countries could force down wages in the short run but with the possibility of reversal to natural rate in the long. The current estimates may also indicate that an increase in the labor force will increase wage levels rather than bringing it down because the supply shock must have been absorbed in the market, and the migrants assimilated into the labor market. This also conforms with the theory that the labor force increases productivity in the long run, which then transmits to an increase in nominal wage levels.

This indicates that all things have been equal. The Russian labor market is less competitive but not complementary (imperfectly substitutable) as the increase in labor in the short term relatively brings down the wage levels. The consequent implication of this outcome is that the Russian labor market is vulnerable to the short-run supply shock of labor migrants. However, the wages are also more responsive to the domestic labor force as estimates have indicated that wage levels are insensitive to immigrants' labor supply. The native workers dominate the skilled and semi-skilled and even the unskilled work in the Russian market and have been demonstrated by the high elasticity observed.

In model 2 of Table 5, we could see the estimated emigrants as a control variable to see its effect in the labor market. As expected, while the native work-

force and immigrants retained their signs and significance as observed in model 1, emigration shows a positive and significant sign in the short run. At the same time, it was negative and significant in the long run (see model 2 of Table 7). This means that with a shock in the short-run, an outflow of the labor force in the labor market drives nominal wage levels upward. However, this increase is not as much as reducing wages (as immigrants enter the labor market).

However, due to the absorption of the shock in the long run, through the expansion of productive capacity, an outflow of migrants from the labor market will harm the wage level as the market is now producing at a sub-optimal level. Elsner (2015) also found similar evidence, which indicates that an increase in emigration has a dual effect of increasing average wages in the sending country. However, productivity can also reduce, especially if the supply of a particular workforce is scarce. However, it does not specify whether these effects were short or long run. The estimate from the current study has indicated that both short-run and long-run estimates show that wage levels are inelastic to an outflow of migrants from the market. The estimate also reveals that wage levels are more sensitive to the inflow of migrants than the outflow of migrants in the Russian labor market.

In model 3, episodes of government migration policy (from less restrictive to more restrictive approach) were added to the model through a dummy. The estimate for government policy indicates that in the short run, an increase (a strict government policy) has a positive effect on wages levels (increases wage level). Because of the inability of the labor market to absorb the shocks in the short run, strict government policy constricts the labor market, which makes it difficult for an additional inflow of labor force in the market, thereby regulating the labor market (maintaining or driving wage levels up). Thus, when the migration law regulates the market, the labor market is rendered less competitive, especially in the short run. However, the long-run coefficient (from Table 7) indicates otherwise, which shows that the more restrictive the policy is likely to reduce the nominal wages. It is worth noting that while the short-run effect is significant, such cannot be said of the long run. This also indicates that the migration effect is powerful in the short run than in the long run. Nevertheless, with stability and absorption of the short-run shock, in the long run, further tightening of the labor market restricts the market from achieving optimality in production. The estimate conforms to Borja's positive theory of migration, which indicates that the absence of a strict migration policy does not improve productivity and wage level as when there is no such regulation.

To see how migration labor laws directly affect immigrants' effect in the labor market, an interactive dummy variable was included in model 4 (*Immigrant*Dummy*). The result reveals that, unlike the un-interactive immigrants' inflow which hurts nominal wage levels in the short run, the interactive variable indicates a positive effect on wage levels in the short run. Similarly, the interactive variable also positively affects the wage levels in the long run, analogous to the effect of immigrants' inflow in the labor market. This implies that the migration policy has a strong effect on the behavior of immigrants' inflow in the labor market in the short-run since it constricts the supply of labor force, the increase in the labor supply from the immigrants is not strong enough to alter the distribution of wage levels. This then makes the market less or uncompetitive in the short run. However, this effect is sustained in the long run.

In the final model, price level (inflation) was included as a control in the model. This is because of the solid theoretical link between price levels and wage levels. An increase in the price level leads to an increase in nominal wage and may not change real wage if the changes in the price level lead to a proportional change in nominal wage. The result reveals that an increase in the inflation rate in the short run leads to an increase in nominal wage levels, although this is highly inelastic but significant. However, in the long run, an increase in the inflation rate reduces the wage levels, as indicated by the estimates.

Conclusion and recommendations

With the enduring argument on the topical issue of migration regarding the gains and consequences, the study analyzed the impact of migrants' inflow from CIS countries and the rest of the world in the Russian labor market. From a theoretical perspective, migration inflow could be seen as a supply shock of the labor force in labor with the short-run consequence of bringing down wage levels due to lags in assimilating the supply. Nevertheless, wage level is assumed to reverse to normalcy in the long run when the labor force must have been assimilated and subsequently increases wage level. However, there are various dimensions to these simplistic assumptions. Most times, most of the labor force are semi or low-skilled migrants, which maybe be seen as complementary to the existing native labor force. Most times, especially in countries like Russia, employing a foreign skilled labor force is tricky, especially when there is an alternative native to do the work.

Also, most times, the inflow and activities of labor migrants are constrained by strict labor migration laws, which might be seen as a severe impediment to achieving competitiveness, as argued by Borja in its positive theory of migration. Notwithstanding, it has also been argued that migrants' impacts could significantly offset the labor market. At the same time, some authors are of the divergent view that the impact of labor migrants cannot be significant enough to offset the labor market. Some even argued that the inflow of migrants is seen as an imperfect substitution in the labor market.

Thus, in the current study, it was observed from the estimate that the immigrant's labor force brings about competitiveness (though imperfect substitution) in the Russian labor market in the short run and, as theoretically argued. However, the assimilation of the labor migrants, in the long run, can bring about increased productivity. More so, the supply of migrants' labor force is inelastic both in the short run and long run short, which is an indication that they have been regulated. This assumption is further supported by the indicator of migration policy which shows that strict migration policy regulates the inflow of migrants in the labor market and neutralizes their effect in the market. The cointegration result also indicates that the competitiveness in the labor market is sustainable and leads to improved wage levels in the long run. The result also indicates that the price level (inflation rate) affects wage levels. This effect is significant though inelastic in both the short-run and long-run.

This result may imply that all things have been equal. An inflow of migrants can bring about competitiveness in the short run by bringing down wage levels. This outcome may also bring about increased productivity when the labor migrants

must have been absorbed in the labor market. This further indicates that the inflow of labor migrants into Russian labor are seen as imperfect substitutes, which may have lacked the resilience to offset the labor market. Lastly, given the strict migration policy, it may be challenging to achieve competitiveness in the labor market. Hence, the possibility of tranquilizing the migration law may be about the visualized gains of competitiveness in the Russian labor market.

References

- Altonji, J., & Card, D. (1991). The effects of immigration on the labor market outcomes of less-skilled natives. *Immigration, Trade, and the Labor Market* (pp. 201–234). National Bureau of Economic Retrieved October 25, 2020, from <https://econpapers.repec.org/RePEc:nbr:nerch:11773>
- Andrienko, Yu., & Guriev, S. (2005). *Understanding migration in Russia*. Center for Economic and Financial Research at New Economic School.
- Borjas, G.J. (1995). The economic benefits from immigration. *Journal of Economic Perspectives*, 9(2), 3–22. <https://doi.org/10.1257/jep.9.2.3>
- Borjas, G.J. (1999). The economic analysis of immigration. *Handbook of Labor Economics*, 3(Part A), 1697–1760. [https://doi.org/10.1016/S1573-4463\(99\)03009-6](https://doi.org/10.1016/S1573-4463(99)03009-6)
- Borjas, G.J. (2003). The labor demand curve is downward sloping: Reexamining the impact of immigration on the labor market. *Quarterly Journal of Economics*, 118(4), 1335–1374. <https://doi.org/10.1162/003355303322552810>
- Card, D. (1990). The impact of the Mariel Boatlift on the Miami labor market. *ILR Review*, 43(2), 245–257. <https://doi.org/10.1177/001979399004300205>
- Chojnicki, X. (2004). The economic impact of immigration for the host countries. *Brussels Economic Review*, 47(1), 9–28.
- Chudinovskikh, O. (2018). *Work Session on Migration Statistics Item 3 of the Provisional Agenda Integration of Data from Censuses, Administrative Sources and Surveys for Measuring Migration Statistics on International Migration in Russia: The Current Situation**. Geneva. Retrieved October 25, 2020, from https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.10/2018/mtg1/RUS_Chudinovskikh_ENG.pdf
- Edo, A., & Rapoport, H. (2019). Minimum wages and the labor market effects of immigration. *Labour Economics*, 61, 101753. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2019.101753>
- Eldyaeva, N.A., Kovanova, E.S., Lebedinskaya, O.G., & Tenetova, E.P. (2019). The specifics of migration in Russian regions. *SHS Web of Conferences*, 62, 06004. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196206004>
- Elsner, B. (2015). Does emigration increase the wages of non-emigrants in sending countries? *IZA World of Labor*, 208. <https://doi.org/10.15185/izawol.208>
- Ivakhnyuk, I. (2013). The Russian migration policy and its impact on human development. *Human Development Reports*. Retrieved October 25, 2020, from <http://hdr.undp.org/en/content/russian-migration-policy-and-its-impact-human-development>
- Karabchuk, T., & Salnikova, D. (2017). The economic impact of migration in the Russian Federation: Taxation of migrant workers. *Asia-Pacific Population Journal*, 32(2), 137–174. <https://doi.org/10.18356/839a8861-en>
- Lazareva, O. (2015). Russian migrants to Russia: Assimilation and local labor market effects. *IZA Journal of Migration*, 4, 20. <https://doi.org/10.1186/s40176-015-0044-9>
- Lazareva, O., & Sonin, K. (2008). Russian migrants to Russia: Choice of location and labor market outcomes. *Working Papers*, w0117. Retrieved October 25, 2020, from <https://ideas.repec.org/p/abo/neswpt/w0117.html>

- Lundborg, P. (2013). Wage effects of immigration in a bargaining economy. *SULCIS Working Papers*. Stockholm University, Linnaeus Center for Integration Studies – SULCIS. Retrieved October 25, 2020, from https://econpapers.repec.org/RePEc:hhs:sulcis:2013_002
- Manacorda, M., Manning, A., & Wadsworth, J. (2012). The impact of immigration on the structure of wages: Theory and evidence from Britain. *Journal of the European Economic Association*, 10(1), 120–151. <https://doi.org/10.1111/j.1542-4774.2011.01049.x>
- Nyberg-Sørensen, N., Van Hear, N., & Engberg-Pedersen, P. (2002). The migration-development nexus evidence and policy options state-of-the-art overview. *International Migration*, 40(5), 3–47. <https://doi.org/10.1111/1468-2435.00210>
- Ottaviano, G.I.P., & Peri, G. (2012). Rethinking the effect of immigration on wages. *Journal of the European Economic Association*, 10(1), 152–197. <https://doi.org/10.1111/j.1542-4774.2011.01052.x>
- Pesaran, M.H., & Smith R. (1995). Estimating long-run relationships from dynamic heterogeneous panels. *Journal of Econometrics*, 68(1), 79–113. [https://doi.org/10.1016/0304-4076\(94\)01644-F](https://doi.org/10.1016/0304-4076(94)01644-F)
- Pesaran, M.H., Shin, Y., & Smith, R.P. (1999). Pooled Mean group estimation of dynamic heterogeneous panels. *Journal of the American Statistical Association*, 94(446), 621–634. <https://doi.org/10.1080/01621459.1999.10474156>
- Portes, J. (2019). The economics of migration. *Contexts*, 18(2), 12–17. <https://doi.org/10.1177/1536504219854712>

Сведения об авторах / Bio notes

Валей Азамат, кандидат экономических наук, Центр экономических исследований и послевузовского образования – Институт экономики, Карлов университет; старший научный сотрудник, доцент, Уральский федеральный университет. ORCID: 0000-0002-9583-6542. E-mail: azamat.valey@urfu.ru

Azamat Valei, PhD in Economics, Center for Economic Research and Graduate Education – Economics Institute (CERGE-EI), Charles University; senior researcher, Associate Professor, Ural Federal University. ORCID: 0000-0002-9583-6542. E-mail: azamat.valey@urfu.ru

Мамман Сулейман О., научный сотрудник, лаборатория международной и региональной экономики, Высшая школа экономики и менеджмента, Уральский федеральный университет. ORCID: 0000-0003-3204-0595. E-mail: onimism@gmail.com

Suleiman O. Mamman, researcher, Laboratory for International and Regional Economics, Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University. ORCID: 0000-0003-3204-0595. E-mail: onimism@gmail.com

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ ECONOMIC AND SOCIAL TRENDS

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-4-689-698

UDC 338

Research article / Научная статья

Challenges and opportunities cryptocurrency in Iran economy & e-businesses

Ismael Rezaeinejad

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

✉ 1032205254@rudn.ru

Abstract. The world's financial markets faced a new cyberspace phenomenon. Cryptocurrencies are non-tracking by any bank or financial institution or even the state. In a digital transactions system, transactions are registered and encrypted in a general ledger book, the blockchains. Cryptocurrencies have features that make them more useful, especially in international exchange, so it is necessary to determine the advantages and challenges of using them. The study of digital currencies in Iran's economy and electronic business is presented. In recent years, the use of cryptocurrencies in Iran has grown. The necessity of public policymaking in facing this emerging phenomenon of economic importance has become more critical due to the transfer, such as decentralized systems, which led to the elimination of intermediate and observer entities. Cryptocurrencies also allow Iranian businesses and governments to direct access the international markets by bypassing sanctions. In this paper, the author first considers the mechanism of cryptocurrencies in the economy and then identifies the Iranian economy's challenges and opportunities. In conclusion, cryptocurrencies can allow Iranian entrepreneurs to enter the international arena and international competition. Therefore, it is vital that the government or public organizations raising awareness about cryptocurrencies will also contribute to the prosperity of businesses and prevent criminals from exploiting the conditions.

Keywords: cryptocurrency, Iran, e-businesses, sanction, e-commerce

Article history: received July 10, 2021; revised August 1, 2021; accepted June 15, 2021.

For citation: Rezaeinejad, I. (2021). Challenges and opportunities cryptocurrency in Iran economy & e-businesses. *RUDN Journal of Economics*, 29(4), 689–698. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-689-698>

© Rezaeinejad I., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Проблемы и возможности использования криптовалют в экономике и электронном бизнесе Ирана

И. Резаинеджад

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
✉ 1032205254@rudn.ru*

Аннотация. Мировые финансовые рынки столкнулись с новым явлением – формированием финансового киберпространства. Криптовалюты не отслеживаются ни банком, ни финансовыми учреждениями, ни даже государством. В системе цифровых отношений транзакции регистрируются и зашифровываются с помощью блокчейн-технологий. Криптовалюты обладают рядом функций, которые делают их незаменимыми, особенно при международном обмене. Исследуется положение криптовалют в экономике и электронном бизнесе Ирана. В последние годы использование криптовалют в Иране выросло, как и необходимость выработки государственной политики в связи с этим явлением. Криптовалюты позволяют иранским предприятиям и правительству иметь прямой доступ на международные рынки в обход санкций. Рассматривается механизм использования криптовалют в экономике, определяются проблемы и возможности их использования в иранской экономике. Выявлено, что криптовалюты могут позволить иранским предпринимателям выйти на международную арену и стать участниками глобальной конкуренции. По этой причине необходимо, чтобы правительство и общественные организации, повышающие осведомленность о криптовалютах, также способствовали процветанию бизнеса.

Ключевые слова: криптовалюта, Иран, электронный бизнес, санкции, электронная коммерция

История статьи: поступила в редакцию 10 июля 2021 г.; проверена 1 августа 2021 г.; принята к публикации 15 июня 2021 г.

Для цитирования: *Rezaeinejad I. Challenges and opportunities cryptocurrency in Iran economy & e-businesses // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29. № 4. С. 689–698. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-689-698>*

Introduction

In the global economy, it is possible to observe that the transaction levels are spread across countries' borders, and global traders are rapidly expanding. The world businessmen must cooperate with various intermediate entities, increasing the number of these mediators to increase their profitability and making it more challenging to become more complex; therefore, the monetary authorities seek solutions to facilitate most global business. In this regard, we now observe that the new technologies in cryptography have created fundamental changes in the global economic structure. One of the most crucial systems may refer to a new phenomenon called cryptocurrencies. The cryptocurrency is a private system for facilitating transactions among individuals without requiring the central entity and the intermediary (Antonopoulos, 2017).

One of the most critical uses of cryptocurrency that is unique to payments, including speed and efficiency concerning payments, especially international payments, eliminates additional operational costs from the intermediary entities. In addition to the proposed advantages, this type of exchange poses risks, which have led governments to have conflicting positions. This can be attributed to the danger of money laundering, terrorist attacks, and tax evasion, all of which are very likely due to the encrypted nature of these currencies (Böhme et al., 2015).

This paper study a comprehensive view of the cryptocurrencies exchange and providing an initial framework with emphasis on the Iranian economy to understand the challenges of cryptocurrencies.

Research method

The present paper is conducted in an analytical-descriptive method. The method of gathering research data is library study, including books, magazines, papers, and electronic resources. This paper explores cryptocurrencies' challenges and opportunities in Iran and uses international knowledge and experience to make a conceptual framework for cryptocurrency in the Iranian economy.

Literature review

Considering that cryptocurrencies have been used in the international economy in the last few years, less research has been done on other areas of economics related to it. However, because of the specific feature of these kinds of currencies, the growth rate of research increases. The first and foremost part of the cryptocurrency study is back to 2008 by Satoshi Nakamoto for the first time, introduces the practical mechanism of bitcoin as the first private cryptocurrency (Nakamoto, 2008).

P. Ciaian, M. Rajcaniova and D.A. Kancs, in their study with an economic view of variables such as price, cash, fluctuation, and cash flow rates, concluded that in Austrian economics, bitcoin is a more ideal currency than unsupported money and, this alternative is possible (Ciaian et al., 2016).

T. Moore in his article lists the opportunities and risks of cryptocurrencies. One of the essential advantages of this money is the impossibility of creating money and low operating cost, and low cost for sender and receiver. In contrast, cybercrime and abuse can be named as the risks of this money (Moore, 2013).

S. Garg, in his academic research, examines the variables involved in cryptocurrencies and the price history. Therefore, it is said that by increasing the knowledge of people in this market, the price and demand will increase (Garg, 2015).

F. Parino, M.G. Beiró and L. Gauvin, at first, began to wonder whether they would be considered cryptocurrencies as money, and finally, with a look at bitcoin said the vital point is low operating cost, and the weak point is the price fluctuations and security (Parino et al., 2018).

A. Dibrova has dealt with the risks of cryptocurrencies, including financial crimes and money laundering. At the same time, he believes that such forces will not prevent the further development of cryptocurrencies (Dibrova, 2016).

D. Atli revealed the risks of cryptocurrency, includes money laundering, tax evasion, cybercrime, and internet crime. The evidence of this study shows that cryptocurrencies would play an essential and influential role in facilitating crimes (Atli, 2017).

Result and discussion

Cryptocurrencies' situation in Iran

Some investors and traders believe that cryptocurrencies positively impact the future of the world economy. However, on the other hand, some analysts and economists believe that more studies should be done because of the unknown and significant gaps in this space. According to the Tokenist institution, in June 2020, 45% percent of 17 countries in the world preferred investment in cryptocurrency more than investing in shares, real estate, or even gold. While in 2013 and a survey of similar conditions, only 13% of the population had voted positively for their investments in this field over other areas.

On the other hand, recent global fluctuations and lack of clear rules in many countries have caused concern among micro investors and many people for investing in this market. According to a report compiled by the National Library of Congress of the United States, governments focused more on this area and tried to legislate for it by becoming popular in the last four years. According to the report, most of the announcements issued by governments on investment challenges were based on the basis that most of these warnings were issued by state banks. The basis of these warnings emphasizes several points; firstly, the high volatility of this market and the lack of supervision over organizations and institutions that facilitate cryptocurrency transactions (Chuen, 2015). Also, most countries warn their citizens that if they enter the market, they should accept the risk of these transactions and do not answer them in case of any loss.

One of the concerns of governments in taxation is the income tax arising from their transactions, and the question is whether the profit obtained from the extraction or sale is considered the profit or income of a company (MacCarthy, 2010). In 2015 the E.U. court of justice announced that the profits made by investment in E.U. countries would not include value-added taxes. Nevertheless, most countries are already developing laws to be exempt from taxes (Szczepański, 2014). Some countries, such as Russia, have also announced that it will be taxed to extract more energy than permitted.

In recent years, cryptocurrency became a new phenomenon in Iran. Fluctuations in exchange markets and gold and the frequent decline in the stock index led some micro investors to enter this market. Government procrastination has puzzled the activists for presenting clear and applicable laws. In January 2018, Iran banned the use of bitcoin and other cryptocurrencies in all of the country's economic and financial centers, which means that all banks and outlets with license fees do not have the right to buy and sell.

After two years, the cabinet of ministers agreed to extract the processing products encrypted as an industrial activity subject to obtaining permission from the ministry of industry, mining, and trade. In March 2020, the first draft law on cryptocurrency and digital currency was published. The draft law says that only the central bank of Iran and its admitted banks can create a cryptocurrency with the support of the rial. In September of the same year, it announced that it was ordered to shut down the exchange bureaus due to cryptocurrencies activities.

In recent months, the frequent power cuts, which many experts said were the result of the extraction, led Iran's president to withdraw cryptocurrency extraction until the end of August, even for authorized centers.

The latest decision on the final policy to deal with cryptocurrencies should be taken so that the players in this field would eventually know their situation and also the country has equal and proper law and instruction for this market.

Iran's opportunities and challenges

The comprehensive study of the advantages and disadvantages of cryptocurrencies is vital for the policy in the first place, recognizing the advantages and threats. In the second place, lawmakers aim to design the laws and preventive measures, and control methods. Furthermore, all the advantages and challenges of cryptocurrency in Iran are extracted comprehensively.

Opportunities of cryptocurrencies

1. Freedom in payment and international access. There is no limitation in the cryptocurrencies of payments, such as the high transfer cost and no intermediary in payment. This money can be paid to anyone globally without the intermediate entity's fees and high speed (Halaburda, Sarvary, 2016). This capability can be a unique advantage for a country like Iran because of sanctions and interference from foreign countries on the international level.

2. Low transaction cost. The disadvantages of conventional payment systems at the international level are transaction costs received by the intermediary entities, but in cryptocurrencies payment systems such as bitcoin, there are deals without additional payment¹ (Cuthbertson, 2014).

3. High speed in international and cross-border transfers: this system accepts individuals and is generally transferred in less than 10 minutes from individual accounts to another person.

4. The lack of creating money in the economy and inflation control: given that the creation of money is not feasible according to the mechanism defined in bitcoin, no more than 21 million units, and this type of money is not at the disposal of the central bank, there is no possibility of generating money, thus not increasing cash or inflation. In countries where the Central Bank does not have independence and government financial sovereignty, the volume of money may be increased due to the deficit of state budgets in the economy (Polasik et al., 2015).

5. The use of cryptocurrencies in an embargo on Iran: one of the advantages of cryptocurrencies for the Iranian economy is the use of it in terms of bank sanctions, as it is the same as is stated, cryptocurrencies are a kind of private currency, and no entity can intervene in its markets. The sender and receiver in this system are also non – identification and international sanctions cannot be readily available at the expense of Iranian financial institutions (Evans, 2015).

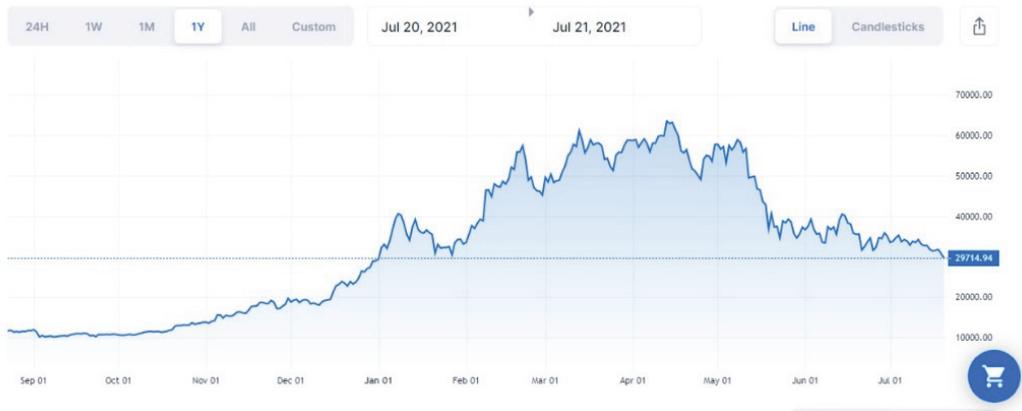
6. The inability of governments to confiscate and block: in many countries in specific political and economic conditions, governments attempt to confiscate the property and assets of individuals, as well as in the civil status of the United States (freezing of assets). This security in the cryptocurrencies structure is as possible, and individuals' and states' rights are preserved to aggression and interference of others.

¹ Cuthbertson, A. (2014). Cryptocurrency round-up: Bolivian Bitcoin Ban, iOS Apps & Dogecoin at McDonald's. *International Business Times*. Retrieved November 14, 2020, from <https://www.ibtimes.co.uk/cryptocurrency-round-bolivian-bitcoin-ban-ios-apps-dogecoin-mcdonalds-1453453>

7. The comparative advantage of extraction: due to the low price power of energy in Iran and some countries, it is more economical to extract cryptocurrencies, and it can make the profitability frame for the country (Kelly, 2014).

Challenges and risks of cryptocurrencies. The most critical issue in the policy process for an emerging phenomenon is recognition of its consequences. So, the legislator and policymaker should have complete dominance on all aspects of the cryptocurrencies challenge. In this section, try to identify the challenge of cryptocurrency in Iran's economy.

1. Price fluctuations and instability. The price of the cryptocurrencies, for example, bitcoin, has been faced with many ups and downs so that over a year, from less than ten thousand to over dollar fifty thousand (Figure).

Bitcoin price fluctuations, 2020–2021

Source: compiled by the author based on blockchain.info

2. The lack of clear rules and regulations: cryptocurrency, compare to traditional money, does not have transparent laws and regulations, and it can open up to a severe challenge for every state as it opens the way for criminal activity, money laundering (Cheung et al., 2015).

3. The economy threat: where real and virtual money is found, virtual money can stimulate demand in the real world. Other contributing factors to monetary policy can also be affected by this way.

4. It is not clear that the sender and receiver identity: this money uses the encrypted mechanism to provide security, so there is no transmitter or receiver frame. For instance, the criminal receives the money without being able to follow up. It can be a privilege and opportunity for Iran during the boycott without being identified too.

5. Weakening the central bank and intermediary entities: with the prevalence of cryptocurrencies, the central bank in the country's markets become pale, and this could be a severe risk for the monetary and financial system of a country, as there is no room for monetary policy to apply and there will be no monitoring of daily transactions (Narayanan et al., 2016).

6. The possibility of tax evasion, money laundering, and development informal economic part: due to the encrypted nature of the money and not identifying the transaction parties, there is an incentive to transfer part of the revenues and maintain income and savings by the system. This tax evasion leads to a decrease

in government power and provides the ground for informal economic development. Moreover, offenders can be permitted to enter the country's financial system through the money laundering process regarding the mechanism of virtual money.

7. The occurrence of security problems: in crypto money, if the user lost his account and password, his money will be lost forever. In the current standard banking system, an individual does simple to his bank or decrypt it, and it is easily retrieved from his identity documents to the bank and restores his private key (Vigna, Casey, 2016).

8. The inheritance problem: in the existing bank system, if the accounts' owner has died, it will be possible for heirs to have access to the dead person's account through legal procedures. While in the cryptocurrencies system, access to a person's account is only possible with having the money bag address and the password, there is no mechanism to obtain it to their heirs.

9. Jurisprudential challenge: one of the critical issues of any new phenomenon in the Iranian economy is sharia, whether it is legitimate or not? It is also would happen to in cryptocurrency. So far, the Shiite clerics have no definite opinion regarding the use of cryptocurrency money, and the ground is to take action as soon as possible. However, some of the other Islamic sects have expressed their views on virtual reality. Some researchers believe that money is more compatible with the prohibition of usury because of the impossibility of creating more money in the banking system (Evans, 2015).

10. Uncertainty in cryptocurrency: one of the fundamental challenges of cryptocurrency worldwide is ambiguity in its real nature. Can a cryptocurrency play its role following the definition of what is expected from anything that the general public will use to pay for a purchase? Some cryptocurrency assets are considered money, and they believe that cryptocurrency has three main functions of money. According to some economic experts, only objects can be considered money widely used in communities. Only in these forms can be able to play three main functions of money. As a result, cryptocurrency can be used as money that is widely used in a wide range, and this issue has been exposed to date due to the sharp rise in the prices of cryptocurrency. There is an increasing growth in the use of cryptocurrency, which in the case of continuing this trend can be realized that shortly the use of these currencies will be realized, followed by price inflation (Yermack, 2013).

11. Failure to maintain the value. One of the severe problems with maintaining cryptocurrency is that they do not retain their value over time. The minimum waiting for the buyers is that they can spend it in the future and receive that in moderate fluctuations.

12. The high energy consumption: the higher the number of bitcoin extractors, the more electricity is needed to confirm the transactions and the mining process, resulting in a waste of energy dissipation at the macro level.

Use of cryptocurrency in e-business

With the warming of the cryptocurrency market and investors' propensity to it, some e-businesses also experience entering this arena. The use of cryptocurrency has attracted the attention of businesspeople. Over the past few years, many economists have investigated the digital revolution's impact on the banking and monetary system and the macroeconomy. Although much electronic banking and

electronic money have contributed to this technology, there is still a vague notion of cryptocurrency. Initially, the value of the cryptocurrency compared to other currencies was insignificant, but now its use and value are significantly increased (Tapscott, Tapscott, 2016).

In the current situation and because of sanctions, the agents of transferring money into the country are complicated; while the Western governments are following the policy of limiting Iran access to the global banking system and currencies such as dollars and euros, cryptocurrency allows easier access to Iranian users to global markets.

Although these countries continue their crackdown on financial matters, the decline of governments' direct access to cryptocurrency has led to the relatively easy purchase of virtual goods and services through cryptocurrencies for Iranians (Rezaeinejad, Chernikov, 2021).

Foreign currencies are bought out of the country by paying real money, but due to the virtual exchange of these currencies and the non – exchange of foreign governments in recognition of the use of foreign currencies. For these Iranian users, they can buy from virtual markets like iTunes and iStore.

With the advent of cryptocurrencies and removing boundaries of money transfer, even Iranian users could sell their products and services to international markets. For example, Iranian designers, graphist, and programmers could get the order from the outside country and get wages from cryptocurrencies.

Designing the conceptual framework for cryptocurrency in the Iranian economy

Despite its pros and cons, cryptocurrency also poses threats to governments and they have to deal with this phenomenon. This is very difficult because the monitoring is not possible by one state body, and that is why some countries have forbidden the use of this money. Due to the nature of the cross-border nature of this kind of funds, the status of international standards could be very much functional.

According to the stated cases in challenges and opportunities, it can be classified into four main pivots. These four axes include Theoretical and knowledge problems, macroeconomic threats, cybercrime, and capital security issues.

1. Theoretical and knowledge problems: the first case in this axis is to determine the nature of virtual reality by faculty members and professors as a commodity or money. The operational consequences of this discussion will be found in the codification of tax codes and the extraction of rules. It is also clear that people and the lack of documentation for filing lawsuits are among the other issues of the first axis, which should be considered a solution to these issues.

2. Capital security issues: the sense of absence of capital security is a sense of insecurity that the general public does not buy despite the dramatic price growth of digital currencies such as bitcoin. Issues such as hack and forgot passwords, the hacking of the wallet, the trap of fraud exchange bureaus have led to such feelings. In addition, the existing companies that provide the wallet are not highly trustworthy and have been observed in several cases. In the face of these problems, some financial or legal powers of the country could play an essential role in reducing the risk and increase trust.

3. Cybercrime: violations and social crimes, tax evasion, and money laundering are among the main challenges globally, including Iran too, so its need to put laws and rules for combating Money Laundering and implementing it can play an influential role in dealing with this issue.

4. The threat of the macroeconomic policy: the absence of the ground tool to apply monetary policies, the threat of the real economy by offering cryptocurrency, and the lack of a suitable solution to mobilize resources from the economic capital and allocate them to economic growth, which will threat different entities including the Ministries of Economy and Finance and the Central Bank of Iran. The risk of cryptocurrency investment is numerous. Therefore, it is impossible to cover all these threats in cryptocurrency purchasing, and no institutions will be responsible for it. So, it is possible, Like the Tehran stock exchange, these currencies, by designing a market for these currencies, reduce investors' risk. Also, the outflow of foreign exchange from the country and the loss of energy can be considered threatening factors in the Iranian economy.

Conclusion

Cryptocurrencies have features that make them more useful, especially in international exchange, so it is necessary to determine the advantages and challenges of using them, given the entirely different nature of the money, and legislators can enact some regulations as quickly as possible in response to this money. This is what most developed countries have done, some considered it a severe risk and declared the use of it illegally, and some considered it an asset and imposed a tax code on it. The other group has not shown any official response to cryptocurrencies. Iran has not yet announced an official position on cryptocurrencies. Therefore, the country's financial and legal authorities need to put laws to avoid the risks of buying and selling cryptocurrencies, such as money laundering, tax evasion.

Also, in the current situation of electronic commerce, many people use virtual and cryptocurrencies to carry out their exchanges. Despite the fact that banking restrictions created by the United States, cryptocurrencies and the virtual environment have provided financial markets and businesses access internationally. Cryptocurrencies can provide an opportunity for Iranian entrepreneurs to enter the international arena and international competition. Therefore, it is vital that the government or public organizations raising awareness about cryptocurrencies will also contribute to the prosperity of businesses and prevent criminals from exploiting the conditions.

References

- Antonopoulos, A.M. (2017). *Mastering bitcoin: Programming the open blockchain* (2nd edition). O'Reilly Media.
- Atli, D. (2017). Cybercrimes via virtual currencies in international business. *Cybersecurity Breaches and Issues Surrounding Online Threat Protection* (pp. 121–143). IGI Global.
- Böhme, R., Christin, N., Edelman, B., & Moore, T. (2015). Bitcoin: Economics, technology, and governance. *Journal of Economic Perspectives*, 29(2), 213–238.
- Cheung, A., Roca, E., & Su, J.J. (2015). Crypto-currency bubbles: An application of the Phillips – Shi – Yu (2013) methodology on Mt. Gox bitcoin prices. *Applied Economics*, 47(23), 2348–2358.

- Chuen, D.L.K. (Ed.). (2015). *Handbook of digital currency: Bitcoin, innovation, financial instruments, and big data*. Academic Press.
- Ciaian, P., Rajcaniova, M., & Kancs, D.A. (2016). The digital agenda of virtual currencies: Can BitCoin become a global currency? *Information Systems and e-Business Management*, 14(4), 883–919.
- Dibrova, A. (2016). Virtual currency: New step in monetary development. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 229, 42–49.
- Evans, C.W. (2015). Bitcoin in Islamic banking and finance. *Journal of Islamic Banking and Finance*, 3(1), 1–11.
- Garg, S. (2018, December). Autoregressive integrated moving average model based prediction of bitcoin close price. *2018 International Conference on Smart Systems and Inventive Technology (ICSSIT)* (pp. 473–478). IEEE.
- Halaburda, H., & Sarvary, M. (2016). *Beyond bitcoin: The economics of digital currencies*. Springer.
- Kelly, B. (2014). *The bitcoin big bang: How alternative currencies are about to change the world*. John Wiley & Sons.
- MacCarthy, M. (2010). What payment intermediaries are doing about online liability and why it matters. *Berkeley Technology Law Journal*, 25(2), 1037–1120.
- Moore, T. (2013). The promise and perils of digital currencies. *International Journal of Critical Infrastructure Protection*, 3(6), 147–149.
- Nakamoto, S. (2008). Bitcoin: A peer-to-peer electronic cash system. *Decentralized Business Review* (pp. 1–9). Satoshi Nakamoto Institute.
- Narayanan, A., Bonneau, J., Felten, E., Miller, A., & Goldfeder, S. (2016). *Bitcoin and cryptocurrency technologies: A comprehensive introduction*. Princeton University Press.
- Parino, F., Beiró, M.G., & Gauvin, L. (2018). Analysis of the bitcoin blockchain: Socio-economic factors behind the adoption. *EPJ Data Science*, 7(1), 38.
- Polasik, M., Piotrowska, A.I., Wisniewski, T.P., Kotkowski, R., & Lightfoot, G. (2015). Price fluctuations and the use of bitcoin: An empirical inquiry. *International Journal of Electronic Commerce*, 20(1), 9–49.
- Rezaeinejad, I., & Chernikov, S.U. (2021). Impact of COVID-19 on Iran startups at biotech, pharmaceutical, engineering, and other innovative industries. *S.H.S. Web of Conferences*, 114, 01018.
- Szczepański, M. (2014). Bitcoin: Market, economics, and regulation. *European Parliamentary Research Service*, 11(4), 43–78.
- Tapscott, D., & Tapscott, A. (2016). *Blockchain revolution: How the technology behind bitcoin is changing money, business, and the world*. Penguin.
- Vigna, P., & Casey, M.J. (2016). *The age of cryptocurrency: How bitcoin and the blockchain are challenging the global economic order*. Macmillan.
- Yermack, D. (2013). *Is bitcoin a real currency? An economic appraisal*. Working Paper 19747. National Bureau of Economic Research. <https://doi.org/10.3386/w19747>

Сведения об авторе / Bio note

Резаинежад Исмаэль, аспирант, кафедра маркетинга, экономический факультет, Российский университет дружбы народов. E-mail: 1032205254@rudn.ru

Ismael Rezaeinejad, PhD student, Department of Marketing, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: 1032205254@rudn.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-4-699-715

UDC 339:338

Research article / Научная статья

E-commerce in China amid COVID-19 pandemic restrictions

Svetlana Yu. Revinova , Ekaterina A. Ivashchenko*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation* revinova-syu@rudn.ru

Abstract. The COVID-19 pandemic has had a significant impact on all areas of life, including e-commerce. Most experts note a positive effect on e-commerce. E-commerce volume has grown all over the world. At the same time, structural changes took place; consumers changed their behavior and priorities. The purpose of the research is to study the role of e-commerce in China during the period of pandemic restrictions and analyze the statistical and structural changes in e-commerce during the epidemic. Quantitative and qualitative analysis is provided and the prospects for e-commerce in China are identified. When conducting the study, the methods of statistical and comparative analysis were used. The data sources were materials from the National Bureau of Statistics of China and other open sources. To determine the prospects for e-commerce, a model with an additive component was built. The data was deseasonalized, several trend variants were calculated, and the most suitable trend was selected, best approximating the sales data. The analysis showed that China has seen growth in e-commerce during the pandemic, but not as strong as expected. It is noted that before the pandemic, e-commerce grew at a reasonably rapid pace, and the pandemic only accelerated it a little. During the pandemic, those companies that had not previously used the Internet were forced to switch to new sales forms. The epidemic also prompted people to try many new products and services and then develop new consumer habits, which in the long term will continue the growth of e-commerce.

Keywords: e-commerce, e-retail, COVID-19, pandemic restriction, China

Acknowledgements. This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

Article history: received June 10, 2021; revised July 1, 2021; accepted August 15, 2021.

For citation: Revinova, S.Yu., & Ivashchenko, E.A. (2021). E-commerce in China amid COVID-19 pandemic restrictions. *RUDN Journal of Economics*, 29(4), 699–715. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-699-715>

Электронная коммерция в КНР в условиях пандемических ограничений COVID-19

С.Ю. Ревина , Е.А. Иващенко

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6*
 revinova-syu@rudn.ru

Аннотация. Пандемия COVID-19 оказала большое влияние на все сферы жизни, в том числе на электронную коммерцию. Большинство экспертов отмечают положительный эффект, объемы электронной торговли выросли. Одновременно с этим произошли и структурные изменения, потребители сменили свои приоритеты. Целью исследования стало изучение роли электронной коммерции в Китае в период пандемических ограничений, а также анализ статистических и структурных изменений электронной торговли в период эпидемии. Проведен количественный и качественный анализ, определены перспективы электронной торговли в Китае. Также использовались методы статистического и сравнительного анализа. Материалом послужили данные Национального бюро статистики Китая и других открытых источников. Для определения перспектив электронной торговли построена модель с аддитивной компонентой. Проведена десеонализация данных, рассчитаны несколько вариантов тренда и подобран наиболее подходящий, который лучшим образом аппроксимирует данные о продажах. Анализ показал рост электронной коммерции в период пандемии в Китае, но не такой высокий как ожидался. Отмечается, что и до пандемии электронная коммерция росла довольно быстрыми темпами, а пандемия лишь немного ускорила ее рост. В период пандемии на новые формы продаж вынуждены были перейти и те компании, которые раньше не использовали интернет. Также эпидемия побудила людей попробовать множество новых продуктов и услуг, а затем и развить новые потребительские привычки, что в долгосрочной перспективе продолжит рост электронной торговли.

Ключевые слова: электронная коммерция, розничная торговля, COVID-19, ограничения пандемии, Китай

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

История статьи: поступила в редакцию 18 июня 2021 г.; проверена 1 июля 2021 г.; принята к публикации 15 августа 2021 г.

Для цитирования: *Revinova S.Yu., Ivashchenko E.A. E-commerce in China amid COVID-19 pandemic restrictions // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29. № 4. С. 699–715. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-699-715>*

Introduction

Over the past few years, e-commerce has become an integral part of the global retail system. E-commerce is based on e-commerce in physical goods and services. As Internet access and distribution grows rapidly worldwide, the number of online shoppers continues to grow every year. In 2020, more than two billion people purchased goods or services online, and during the same year, Internet retail sales

worldwide exceeded \$ 4.2 trillion.¹ E-commerce statistics state that 40% of internet users worldwide purchase products or goods online using desktop computers, mobile devices, tablets, or other networked devices. It is over 1 billion online shoppers that are projected to grow steadily.

The top five leaders in retail e-commerce (B2C) in 2019 are as follows (Table 1): China is in first place with almost three times the B2C e-commerce than in the UK, Japan and Germany combined. The United States is in second place, lagging China by \$ 130 billion.

Table 1

Rating of countries by the volume of B2C retail e-commerce in 2019, \$ billion

Place	Countries	B2C e-commerce volume
1	China	738
2	USA	542
3	Japan	89
4	United Kingdom	79
5	Germany	74

Source: compiled by the authors based on the National Bureau of Statistics of China. Retrieved February 15, 2021, from <https://data.stats.gov.cn/>

E-commerce has great potential, which, however, can be better realized by solving existing problems. There are issues such as regulatory gaps, security issues, and cybercrime, consumer distrust, etc. The COVID-19 pandemic has given a new impetus to the growth of e-commerce, especially in trade, education, medicine, etc. During a pandemic, all non-contact areas of human activity received development due to their specificity, which was the best fit for existence under conditions of epidemiological restrictions. The global epidemic is still spreading, and its impact is still ongoing, but some conclusions can already be drawn.

Research objective and methodology

The purpose of this study is to determine what role e-commerce has played in the context of pandemic restrictions in China and its prospects, to analyze how the attitude of the population towards e-commerce has changed and what structural changes have occurred. The study was based on statistics from the National Bureau of Statistics of China and other open sources. The authors used methods of comparison, statistical and logical analysis. We built a model with an additive component. The data was deseasonalized, several trend variants were calculated, and the most suitable trend was selected that best approximates the sales data. In formulating conclusions, a generalization method is used.

Theoretical background

The growth of e-commerce is observed in all countries without exception, but it is growing especially rapidly in developing countries. The COVID-19 pandemic is having a significant impact on the development of e-commerce. Nowhere

¹ Statista. (2021). *E-commerce worldwide*. Retrieved September 15, 2021, from <https://www.statista.com/topics/871/online-shopping/>

else has there been unprecedented and unexpected growth like in the e-commerce sector that thrives on the COVID-19 crisis.² International trade trends forecast promising growth in global e-commerce sales (Dumanska et al., 2021). Consumers have begun to favor e-commerce, the fastest and most practical way to meet their needs amid the epidemic. E-commerce is a method that eliminates physical interactions other than receiving a shipment. It's important both for health but also for practicality, saving time and energy (Güven, 2020).

The epidemic has prompted people to try many new products and services and develop new consumption habits and concepts. It led to the creation of new consumer groups and new product requirements. Thus, it looks like a manifestation of people's willingness to pay for functionality and comfort in everyday and family life (Mazaheri, 2020). Buying behaviors are highly responsive to the epidemic extension (Yuan et al., 2021). Customers can buy the items they need to support this situation while they rethink and delay buying the items they need (Agus et al., 2021).

The popularity of e-commerce has increased by 17% since the outbreak of the COVID-19 pandemic and is expected to grow further. Sectors such as electronics, fashion and accessories, healthcare, pharmaceuticals, and fast-moving consumer goods performed exceptionally well with average sales growth of 133% (Sharma, 2020). E-commerce in food and agricultural products is experiencing significant growth. The additional confirmed case of COVID-19 increased sales by 5.7% and the number of customers by 4.9%. Demand for grains, fresh fruits and vegetables, and frozen foods increased the most, benefiting small farms. The variety of products sold on the e-commerce platform has also increased during the pandemic, suggesting that the concentration of sales on niche products may increase as more consumers are attracted to online platforms (Chang, Meyerhoefer, 2021).

Trends established during this crisis could remain stable in the future, with severe repercussions for brick-and-mortar stores due to the rapid growth of e-commerce. The COVID-19 pandemic presents excellent opportunities to increase the availability of e-retailing. Still, a lack of professionalism could prevent traditional local retailers from retaining market share in the expanded online marketplace. It could be the final blow for local convenience stores if, as predicted, the percentage of online shopping in total retail spending remains high after the pandemic (Beckers et al., 2021).

Soon, consumers who are accustomed to the e-services, will inevitably have higher and higher requirements for it. E-commerce companies are encouraged to maintain and even improve the system's quality and the information's quality, as less attractive, less relevant and challenging to understand information leads to low-quality details, which in turn can reduce the level of use and customer satisfaction (Dirgantari et al., 2020; Bhatti et al., 2020). Businesses can stimulate buying behavior by conducting a clever marketing campaign and ensuring the transparency of their activities on the Internet (Koch et al., 2020). Companies need to be able to provide and create a positive experience for their customers (Palomino

² UNCTAD. (2021). *How COVID-19 triggered the digital and e-commerce turning point*. Retrieved September 15, 2021, from <https://unctad.org/news/how-covid-19-triggered-digital-and-e-commerce-turning-point>

et al., 2020; Parlakkiliç et al., 2020). While some shoppers may return to their old habits after the pandemic, many who have found value and satisfaction in their online experiences will continue to use e-commerce. During the pandemic, services and goods provided by places of business on the Internet served a very large number of customers. Only 1% are dissatisfied (Veeragandham et al., 2020). In the long term, this will be a tipping point for digital changes in the ecosystem (Veeragandham et al., 2020).

Over the past years, China has been the leader in e-commerce turnover globally (Revinova, 2019). In addition, China was the first to face the COVID-19 epidemic. The peak of the outbreak in China fell in February 2020. Since the end of March, the economy has been actively recovering. According to preliminary calculations, the gross domestic product in the first half of 2020 was 45.661 billion yuan, down 1.6% compared to the same period in 2019 at comparable prices. But if you look at the dynamics quarterly, then instead of the fall in the first quarter by 6.8% compared to the same period last year, GDP has already begun to show an increase of 3.2% in the second quarter. By the beginning of the second quarter, in April 2021, the total retail sales of consumer goods amounted to 3.535.3 billion yuan, an increase of 17.7% over the same period in 2020 and increased by an average of 4.3% for the last two years.³

In the offline economy, primary consumption of food and necessities recovered, and then unnecessary consumption began to recover. The growth rate of real estate sales in the third quarter reached 20%, the growth rate of car sales also approached 10%. The recovery of the real estate and automobile markets stimulated the average demand for fuel extraction, and the industrial economic recovery accelerated in the fourth quarter.⁴

Experts said offline consumption was blocked in 2020 due to the impact of the new coronary pneumonia epidemic. But, at the same time, online consumption has reversed the trend, effectively promoting consumption replenishment, unlocking market potential, and opening up new ideas for economic recovery and development. China's market-led e-commerce platforms played a role, although the entire logistics system was vulnerable to the epidemic. In the hardest hit areas, especially in gated and isolated communities, the local e-commerce model has been the mainstream model (Guo et al., 2020). In the future, it is necessary to seize the opportunity to develop new online consumption, continue to promote the vigorous development of online consumption and achieve deep integration between online and offline.

Wang Jinbin, executive deputy secretary of the economics faculty at the People's University of China and a researcher at the National Institute of Development and Strategy, says the buying habits developed by consumers during the epidemic will continue to boost the consumer market and stabilize consumption. At the same time, it can also encourage offline companies to remain viable.⁵

³ Li, M. (2021). *The country's economy continued to recover steadily in April*. Retrieved December 5, 2020, from http://www.gov.cn/xinwen/2021-05/17/content_5607410.htm

⁴ Epidemic Prevention Plan by Central People's Government of the People's Republic of China. Retrieved September 10, 2021, from http://www.gov.cn/xinwen/2020-07/16/content_5527279.htm

⁵ Economic Daily. Retrieved December 5, 2020, from http://www.gov.cn/xinwen/2020-07/22/content_5528864.htm

The purchasing habits developed by consumers during the epidemic will continue and will continue to boost the consumer market and stabilize consumption. The Chinese authorities say that in the future, their goals are to use to develop new online consumption, leveraging the vigorous development of online consumption, and achieve deep integration between online and offline sales.

Results and discussion

China e-commerce statistics during the pandemic

In recent years, China has been the fastest growing e-commerce market and the undisputed leader in the retail sector. However, the severe restrictions imposed in connection with the declared pandemic have seriously impacted the volume of all China's trade. In the first half of 2020, just in the most severe restrictions on mobility, retail sales of consumer goods in e-commerce declined, but not much compared to traditional trade (Table 2). And in the next six months of 2020, growth relative to previous periods is already at a high pace, and in all types of trade.

The fluctuations in the total volume of all retail sales of physical goods during the pandemic coincide with the changes in e-commerce (Figure 1); with an increase in the share of retail trade through the Internet, the total volume of all retail also increased.

Table 2

Total retail sales of consumer goods, billion yuan

Period	Via the Internet	In the traditional way	Total growth
1st half of the year 2019	3816.49	15704.48	19520.97
2d half of the year 2019	4707.46	16936.47	21643.93
1st half of the year 2020	4348.07	12877.55	17225.62
2d half of the year 2020	5410.96	16561.48	21972.44

Source: compiled by the authors based on the National Bureau of Statistics of China. Retrieved February 15, 2021, from <https://data.stats.gov.cn/>

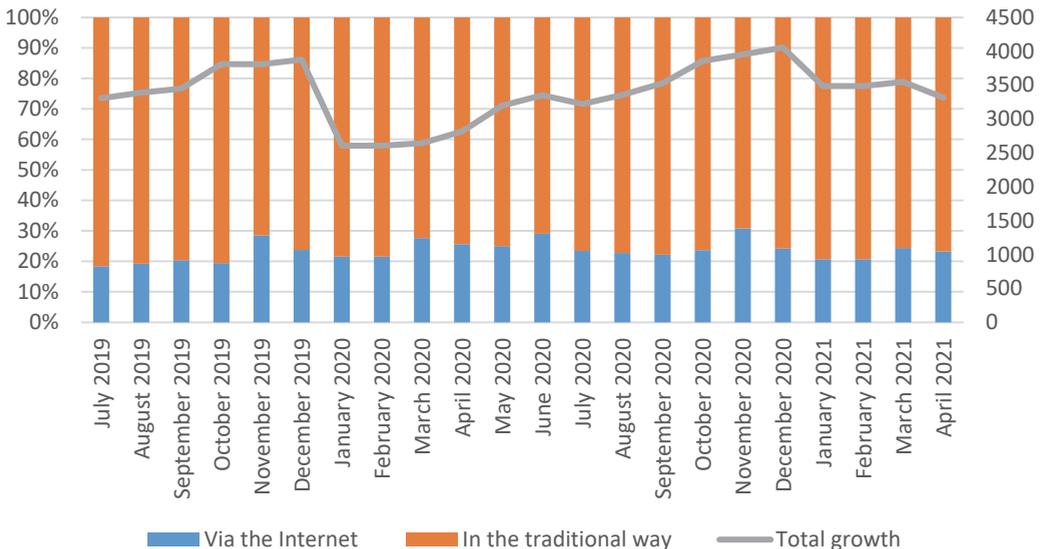

Figure 1. Dynamics of the total retail sales of consumer goods by months

Source: compiled by the authors based on the National Bureau of Statistics of China. Retrieved February 15, 2021, from <https://data.stats.gov.cn/>

At the same time, the share of e-commerce in retail sales of consumer goods has grown by several percentage points in such a short time. As we can see, in April 2021, it is about 25%. By this time, most of the restrictions in China had already been lifted and, but the growth in the share of electronic commerce continued.

In general, electronic, and traditional trade in consumer goods move approximately along the same trajectory, repeating the main large-scale fluctuations of each other (Figure 2). It means that their ups and downs are primarily in line with the general economic environment. But, if we take a closer look at the prominent peaks in the retail sales of consumer goods over the Internet, we will notice that they always coincide with the decreases in the purchase activity in the traditional way (for example, November 2019, March, June, November 2020). That is, there is a kind of substitution of one for the other. At the same time, it is important to note that during this entire transition period we are considering, there was ultimately no large decline in sales volumes in the traditional form, although there were undoubtedly ups and downs. Over the entire period, the volume of e-commerce in consumer goods increased, but not too much, from 606.84 billion yuan in July 2019 to 770.62 billion yuan in April 2021. Although it is not so small in percentage terms, it grew by 27% over these months, while in the traditional component there was a slight decline. In addition, of course, let's say that in the traditional trade in physical goods, there was a protracted and deep recession in the first months of 2020, the reason for which lies on the surface.

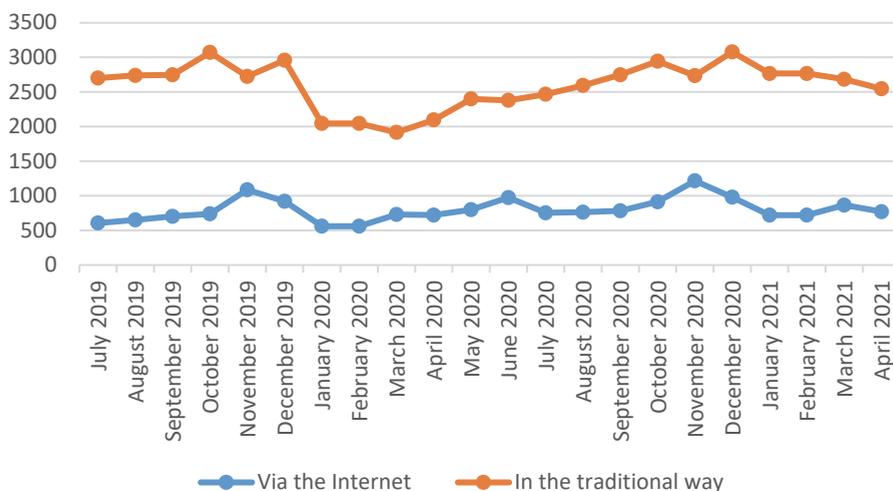

Figure 2. Dynamics of total retail sales of consumer goods in billion yuan

Source: compiled by the authors based on the National Bureau of Statistics of China. Retrieved February 15, 2021, from <https://data.stats.gov.cn/>

At the beginning of 2020, with the onset of the epidemic, there was a drop in retail e-commerce, but then it rapidly increased in volume (Figure 3).

By the end of 2020, the share of online commerce in China was 24.9 (Figure 4). At the same time, it should be noted that the annual growth was observed over the past years, but in 2020 it reached 4.3% (Figure 5).

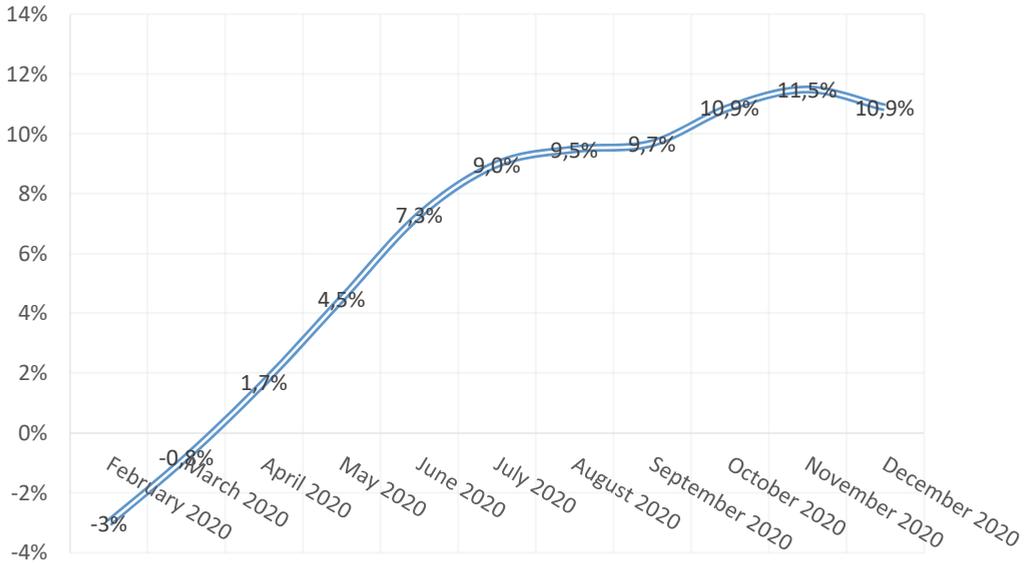

Figure 3. Growth in retail e-commerce as a percentage of data at the beginning of the year

Source: compiled by the authors based on the National Bureau of Statistics of China. Retrieved February 15, 2021, from <https://data.stats.gov.cn/>

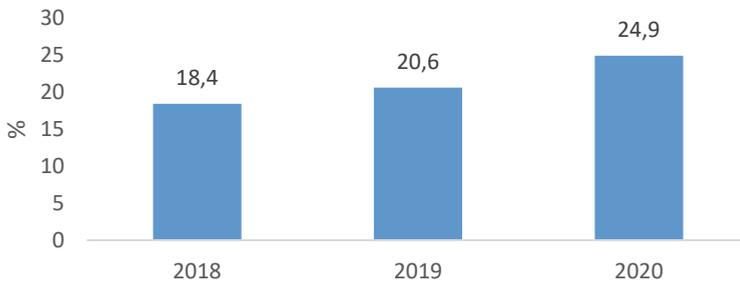

Figure 4. Share of online trade in total retail trade

Source: compiled by the authors based on the National Bureau of Statistics of China. Retrieved February 15, 2021, from <https://data.stats.gov.cn/>

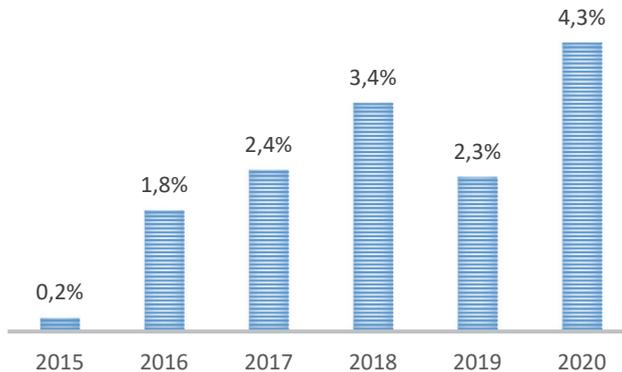

Figure 5. Growth in the share of e-commerce in the total retail trade in China

Source: compiled by the authors based on the National Bureau of Statistics of China and Statista. Retrieved February 26, 2021, from <https://data.stats.gov.cn/>; <https://www.statista.com/>

Throughout 2020, we have not seen any negative growth. On the contrary, in absolute terms, China's e-commerce retail sector showed the highest growth rates in June and the last quarter of 2020 (Table 3). Moreover, in the second half of the year, when already lifted most of the restrictions, the volume of retail e-commerce did not decline but began to increase at a faster pace. This pattern can, perhaps, be explained by the improvement in the economic situation in the country because everything in China at that time had already returned to its usual course. Thus, fears about the future, the presence or absence of a job, a lost permanent income are in the past.

Table 3

Dynamics of online retail trade volumes in 2020 by months

Period	Accumulated amount, trillion yuan	Monthly growth, trillion yuan
February 2020	1.37	0.68
March 2020	2.22	0.85
April 2020	3.07	0.85
May 2020	4.02	0.95
June 2020	5.15	1.13
July 2020	6.08	0.93
August 2020	7.03	0.95
September 2020	8.01	0.97
October 2020	9.22	1.21
November 2020	10.54	1.32
December 2020	11.76	1.22

Source: compiled by the authors based on the National Bureau of Statistics of China. Retrieved February 15, 2021, from <https://data.stats.gov.cn/>

In the last quarter of 2020, this growth is associated with the boom in online purchases of the “Double Eleventh” and “Double Twelfth” numbers (11.11 and 12.12). In China, sales are taking place on all online platforms on these dates to stimulate the vitality of the consumer market. As a result, in the fourth quarter, the volume of e-commerce transactions in personal goods was 3.1 trillion yuan, an increase of 14.3%. The six largest online shopping platforms at Double Eleven have broken sales records. New retail, realized by integrating commercial resources such as supermarkets and shops in nearby communities into the Internet, has maintained strong momentum and the top ten new retail platforms in terms of transaction scale. Geographically, e-commerce transactions grew at a rapid pace across all regions of China in the fourth quarter.

Even though the pandemic is not over yet and lockdowns are periodically announced in certain areas, we can already say that e-commerce can become the engine of economic recovery in the short term. E-commerce is one of the core points of the digital economy, which is a driver of economic growth nowadays (Balashova et al., 2018). Also, the data obtained allows us to determine some trends in the development of e-commerce and consumer behavior.

The main trends in e-commerce in China, formed during the pandemic

In 2020, the volume of e-commerce transactions for commodities in China totaled 1.15 trillion yuan, an increase of 10.9%. Most of these products are sold and bought by manufacturing companies, which also had to gradually develop

online supplies so that the organizations could continue to function. The volume of transactions in shares was 20.60 billion yuan, an increase of 29.6%. This phenomenon is directly related to the fact that having started the use of transactions with means of payment over the network, the population has become more literate in various banking and investment services, which has increased confidence in the sale and purchase of securities via the Internet (Reshetnikova, 2020). The volume of art deals amounted to 8.229 billion yuan, showing a 49.2% decline from 2019, indicating a reorientation of consumption. Art and luxury are becoming more inaccessible due to the economic hardships that COVID-19 has brought with it in one way or another. In addition, this is just one of those types of goods, the demand for which can be postponed until the restrictions are lifted so that people can choose such expensive things through direct contact with the seller and the work of art itself.

The growth of e-commerce is observed in the private sector and B2B (Business-to-Business). When manufacturing activities resumed growth, Internet supplies continued, including supplies from the production and production of raw materials. In the fourth quarter, the volume of e-commerce transactions per product unit was 5.39 trillion yuan, up 9.2% over the same period last year. As for the procurement of raw materials, the volumes of transactions with construction materials, oil and gas, coal, and agricultural products multiplied: 24.3, 14.5, 38.7, and 232.5% respectively.⁶ The increase in the number of transactions with goods against the background of the growth of industrial production and construction in the China actively supported and stimulated by government.

Due to the increase in demand for them around the world during the pandemic, medical goods and electronics were actively exported. The volume of transactions in the supply chain for cars and televisions increased by 16.9 and 36.3% respectively. Sales of medical products multiplied, with a growth rate of 54.8%. The growth rates of petroleum products and cement sales amounted to 64.5 and 27.5%, respectively, which is still associated with the inflow of investments in the industrial and construction industries. Finally, the number of transactions for the purchase of alcoholic beverages grew at the highest rates – 223.5%. It does not mean that alcohol has become more often consumed by the Chinese population. On the contrary, in absolute terms, its sales declined. According to the global trend, there was an increase in online transactions and a shift in network demand.

The phenomenal growth in online sales in the agricultural sector is worth mentioning separately. There are many different programs to combat poverty in families, in villages, and even in entire districts in China. Often, the population in these areas is engaged in agriculture. COVID-19 has forced agricultural producers to take the first steps of e-commerce, and the Chinese authorities have decided to make the most of digital platforms for another advance in solving poverty. The likes of the giants Alibaba, Pinduoduo introduced gift, discount coupons for agricultural products when buying online. During the big harvest festival that lasted all September, many new brands of agricultural products were created on e-commerce platforms. In this way, the state seeks to raise the popularity and value of the Chinese rural brand.

⁶ China e-commerce transaction volume in 2020. Retrieved February 15, 2021, from <http://www.zgxxb.com.cn/xwzx/202102030007.shtml>

The coronavirus pandemic has affected the service sector as well. In 2020, the volume of e-commerce services transactions amounted to 8.08 trillion yuan, down 6.5% from the previous year. In the first quarter, at the beginning of the pandemic, a drop of 20.0% was recorded, in the second – by 11.8%, in the third quarter there was again a decrease by 5.4%, and in the fourth quarter – already an increase of 6.6%. In the fourth quarter, e-commerce service transaction volume was 2.60 trillion yuan. Personal transactions accounted for 1.38 trillion yuan, an increase of 8.0%, and organizational unit transactions, 1.22 trillion yuan, an increase of 5.0%.

Travel services were the worst affected by the pandemic. The recovery of long-distance travel using railways and civil aviation has been slow, while short-distance journey, such as road transport, has been faster. A similar phenomenon is easy to explain: China's borders with other countries are closed, and now, between the provinces after entering from the pandemic, communication and movement also resumed gradually, so road transport, focused on short distances, recovered, respectively, faster. As a result, the number of travel internet platforms has decreased. Railroad e-commerce transactions were down 25.8% year-over-year in the fourth quarter, but the decline was down 7.1 percentage points from the third quarter. Transaction volume across the top five e-commerce travel platforms fell 29.6%, but the rate of decrease slowed by 19%. The number of orders for transport services online amounted to 2.818 billion, an increase of 8.3%, since domestically, between regions by this time and travel opportunities have already recovered. The volume of transactions on the civil aviation ticketing platform declined by 55.7% due to the fall in ticket prices, precisely because airlines account for the significant share of cross-border passenger and cargo transportation flights.

In the fourth quarter, the transaction volume of 310 consumer services sites surveyed across the country increased 55.5% year-on-year, up 11.5% from the third quarter. Influenced by the epidemic, online transactions continued to grow for services such as gas, water, and electricity bills, home reservations, and food delivery, which are closely linked to the daily life of the population. The transaction volume of the four leading e-commerce platforms for accommodation and catering increased 13.0% year-on-year, up 8.5% quarter-on-quarter.⁷ Initially, this growth was caused by the limited mobility of the population, but during the pandemic, such services became familiar and gained popularity among the people. It became clear that in subsequent periods they could continue to simplify everyday processes. The increase in volumes compared to the 3rd quarter indicates the preservation of the emerging trend, the continuation of mastering the possibilities of making service payments via the Internet.

In the context of the COVID-19 pandemic, universities, colleges and schools around the world have been forced to study remotely to reduce the spread of the rapidly transmitting virus. Many new online platforms have emerged (Revinova, Lazanyuk, 2020). In China in the fourth quarter of 2020, the transaction volume of online learning platforms increased by 153.5% compared to the same period last year. Sixteen e-education platforms were recorded with an average

⁷ China e-commerce transaction volume in 2020. Retrieved February 15, 2021, from <http://www.zgxxb.com.cn/xwzx/202102030007.shtml>

monthly transaction volume of more than 100 million yuan, a 2-fold increase compared to the period before COVID-19. Online medical platform transaction volume increased by 87.6%; the number of online medical consultations reached 92.72 million, an increase of 16.7%; the number of online recipes was 4.036 million, an increase of 268.5%.⁸ Of course, in the period before the pandemic in China, as in many other countries, the population rarely received education or medical services online, especially since both of these services have several traditional features important for the Chinese. For example, all traditional Chinese medicine. Previously, it was impossible to imagine her without personal contact with the patient. But COVID-19 here, too, has made its adjustments and gave impetus. However, we see the data for the 4th quarter, showing us, of course, not as high indicators as during the period of active pandemic restrictions but did not come to naught after their abolition. The epidemic, one might say, practically gave birth to these industries as such, since before it, they were poorly represented and were not in such demand. Many new formats of doing business and trade have appeared (Nanda et al., 2021). The streaming sales sector, that is, live sales, somewhat reminiscent of the pre-existing shops on the couch, has skyrocketed. In February 2020, Taobao added over 1 million sellers, and the number of new sellers offering their products live on Taobao increased by 719% monthly. For example, in the book industry, retail growth through such activities as digital reading was about 938%.⁹ Even very financially demanding goods, such as houses and cars, got the opportunity to market in this way. In addition, live broadcasting provides more opportunities for brand communication with the audience, attracting its attention.

The rapid growth of online sales contributed to the repeated renewal of retail schemes and forms and the structure of consumption. One of the main components of the realities of online trading is the instant delivery of food and groceries. In the short term, in the first half of 2020, there was a boom in the pharmaceutical industry, masks became the sales leader. In addition, the focus of consumption has shifted towards home comfort and personal care, which is more than logical. Food consumption, clothing, and consumer goods increased by 30.6, 5.8, and 16.2%. As we can see, online retail sales have increased due to the transition to online shopping for food and general consumer goods.¹⁰

Prospects for e-commerce after the restrictions are lifted

For e-commerce companies, the critical question is what to expect in the near future, will the new consumer habits remain the same after the restrictions are lifted, when the two key factors “people can't go out” and “people have to cook at home” will disappear?

According to the results of a survey by the Central People's Government of China, 80% of people believed that they would not have to restore and reimburse

⁸ China e-commerce transaction volume in 2020. Retrieved February 15, 2021, from <http://www.zgxxb.com.cn/xwzx/202102030007.shtm>

⁹ China Electronic Commerce Report 2019. Retrieved November 28, 2020, from <http://www.199it.com/archives/1076562.html>

¹⁰ State Bureau of Statistics of China Report. Retrieved March 21, 2021, from http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202101/t20210118_1812428.html

the consumption of some goods. It means there is a high probability that there will not be a sharp increase in compensatory consumption after the epidemic. In the second quarter, when many restrictions were lifted in the PRC, the average use time of applications decreased by only 2.5% compared to the period when the entire population existed in a remote format. At the same time, this value was still 9% higher than before the Chinese New Year. In other words, with the introduction of full-time office workers, online life has remained much more active. The next step for companies that have successfully attracted new platforms during the epidemic is to achieve long-term retention in a highly competitive environment. As consumers move from forced to consistent and active choices, they become more finicky. Standing out in the struggle for their preference is not easy. However, it is an efficient competition that tests the entire online service chain, nearby production chains, and chain stores.

According to forecasts of some experts, the purchasing habits developed by consumers during the epidemic will continue and give impetus to the consumer market and grow production – for example, online delivery of goods. Thanks to providing the customer with the right product immediately when the need arises, the information asymmetry between supply and demand is reduced, and the true consumption potential is revealed. At the same time, it will help offline companies remain viable. After all, some manufacturers also optimize production based on consumption data provided by the current e-commerce platform, create individualized and specialized products, new business models, and form an influential circle of mutual promotion of supply and demand.¹¹ Shopping centers, on the other hand, are experiencing a churn of shoppers. In the short term, businesses are trying more and more online to ensure sustainability. In March 2020, even IKEA, which focuses on offline immersive experiences, also opened a flagship store on Tmall, offering around 3,800 items. But one way or another, it is difficult to recover the lost sales.

So far, at this point, it cannot be said that there has been some phenomenal growth in e-commerce in 2020, especially in the context of, so, relatively high growth rates of e-commerce in China in recent years. But, on the other hand, the fact that after the restrictions were lifted, the volume of purchases on the Internet continued to grow, and even faster than during the pandemic, speaks of the sustainability of this trend.

Based on the quarterly statistics on retail sales of consumer goods over the Internet provided by the National Bureau of Statistics of China, we built a model and made a forecast for the development of e-commerce in China. The retail sales volume of consumer goods via the Internet in China has a pronounced seasonality (annual surges in activity in the last quarter, for example). Therefore, to build a forecast, we cleared the data from the influence of seasonal fluctuations (Figure 6).

We make a forecast based on an additive model like $F = T + S + E$, where F is the predicted value, T is the trend value, S is the seasonal component, E is the random component or forecast error. The model makes it possible to forecast

¹¹ Central People's Government of the People's Republic of China. (2020). *Offline and online consumption during a pandemic in the first quarter*. Retrieved November 26, 2020, from http://www.gov.cn/xinwen/2020-07/22/content_5528864.htm

data that have a cyclical or seasonal nature. We calculate the seasonal component and go through the data deseasonalization procedure. The most appropriate function that best describes the trajectory of the sales data is linear, with a determination coefficient of 49.5%. The linear function has the following data:

$$y = 89.19x + 1590.7.$$

$$R^2 = 0.4949.$$

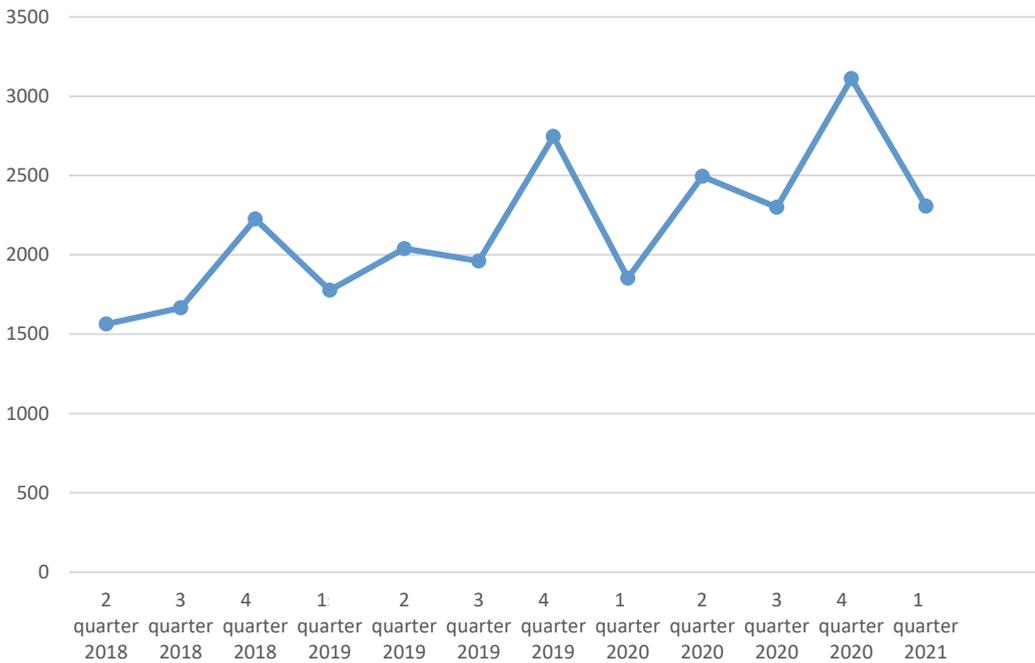

Figure 6. Dynamics of the actual volume of retail electronic trade in physical goods

Source: compiled by the authors based on the National Bureau of Statistics of China. Retrieved February 15, 2021, from <https://data.stats.gov.cn/>

To assess the accuracy of the forecast, we will calculate the standard errors (Table 4).

To assess the forecast accuracy, we calculated the following indicators. The obtained value of the mean absolute deviation (MAD) indicates that, on average, the forecast may deviate by 76.99 billion yuan up or down. At the same time, judging by the average relative approximation error (MAPE), equal to 3.92%, the additive model has a high accuracy, conventionally accepted as the boundary of the value of this indicator, is the mark of 10%. The average percentage error (MPE) has a negative value (−0.284%), which suggests that the forecast may be slightly overestimated. So, the estimated values of the forecast, retail e-commerce in physical goods in the PRC will equal in the 2nd and 3rd quarters of 2021, equal to 2792.56 billion yuan and 2656.84 billion yuan, respectively (Figure 7).

Estimation of forecast accuracy

№	<i>t</i>	Actual sales volume <i>Q</i>	Seasonal component <i>S</i>	Trend component <i>T</i>	Forecasted value <i>F</i>
1	2 quarter 2018	1563.83	42.39	1679.89	1722.28
2	3 quarter 2018	1666.11	-182.52	1769.08	1586.56
3	4 quarter 2018	2226.05	454.33	1858.27	2312.60
4	1 quarter 2019	1777.20	-314.20	1947.46	1633.26
5	2 quarter 2019	2039.29	42.39	2036.65	2079.04
6	3 quarter 2019	1961.20	-182.52	2125.84	1943.32
7	4 quarter 2019	2746.26	454.33	2215.03	2669.36
8	1 quarter 2020	1853.57	-314.20	2304.22	1990.02
9	2 quarter 2020	2494.50	42.39	2393.41	2435.80
10	3 quarter 2020	2299.62	-182.52	2482.60	2300.08
11	4 quarter 2020	3111.34	454.33	2571.79	3026.12
12	1 quarter 2021	2306.73	-314.20	2660.98	2346.78
13	2 quarter 2018	0.00	42.39	2750.17	2792.56
14	3 quarter 2018		-182.52	2839.36	2656.84

Source: calculated by the authors.

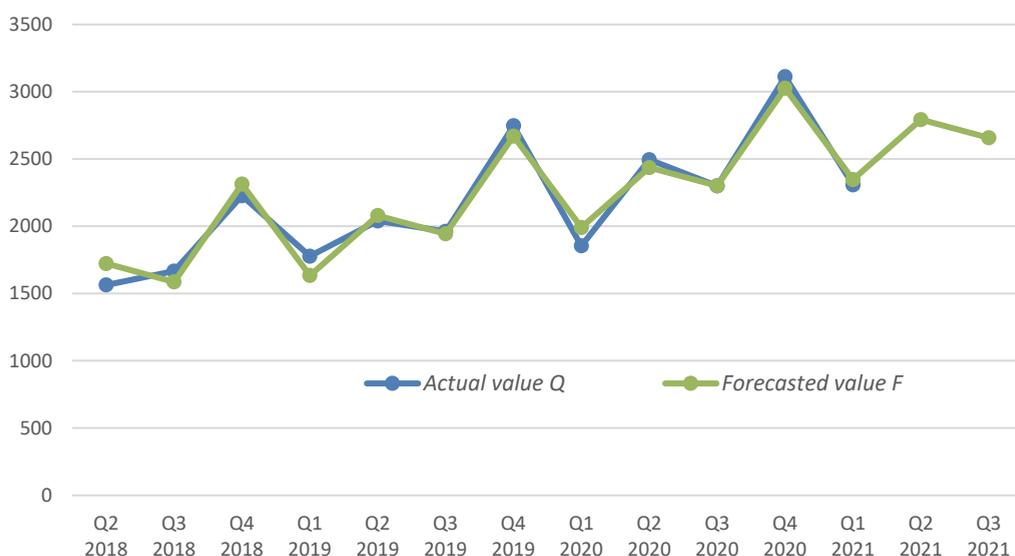

Figure 7. Linear model for forecasting the development of e-commerce in China

Suppose we hypothetically assume that this part of trade will continue to grow at the same rate, then, theoretically, in about 5 years in retail sales of goods. In that case, the electronic component will make up half of the total volume.

Conclusion

E-commerce is one of those activities for which the coronavirus epidemic gave an additional impetus to development, increased turnover and volumes, and not vice versa. While epidemiological restrictions have blocked offline consumption, online consumption has effectively fostered consumption replenishment, un-

locking market potential and opening up new ideas for economic recovery and development. After emerging from the pandemic, e-retail has maintained its increased share and upward trend, but more smoothly than during the immediate period of restrictions. The Chinese authorities aim to establish integration between online and offline trade for complete economic development. The Chinese government supports the active use of e-commerce platforms to develop problem sectors of the economy, social e-commerce, combat poverty, and raise agriculture.

We must say that in the context of pandemic restrictions, of course, the number of online buyers and sales through the Internet could not but increase. But it is also important to note that changes have taken place in quantitative terms and the qualitative component of e-commerce. Many new forms and methods of selling goods online, such as streaming sales, were organized during and after the pandemic. The focus of consumption, not only in the short term but also in the long term, has slightly shifted towards luxury goods. The epidemic has prompted people to try many new products and services and develop new consumption habits and concepts. In the long term, the epidemic's impact is much more multifaceted than just selling during the pandemic's aversion. The epidemic has accelerated the trend towards online transactions in society. The benefits of online shopping are attracting consumers while reducing the scale of sales in the real sector.

References

- Agus, A.A., Yudoko, G., Mulyono, N., & Imaniya, T. (2021). E-commerce performance, digital marketing capability and supply chain capability within e-commerce platform: Longitudinal study before and after COVID-19. *International Journal of Technology*, 12(2), 360. <https://doi.org/10.14716/ijtech.v12i2.4122>
- Balashova, S., Lazanyuk, I., & Matyushok, V. (2018). Growth scenarios for the Russian economy. In B.S. Sergi (Ed.), *Exploring the Future of Russia's Economy and Markets: Towards Sustainable Economic Development* (pp. 235–256). London, Emerald Publishing Limited. <https://doi.org/10.1108/978-1-78769-397-520181013>
- Beckers, J., Weekx, S., Beutels, P., & Verhetsel, A. (2021). COVID-19 and retail: The catalyst for e-commerce in Belgium? *Journal of Retailing and Consumer Services*, 62. <https://doi.org/10.1016/j.jretconser.2021.102645>
- Bhatti, A., Akram, H., Basit, H.M., Khan, A.U., Mahwish, S., Naqvi, R., & Bilal, M. (2020). E-commerce trends during COVID-19 Pandemic. *International Journal of Future Generation Communication and Networking*, 13(2), 1449–1452.
- Chang, H.H., & Meyerhoefer, C.D. (2021). COVID-19 and the demand for online food shopping services: Empirical evidence from Taiwan. *American Journal of Agricultural Economics*, 103(2), 448–465. <https://doi.org/10.1111/ajae.12170>
- Dirgantari, P.D., Hidayat, Y.M., Mahphoth, M.H., & Nugraheni, R. (2020). Level of use and satisfaction of e-commerce customers in COVID-19 pandemic period: An information system success model (ISSM) approach. *Indonesian Journal of Science and Technology*, 5(2). <https://doi.org/10.17509/ijost.v5i2.24617>
- Dumanska, I., Hrytsyna, L., Kharun, O., & Matviets, O. (2021). E-commerce and m-commerce as global trends of international trade caused by the COVID-19 pandemic. *WSEAS Transactions on Environment and Development*, 17, 386–397. <https://doi.org/10.37394/232015.2021.17.38>
- Guo, H., Liu, Y., Shi, X., & Chen, K. Z. (2020). The role of e-commerce in the urban food system under COVID-19: Lessons from China. *China Agricultural Economic Review*, 13(2), 436–455. <https://doi.org/10.1108/CAER-06-2020-0146>

- Güven, H. (2020). Changes in e-commerce in the COVID-19 pandemic crisis process. *Eurasian Journal of Researches in Social and Economics (EJRSE)*, 7(5), 000–000.
- Koch, J., Frommeyer, B., & Schewe, G. (2020). Online shopping motives during the COVID-19 pandemic – lessons from the crisis. *Sustainability*, 12(24). <https://doi.org/10.3390/su122410247>
- Mazaheri, E. (Ed.). (2020). *The impact of COVID-19 on e-commerce*. London, Proud Pen. <https://doi.org/10.51432/978-1-8381524-8-2>
- Nanda, A., Xu, Y., & Zhang, F. (2021). How would the COVID-19 pandemic reshape retail real estate and high streets through acceleration of E-commerce and digitalization? *Journal of Urban Management*, 10(2), 110–124. <https://doi.org/10.1016/j.jum.2021.04.001>
- Palomino Pita, A.F., Carolina, M.V., & Oblitas Cruz, J.F. (2020). E-commerce and its importance in times of COVID-19 in Northern Peru. *Revista Venezolana de Gerencia*, 25(3), 253–266. <https://doi.org/10.37960/rvg.v25i3.33367>
- Parlakkılıç, A., Üzmez, M., & Mertoğlu, S. (2020). How does COVID-19 pandemic effect online shopping in e-commerce? *Journal of Business in The Digital Age*, 3(2), 117–122. <https://doi.org/10.46238/jobda.823955>
- Reshetnikova, M. (2020). Venture capital market in China: A new approach to innovation management. *Utopía y Praxis Latinoamericana: Revista Internacional de Filosofía Iberoamericana y Teoría Social*, (5), 252–264.
- Revinova, S. (2019). E-commerce in BRICS: Similarities and differences. *International Journal of Economic Policy in Emerging Economies*, 12(4), 377–390. <https://doi.org/10.1504/IJEPEE.2019.104632>
- Revinova, S., & Lazanyuk, I. (2021). E-learning trends and benefits: Russian realities. *INTED2021 Proceedings* (pp. 1295–1304). <https://doi.org/10.21125/inted.2021.0302>
- Sharma, K. (2020). A surge in e-commerce market in India after COVID-19 pandemic. *A Global Journal of Social Sciences*, 3(December), 54–57.
- Veeragandham, M., Patnaik, N., Tiruvaipati, R., & Guruprasad, M. (2020). Consumer buying behaviour towards e-commerce during COVID-19. *International Journal of Research in Engineering, Science and Management*, 3(9), 78–82. <https://doi.org/10.47607/ijresm.2020.292>
- Yuan, Y., Guan, M., Zhou, Z., Kim, S., Cha, M., Jin, D., & Li, Y. (2021). Disruption in Chinese e-commerce during COVID-19. *Frontiers in Computer Science*, 3, 19. <https://doi.org/10.3389/fcomp.2021.668711>

Сведения об авторах / Bio notes

Ревина Светлана Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономико-математических отношений, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0000-0002-2442-2393. E-mail: revinova-syu@rudn.ru

Svetlana Yu. Revinova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic and Mathematical Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). ORCID: 0000-0002-2442-2393. E-mail: revinova-syu@rudn.ru

Иващенко Екатерина Александровна, бакалавр экономики, кафедра экономико-математических отношений, Российский университет дружбы народов. E-mail: 1032182826@rudn.ru

Ekaterina A. Ivashchenko, Bachelor of Economics, Department of Economic and Mathematical Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: 1032182826@rudn.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
INTERNATIONAL TRADE
IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-4-716-738

УДК 339.5

Научная статья / Research article

**Внешняя торговля Грузии:
роль экспорта туристических услуг**

Г. Шиолашвили¹, Н.В. Дюжева² ¹Университет Святого Андрея Первозванного Патриархата Грузии,
Грузия, 0179, Тбилиси, пр-кт Ильи Чавчавадзе, д. 53А²Российский университет дружбы народов,
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 dioujeva@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются динамика, структура и характер внешней торговли услугами Грузии за последние четверть века, анализируются особенности экспорта туристических услуг страны, его количественные и качественные показатели, а также значение туристической отрасли и экспорта туристических услуг для экономики Грузии. Делается вывод о том, что именно экспорт туристических услуг сглаживает отрицательное сальдо внешнеторгового баланса Грузии и дает ей валютные поступления от внешней торговли. В экспорте туристических услуг доказана практически полная зависимость Грузии от стран постсоветского пространства, в частности Российской Федерации. Проанализирована действующая среднесрочная туристическая стратегия Грузии, предложены рекомендации по развитию туристической отрасли страны и наращиванию экспорта туристических услуг (например, формирование стилистической и событийной специализации регионов, развитие инфраструктуры дешевого автомобильного туризма).

Ключевые слова: Грузия, внешняя торговля, услуги, путешествия, посещения, туризм, экспорт, импорт, интеграция, СНГ, ЕАЭС, ГУАМ, ЕС, стратегия, развитие

История статьи: поступила в редакцию 28 апреля 2021 г.; проверена 25 мая 2021 г.; принята к публикации 20 августа 2021 г.

Для цитирования: Шиолашвили Г., Дюжева Н.В. Внешняя торговля Грузии: роль экспорта туристических услуг // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29. № 4. С. 716–738. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-716-738>

Foreign trade in services of Georgia: the role of tourism export

Giorgi Shiolashvili¹, Nataliya V. Dyuzheva²

¹*Saint Andrew the First-Called Georgian University of the Patriarchate of Georgia,
53A Il'i Chavchavadze Prospekt, Tbilisi, 0179, Georgia*

²*People's Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

 dioujeva@yandex.ru

Abstract. The dynamics, structure and characteristics of Georgia's foreign trade in services over the past quarter of a century are examined. The features of the Georgia's tourism services export, its quantitative and qualitative indicators, as well as the importance of the tourism industry and the export of tourism services for the country's economy are analyzed. It is concluded that, in fact, only the export of tourism services smooths out the deficit of foreign trade balance of Georgia, and gives to the country the currency earnings from its foreign trade. In the export of tourism services, Georgia is almost completely dependent on the countries of the post-Soviet area, in particular, on the Russian Federation. The current medium-term tourism strategy of Georgia is considered, and the additional recommendations are proposed. In particular, for the development of the country's tourism industry and for the increasing the export of tourism services, it is recommended to create the stylistic image and event specialization of the regions, and to develop the infrastructure for cheap automobile tourism.

Keywords: Georgia, foreign trade, services, travel, visits, tourism, import, export, integration, CIS, EAEU, GUAM, EU, strategy, development

Article history: received April 28, 2021; revised May 25, 2021; accepted August 20, 2021.

For citation: Shiolashvili, G., & Dyuzheva, N.V. (2021). Foreign trade in services of Georgia: The role of tourism export. *RUDN Journal of Economics*, 29(4), 716–738. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-716-738>

Введение

Внешняя торговля является основной формой международных экономических отношений практически всех стран мира, а экспорт рассматривается как важнейший источник поступления валютных доходов. В международной торговле все больше возрастает роль торговли услугами, которая уже составляет 1/3 часть от стоимостного объема торговли товарами, а темпы ее роста в 1,5 раза превышают темпы роста торговли товарами. Даже эти показатели в силу несовершенства статистического учета считаются недооцененными минимум на 40 %, а потенциал развития мировой торговли услугами очень высок.

Наибольшее значение внешняя торговля услугами имеет для развитых стран мира, на них приходится более 70 % мирового экспорта услуг, практически все развитые страны имеют положительное сальдо торгового баланса по услугам. Для ряда малых открытых экономик, в том числе Грузии, внешняя торговля услугами также является критически важной составляющей социально-экономического развития. Такие показатели открытости (и зависимости) Грузии во внешней торговле, как внешнеторговая квота, экспорт-

ная квота, импортная квота, составляют 119, 53, 66 %; по торговле товарами – 75, 24, 51 %; по торговле услугами – 44, 29, 15 %, соответственно (2019 г.). При этом, если во внешней торговле товарами с середины 1990-х гг. у Грузии хронически отрицательное торговое сальдо, то в торговле услугами – всегда положительное, и растущее. Основу экспорта услуг (71 %) и основной вклад в рост положительного сальдо баланса в торговле услугами дают путешествия, или туристические услуги. Все это делает актуальной задачу более пристального исследования внешней торговли услугами Грузии и роли в ней сектора туризма.

Обзор литературы

За несколько десятилетий постсоветского существования Грузии накоплен достаточный объем научной литературы по анализу социально-экономического развития страны (Андропова, Катамадзе, 2018), особенностей внешней торговли страны и ее участия в интеграционных объединениях (Шиолашвили, 2020; Dyuzheva, Shiolashvili, 2021), развития туристического сектора и его значения для экономики Грузии (Деточенко, 2019) и ее регионов (Шарабидзе, 2019), государственной политики по развитию туризма (Шарабидзе, 2018; Стус, 2020), иностранных инвестиций в индустрию туризма (Кривицкий, 2013). Массив информации содержат также статистические базы данных и аналитические публикации Национальной туристической администрации Грузии, Национального статистического офиса Грузии, Всемирной туристической организации, ЮНКТАД, ООН, национальные нормативно-правовые акты, стратегии и программы развития сферы туризма в Грузии. Между тем из открытых официальных источников практически невозможно получить данные о распределении экспорта и импорт услуг Грузии в разрезе по странам – торговым партнерам и, одновременно, видам услуг, а в научных публикациях анализ внешней торговли услугами Грузии встречается крайне редко. В силу доступности информации единственной реализуемой задачей в исследовании внешней торговли услугами Грузии является его детализация по статье путешествия.

Методы и подходы

Для анализа внешней торговли услугами Грузии используется классификация услуг по платежному балансу страны в соответствии с шестым изданием Руководства МВФ по платежному балансу. Статистические данные собирались и обрабатывались на всех уровнях детализации видов услуг (до четырех цифр классификационного кода).

Для анализа внешней торговли услугами по статье путешествия использовался подход Всемирной туристической организации (ВТО), которая выделяет такие категории въездного туризма, как: 1) прибытия (international traveler trips); 2) посещения (туристические) (international visitor trips); 3) прибытия, не относящиеся к посещениям (не туристические) (other trips – non-tourist); 4) посещения, разделенные на туристов (tourist trips) и экскурсантов (same day trips). Для анализа отрасли туризма и ее влияния на экономику страны использовались показатели, также разработанные и применяемые ВТО. Национальная туристическая администрация Грузии полностью придерживается методологии ВТО.

Внешняя торговля услугами Грузии

Во внешней торговле Грузии услуги занимают более 37 % совокупного внешнеторгового оборота. Доля услуг значительно возрастает, если рассматривается только экспорт – около 55 % в совокупном экспорте страны. В импорте Грузии доля услуг составляет 23 %, импорт товаров – 77 %. За последние 25 лет Грузия ни разу не имела положительного сальдо по торговле товарами – в 2019 г. импорт был больше экспорта национальных товаров в 2,1 раза. Во внешней торговле услугами с конца 1990-х гг. сальдо всегда было положительным, с 2009 г. экспорт с каждым годом все более превышал импорт – в 2019 г. разница составила 1,9 раза (рис. 1). С 2009 г. по 2019 г. экспорт услуг увеличился в 3,5 раза и составил 4,586 млрд долл., а импорт услуг вырос в 2 раза, до 2,418 млрд долл. В этот же период среднегодовые темпы роста экспорта услуг составили 12,9 %, импорта – 6,9 %, рост положительного сальдо в среднем составлял 20 % в год.

В 2020 г. объемы внешней торговли услугами Грузии сильно просели – экспорт услуг сократился в 2,9 раза до 1,586 млрд долл., импорт услуг – в 1,7 раза до 1,456 млрд долл., сальдо осталось положительным, но уменьшилось в 16,7 раза до 130 млн долл. Все показатели имели существенные отрицательные темпы роста за год: экспорт услуг (–65,4 %), импорт (–39,8 %), сальдо (–94 %). Очевидной причиной этого является нездоровая эпидемиологическая ситуация в мире из-за распространения COVID-19 и введение карантинных ограничительных мер, что фактически блокировало туристические потоки и свело к минимуму международную торговлю туристическими услугами. Сокращение обмена другими видами услуг в мире связано с падением объемов международной торговли товарами, сильным снижением деловой активности, убытками бизнеса и падением доходов населения, сокращением спроса и другими факторами. Однако для других видов услуг падение было не настолько разрушительным, как для путешествий. Современная структура торговли услугами Грузии объясняет такое катастрофическое падение.

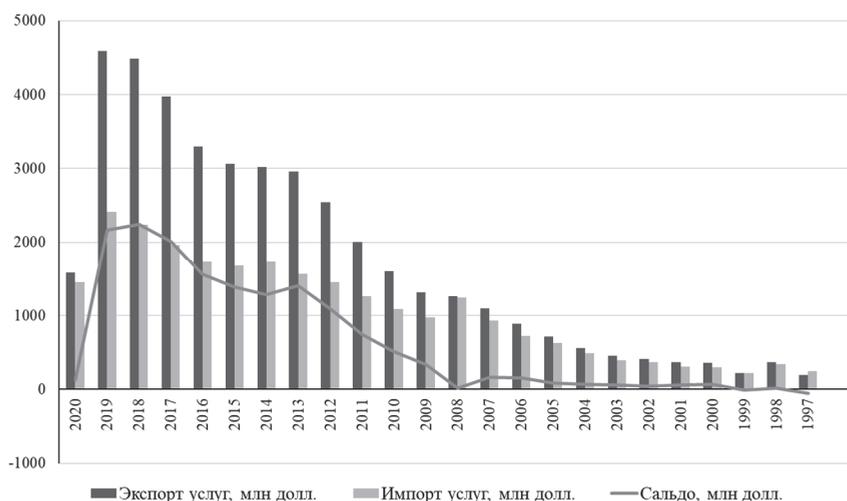

Рис. 1. Внешняя торговля услугами Грузии с 1997 по 2020 г., млн долл.

Источник: составлено авторами по статистической базе данных ООН. URL: comtrade.un.org

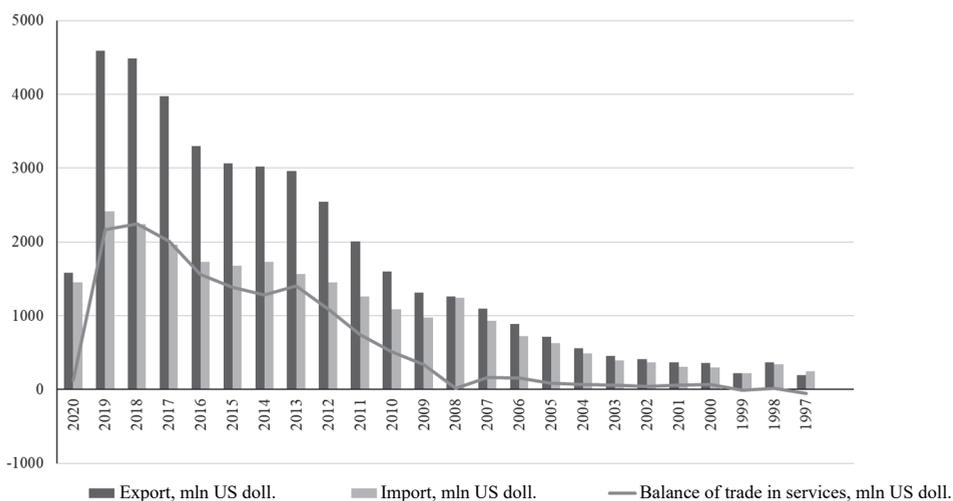

Figure 1. Foreign trade in commercial services of Georgia in period from 1997 to 2020, mln US doll.

Source: developed by the authors on the base of UN Data. Retrieved from comtrade.un.org

В экспорте услуг Грузии доля путешествий в 2019 г. составила 71,2 %, за 15 лет доля выросла в 2,4 раза, стоимостной объем – в 26 раз, со 125,7 млн долл. в 2002 г. до 3,269 млрд долл. в 2019 г. В этом объеме экспорта путешествий персональные поездки составили 72,7 % (2,377 млрд долл.), бизнес-поездки – 27,3 % (0,892 млрд долл.), по сравнению с уровнем 2002 г. наблюдался рост в 45,9 и в 12,1 раза, соответственно. Второй по значению статей в экспорте услуг Грузии были транспортные услуги – почти 22 % в 2019 г., или 1,007 млрд долл. (рост в 5 раз от уровня 2002 г.), в которых на морские перевозки приходилось 13 %, авиаперевозки – 31 %, перевозки другими видами транспорта (преимущественно, автомобильным) – 56 %. Наиболее значительными были авиаперевозки пассажиров – 22 %, и грузоперевозки автомобильным транспортом – 45 %. Несмотря на рост стоимостных объемов экспорта транспортных услуг в 2,5 раза по сравнению с 2002 г., их доля в структуре экспорта услуг сократилась в 2,2 раза. На остальные виды услуг приходится только 6,8 % экспорта: 2,5 % – компьютерные и информационные услуги (наблюдается резкий рост количества майнинговых «шахт» в Грузии); почти 2 % – правительственные услуги, 1,1 % – деловые услуги (табл. 1).

В импорте услуг Грузии первое место занимают транспортные услуги – в 2019 г. 52,8 % или 1,277 млрд долл. (по стоимости рост в 12 раз по сравнению с 2000 г.), при этом около 25 % от совокупного импорта услуг страны приходится на морской фрахт, 21,7 % на авиаперевозки пассажиров, 12,9 % на перевозки пассажиров и 34,3 % на грузоперевозки другими видами транспорта. Путешествия составляют 27,2 % импорта услуг, в их составе деловые поездки занимают около 66 % (до 60 % от деловых поездок – расходы сезонных и пограничных работников, ввиду большого числа временных эмигрантов из Грузии), персональные путешествия – 34 % (60 % из которых – расходы на поездки, связанные с образованием). Доля остальных видов услуг в импорте услуг Грузии была в 2019 г. чуть более 20 %, их составляют страхование – почти 5 %, деловые услуги – 5,5 %, компьютерные и информационные услуги – 3,5 %, государственные услуги – 2,7 % и платежи за интеллектуальную собственность – 1,7 % (табл. 2).

Таблица 1

Структура экспорта Грузии по видам услуг в 2000–2019 гг., %

	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010	2009	2008	2007	2006	2005	2004	2003	2002	2001	2000
Экспорт услуг, млрд долл.	4,586	4,482	3,976	3,295	3,066	3,019	2,961	2,544	2,008	1,599	1,314	1,260	1,094	0,885	0,715	0,555	0,459	0,408	0,370	0,360
Транспортные услуги	21,95	21,61	24,01	27,78	30,93	32,05	32,45	33,40	39,68	43,48	47,34	48,68	46,75	46,42	46,40	47,94	46,52	49,23	47,82	42,72
Путешествия	71,27	71,88	68,02	64,05	60,95	59,20	58,08	55,47	47,55	41,23	36,23	35,44	35,07	35,32	33,77	31,83	32,05	30,82	32,73	39,29
Услуги связи	0,00	0,91	0,84	1,03	1,42	1,86	1,87	1,93	1,82	1,72	2,15	1,87	1,32	1,98	2,76	3,19	5,28	4,29	3,25	2,51
Строительные услуги	0,11	0,10	0,14	0,30	0,30	0,18	0,31	0,30	0,43	0,60	0,48	0,17	0,25	0,00	0,00	0,00	0,00	0,02	0,00	0,00
Страхование	0,26	0,25	0,30	0,41	0,59	0,67	0,62	0,72	1,05	2,40	1,17	1,20	1,19	1,52	1,53	1,80	2,08	2,29	2,12	1,52
Финансовые услуги	0,51	0,44	0,42	0,40	0,36	0,23	0,29	0,78	0,87	1,06	1,01	0,77	0,83	2,13	2,83	3,14	2,25	1,95	1,50	1,07
Компьютерные и информационные услуги	2,48	1,10	1,55	0,81	0,18	0,14	0,09	0,15	0,27	0,46	0,46	0,28	0,17	0,06	0,02	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Плата за использование объектов интеллектуальной собственности	0,02	0,01	0,01	0,02	0,00	0,06	0,11	0,14	0,23	0,30	0,57	0,49	0,97	1,46	1,30	1,39	1,37	1,35	1,07	0,93
Прочие деловые услуги	1,09	1,12	1,77	1,87	1,91	2,08	2,18	2,69	2,67	2,60	2,78	2,15	1,86	0,99	1,52	1,91	1,61	0,92	0,86	0,76
Личные услуги и услуги в области культуры и отдыха	0,33	0,38	0,47	0,47	0,46	0,57	0,66	0,62	0,86	0,86	1,07	0,71	0,79	0,62	0,44	0,39	0,04	0,00	0,03	0,02
Государственные услуги, не отнесенные к другим категориям	1,98	2,20	2,47	2,87	2,89	2,97	3,34	3,80	4,59	5,29	6,74	8,24	10,78	9,50	9,43	8,40	8,79	9,14	10,62	11,18

Источник: рассчитано авторами по данным www.comtrade.org

Table 1

Commercial services export of Georgia by sector in 2000–2019, %

	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010	2009	2008	2007	2006	2005	2004	2003	2002	2001	2000
Export of services, bln US doll.	4.586	4.482	3.976	3.295	3.066	3.019	2.961	2.544	2.008	1.599	1.314	1.260	1.094	0.885	0.715	0.555	0.459	0.408	0.370	0.360
Transportation	21.95	21.61	24.01	27.78	30.93	32.05	32.45	33.40	39.68	43.48	47.34	48.68	46.75	46.42	46.40	47.94	46.52	49.23	47.82	42.72
Travel	71.27	71.88	68.02	64.05	60.95	59.20	58.08	55.47	47.55	41.23	36.23	35.44	35.07	35.32	33.77	31.83	32.05	30.82	32.73	39.29
Communication services	0.00	0.91	0.84	1.03	1.42	1.86	1.87	1.93	1.82	1.72	2.15	1.87	1.32	1.98	2.76	3.19	5.28	4.29	3.25	2.51
Construction	0.11	0.10	0.14	0.30	0.30	0.18	0.31	0.30	0.43	0.60	0.48	0.17	0.25	0.00	0.00	0.00	0.00	0.02	0.00	0.00
Insurance services	0.26	0.25	0.30	0.41	0.59	0.67	0.62	0.72	1.05	2.40	1.17	1.20	1.19	1.52	1.53	1.80	2.08	2.29	2.12	1.52
Financial services	0.51	0.44	0.42	0.40	0.36	0.23	0.29	0.78	0.87	1.06	1.01	0.77	0.83	2.13	2.83	3.14	2.25	1.95	1.50	1.07
Computer and information services	2.48	1.10	1.55	0.81	0.18	0.14	0.09	0.15	0.27	0.46	0.46	0.28	0.17	0.06	0.02	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
Royalties and license fees	0.02	0.01	0.01	0.02	0.00	0.06	0.11	0.14	0.23	0.30	0.57	0.49	0.97	1.46	1.30	1.39	1.37	1.35	1.07	0.93
Other business services	1.09	1.12	1.77	1.87	1.91	2.08	2.18	2.69	2.67	2.60	2.78	2.15	1.86	0.99	1.52	1.91	1.61	0.92	0.86	0.76
Personal, cultural, and recreational services	0.33	0.38	0.47	0.47	0.46	0.57	0.66	0.62	0.86	0.86	1.07	0.71	0.79	0.62	0.44	0.39	0.04	0.00	0.03	0.02
Government services, not classified in other categories	1.98	2.20	2.47	2.87	2.89	2.97	3.34	3.80	4.59	5.29	6.74	8.24	10.78	9.50	9.43	8.40	8.79	9.14	10.62	11.18

Source: calculated by the authors based on www.comtrade.org

Таблица 2

Структура импорта Грузии по видам услуг в 2000–2019 гг., %

	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010	2009	2008	2007	2006	2005	2004	2003	2002	2001	2000
Импорт услуг, млрд долл.	2,418	2,241	1,962	1,731	1,675	1,733	1,561	1,449	1,261	1,085	0,974	1,239	0,933	0,727	0,631	0,485	0,397	0,365	0,310	0,295
Транспортные услуги	52,80	56,06	55,08	55,21	57,05	54,00	56,88	55,46	54,86	51,06	50,40	51,79	54,38	53,32	45,62	42,33	34,52	29,76	32,80	35,32
Путешествия	27,18	23,42	23,63	22,32	19,67	17,26	18,83	17,69	16,93	18,34	18,63	16,42	18,84	22,91	26,74	30,36	32,77	40,81	39,38	37,57
Услуги связи	0,00	2,07	1,66	1,69	1,50	1,81	1,68	1,48	1,34	1,11	1,41	1,06	1,22	1,98	2,75	2,74	3,97	3,10	3,83	3,12
Строительные услуги	0,30	0,44	0,45	0,47	0,61	0,59	0,55	0,42	0,50	0,89	2,15	1,43	0,66	0,59	2,54	1,47	3,76	3,98	1,94	2,33
Страхование	4,85	5,95	6,21	7,03	7,58	8,54	7,87	9,44	10,89	11,06	11,09	12,16	11,88	11,05	9,33	8,71	7,01	4,94	5,52	5,39
Финансовые услуги	0,97	0,96	1,01	1,00	0,70	0,76	0,77	1,46	1,56	1,34	1,77	1,41	1,30	0,57	0,35	0,54	0,49	0,77	0,85	1,54
Компьютерные и информационные услуги	3,52	1,73	1,46	1,29	0,94	0,90	0,81	0,80	0,92	0,61	0,78	0,86	0,24	0,11	0,17	0,14	0,17	0,14	0,02	0,16
Плата за использование объектов интеллектуальной собственности	1,68	1,21	1,26	0,94	0,42	1,12	0,86	0,52	0,63	0,68	0,88	0,68	0,52	0,69	0,84	1,17	2,67	2,93	2,18	2,42
Прочие деловые услуги	5,45	4,18	5,23	5,04	6,56	7,95	5,74	6,43	6,75	5,59	5,22	5,99	3,74	3,26	4,13	3,12	3,99	2,57	4,53	4,06
Личные услуги и услуги в области культуры и отдыха	0,59	0,64	0,53	0,56	0,68	0,72	0,78	0,87	0,89	1,09	1,08	1,44	0,72	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Государственные услуги, не относящиеся к другим категориям	2,66	3,35	3,47	4,45	4,29	6,34	5,22	5,44	4,72	8,21	6,59	6,76	6,49	5,52	7,53	9,43	10,64	11,00	8,76	8,10

Источник: рассчитано авторами по данным www.comtrade.org

Table 2

Commercial services import of Georgia by sector in 2000–2019, %

	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010	2009	2008	2007	2006	2005	2004	2003	2002	2001	2000
Import of services, bln US doll.	2.418	2.241	1.962	1.731	1.675	1.733	1.561	1.449	1.261	1.085	0.974	1.239	0.933	0.727	0.631	0.485	0.397	0.365	0.310	0.295
Transportation	52.80	56.06	55.08	55.21	57.05	54.00	56.88	55.46	54.86	51.06	50.40	51.79	54.38	53.32	45.62	42.33	34.52	29.76	32.80	35.32
Travel	27.18	23.42	23.63	22.32	19.67	17.26	18.83	17.69	16.93	18.34	18.63	16.42	18.84	22.91	26.74	30.36	32.77	40.81	39.38	37.57
Communication services	0.00	2.07	1.66	1.69	1.50	1.81	1.68	1.48	1.34	1.11	1.41	1.06	1.22	1.98	2.75	2.74	3.97	3.10	3.83	3.12
Construction	0.30	0.44	0.45	0.47	0.61	0.59	0.55	0.42	0.50	0.89	2.15	1.43	0.66	0.59	2.54	1.47	3.76	3.98	1.94	2.33
Insurance services	4.85	5.95	6.21	7.03	7.58	8.54	7.87	9.44	10.89	11.06	11.09	12.16	11.88	11.05	9.33	8.71	7.01	4.94	5.52	5.39
Financial services	0.97	0.96	1.01	1.00	0.70	0.76	0.77	1.46	1.56	1.34	1.77	1.41	1.30	0.57	0.35	0.54	0.49	0.77	0.85	1.54
Computer and information services	3.52	1.73	1.46	1.29	0.94	0.90	0.81	0.80	0.92	0.61	0.78	0.86	0.24	0.11	0.17	0.14	0.17	0.14	0.02	0.16
Royalties and license fees	1.68	1.21	1.26	0.94	0.42	1.12	0.86	0.52	0.63	0.68	0.88	0.68	0.52	0.69	0.84	1.17	2.67	2.93	2.18	2.42
Other business services	5.45	4.18	5.23	5.04	6.56	7.95	5.74	6.43	6.75	5.59	5.22	5.99	3.74	3.26	4.13	3.12	3.99	2.57	4.53	4.06
Personal, cultural, and recreational services	0.59	0.64	0.53	0.56	0.68	0.72	0.78	0.87	0.89	1.09	1.08	1.44	0.72	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
Government services, not classified in other categories	2.66	3.35	3.47	4.45	4.29	6.34	5.22	5.44	4.72	8.21	6.59	6.76	6.49	5.52	7.53	9.43	10.64	11.00	8.76	8.10

Source: calculated by the authors based on www.comtrade.org

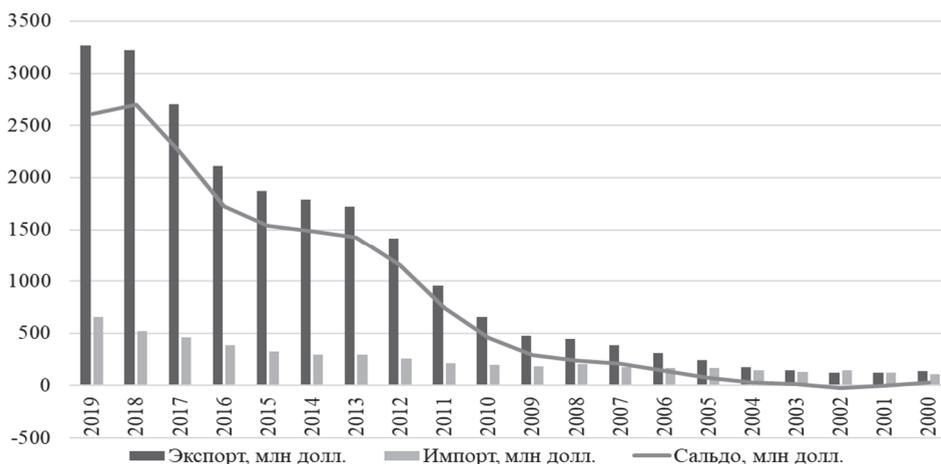

Рис. 2. Внешняя торговля услугами Грузии по разделу путешествия с 2000 по 2019 г., млн долл.

Источник: составлено авторами на основе www.comtrade.un.org

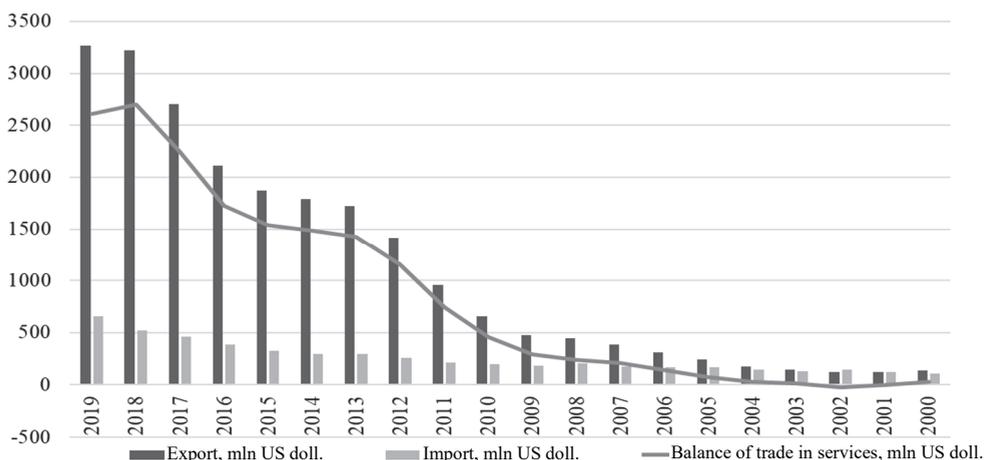

Figure 2. Foreign trade in travel of Georgia in period from 2000 to 2019, mln US doll.

Source: developed by the authors on the base of UN Data. Retrieved from comtrade.un.org

Важно также учитывать, что положительное сальдо в 2019 г. у Грузии складывается только по статьям: путешествия (2,612 млрд долл., ежегодно положительное с 2003 г.), личные услуги и услуги в области культуры и отдыха (582 тыс долл., ежегодно положительное с 2000 г.), компьютерные и информационные услуги (28,705 млн долл., в плюсе с 2016 г.), государственные услуги (26,411 млн долл., в плюсе с 2000 г. за исключением 2002, 2003, 2010 и 2014 гг.). Наибольшее отрицательное сальдо наблюдается по статье транспортные услуги (-269,721 млн долл., ежегодно отрицательное с 2015 г., за это время отрицательное сальдо увеличилось в 36 раз), страхование (-105,238 млн долл., в минусе ежегодно с 1990-х гг.). По статьям деловые услуги (-81,937 млн долл.) и платежи за интеллектуальную собственность (-39,725 млн долл.) в большинстве лет с 1990-х гг. сальдо отрицательное, как и в торговле строительными услугами и финансовыми услугами. По услугам связи сальдо стало отрицательным только в последние 3 года (с 2018 г.).

Таким образом, практически полностью именно за счет экспорта путешествий Грузия имеет валютные поступления в экономику страны от внешней торговли услугами (рис. 2), именно экспорт путешествий преимущественно уменьшает отрицательное сальдо внешнеторгового баланса страны (совокупно по торговле товарами и услугами). И именно с сектором туризма связывают основные перспективы экономического роста и социально-экономического развития Грузии.

Особенности экспорта туристических услуг Грузии

Экспорт туристических услуг в Грузию до недавнего времени показывал рост не только по стоимости, но и в натуральных показателях. За 9 лет (с 2011 по 2019 г.) число международных прибытий выросло в 3 раза и составило 9,358 млн чел. Основное количество прибытий приходится на международные посещения (80–87 %), из них 57–68 % – туристы, 33–43 % – экскурсанты (табл. 3), за 2011–2019 гг. численность международных посетителей увеличилась в 2,9 раза, туристов – в 2,7 раза (до 5,081 млн чел.), экскурсантов – в 3 раза (до 2,645 млн чел.). В 2020 г. цифры резко упали: международные прибытия сократились на 81,3 %, международные посещения – на 80,4 %, число туристов на 78,6 %, экскурсантов – на 83,9 %. Статистика за первый квартал 2021 г. говорит о том, что роста показателей не ожидается, в лучшем случае 2021 г. ненамного превысит 2020 г.

Более 86 % международных посещений Грузии в 2019 г. приходилось на Европу, в основном приезжали туристы и экскурсанты из Центральной и Восточной Европы – 64,6 % и из Восточной Европы и Средиземноморья – 17,7 % (табл. 4). При этом более 59 % составляли посетители из стран СНГ, более 39 % – из стран ЕАЭС, из стран ГУАМ – более 22 %. Международные туристы и экскурсанты из стран постсоветского пространства были и остаются для Грузии основными посетителями – в совокупности на них приходилось 62,1 % посещений страны в 2019 г. Международные посещения из стран ЕС составили 5,8 %, их доля растет (табл. 5), основные страны – Польша и Германия (по 1,1 % каждая). Наблюдается тенденция к росту доли международных посещений из стран Восточной Азии и Тихоокеанского бассейна (основные страны: Иран – 1,8 %, Индия – 0,7 %, Китай – 0,6 %, Филиппины – 0,3 %, Южная Корея – 0,2 %), Ближнего Востока (основные страны: Саудовская Аравия – 1 %, Кувейт – 0,3 %, Иордания – 0,2 %). Доля Америк (0,6 %) практически полностью состоит из посетителей из США (0,6 %).

На топ-10 стран в последние 10 лет приходилось 87,5–94,5 % международных посещений (табл. 5). Очевидна сильная зависимость экспорта туристических услуг Грузии от Турции, Азербайджана, Армении и России, доля четырех стран составляла 71,5–79,6 %¹.

Примечательно, что в составе международных посетителей доля туристов наибольшая у Израиля (87–99 %), Украины (87–91 %), Ирана (96–97 %) и России (73–77 %), из Азербайджана и Армении приезжает больше экскурсантов (более 50 %), из Турции – ненамного больше туристов (54–55 %).

¹ Statistical Yearbook of Georgia: 2020 / National Statistics Office of Georgia. Tbilisi, 2020. 286 p. URL: <https://www.geostat.ge/en>

От 1/5 до 1/4 части туристов в Грузию пребывает из России, в 2019 г. их число составило почти 1,1 млн чел. (табл. 6).

Таблица 3

Въездной туризм в Грузии в 2011–2020 гг.

	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011
Международные прибытия, тыс. чел., из них:	1747	9358	8680	7903	6720	63060	5889	5735	4741	3116
– международные посещения (туристические прибытия), %	86,62	82,56	82,99	82,04	80,25	83,35	84,98	86,39	86,60	87,04
– прочие прибытия (не туристические), %	13,38	17,44	17,01	17,96	19,75	16,65	15,02	13,61	13,40	12,96
Международные посещения (туристические прибытия), тыс. чел., из них:	1513	7726	7203	6483	5393	5256	5004	4955	4106	2712
– туристы, %	71,83	65,76	66,04	62,77	61,14	57,30	58,73	58,22	59,91	67,59
– экскурсанты, %	28,17	34,24	33,96	37,23	38,86	42,70	41,27	41,78	40,09	32,41

Источник: составлено авторами по данным Национальной туристической администрации Грузии. URL: <https://gnta.ge/statistics/>

Table 3

Inflow tourism in Georgia in 2011–2020

	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011
International traveler trips, thousands of people, of which:	1747	9358	8680	7903	6720	63060	5889	5735	4741	3116
– international visitor trips, %	86.62	82.56	82.99	82.04	80.25	83.35	84.98	86.39	86.60	87.04
– other trips (non-tourist), %	13.38	17.44	17.01	17.96	19.75	16.65	15.02	13.61	13.40	12.96
International visitor trips, thousands of people, of which:	1513	7726	7203	6483	5393	5256	5004	4955	4106	2712
– tourist trips, %	71.83	65.76	66.04	62.77	61.14	57.30	58.73	58.22	59.91	67.59
– same day trips, %	28.17	34.24	33.96	37.23	38.86	42.70	41.27	41.78	40.09	32.41

Source: developed by the authors on the base of Georgian National Tourism Administration' Statistics. Retrieved from <https://gnta.ge/statistics/>

Таблица 4

Региональное распределение международных посещений (туристических прибытий) Грузии в 2011–2020 гг., %

	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011
Европа	85,70	86,27	84,51	83,93	86,07	88,80	87,76	86,19	84,75	80,88
Центральная и Восточная Европа	59,06	64,57	63,67	63,80	63,57	64,75	61,82	57,03	51,43	56,03
Северная Европа	0,63	0,90	0,76	0,65	0,56	0,56	0,53	0,52	0,54	0,65
Южная Европа	0,77	0,93	0,84	0,77	0,77	0,78	0,74	0,71	0,75	0,98
Западная Европа	1,33	2,22	1,79	1,37	1,26	1,21	1,17	1,10	1,13	1,44
Восточная Европа и Европейско-Средиземноморский регион	23,90	17,65	17,46	17,33	19,92	21,50	23,50	26,83	30,89	21,77
Северная, Центральная, Южная Америка и Карибский бассейн	0,64	0,80	0,77	0,66	0,63	0,59	0,55	0,49	0,62	0,78
Восточная Азия и Тихоокеанский бассейн	3,04	4,37	6,17	6,13	3,79	1,18	1,23	1,97	2,71	2,87
Северо-Восточная Азия	0,44	0,97	0,75	0,48	0,38	0,31	0,27	0,28	0,33	0,33
Океания	0,06	0,13	0,10	0,08	0,06	0,06	0,06	0,05	0,05	0,05
Южная Азия	1,83	2,70	4,91	5,18	3,00	0,61	0,75	1,47	2,15	2,22
Юго-Восточная Азия	0,72	0,57	0,42	0,38	0,35	0,20	0,15	0,17	0,18	0,27
Ближний Восток	1,12	2,02	1,75	2,03	1,32	0,88	0,68	1,14	0,34	0,17
Африка	0,14	0,12	0,12	0,13	0,12	0,08	0,05	0,04	0,05	0,05
Прочие	9,36	6,42	6,69	7,14	8,07	8,48	9,72	10,17	11,54	15,26

Источник: составлено авторами по данным Национальной туристической администрации Грузии. URL: <https://gnta.ge/statistics/>

Table 4

Share of the regions in international visitor trips to Georgia in 2011–2020, %

	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011
Europe	85.70	86.27	84.51	83.93	86.07	88.80	87.76	86.19	84.75	80.88
Central and Eastern Europe	59.06	64.57	63.67	63.80	63.57	64.75	61.82	57.03	51.43	56.03
Northern Europe	0.63	0.90	0.76	0.65	0.56	0.56	0.53	0.52	0.54	0.65
Southern Europe	0.77	0.93	0.84	0.77	0.77	0.78	0.74	0.71	0.75	0.98
Western Europe	1.33	2.22	1.79	1.37	1.26	1.21	1.17	1.10	1.13	1.44
Eastern Europe and the Euro-Mediterranean region	23.90	17.65	17.46	17.33	19.92	21.50	23.50	26.83	30.89	21.77
Northern, Central, Southern America and the Caribbean	0.64	0.80	0.77	0.66	0.63	0.59	0.55	0.49	0.62	0.78
Eastern Asia and the Pacific	3.04	4.37	6.17	6.13	3.79	1.18	1.23	1.97	2.71	2.87
Nothern and Eastern Asia	0.44	0.97	0.75	0.48	0.38	0.31	0.27	0.28	0.33	0.33
Oceania	0.06	0.13	0.10	0.08	0.06	0.06	0.06	0.05	0.05	0.05
Southern Asia	1.83	2.70	4.91	5.18	3.00	0.61	0.75	1.47	2.15	2.22
Southern and Eastern Asia	0.72	0.57	0.42	0.38	0.35	0.20	0.15	0.17	0.18	0.27
Middle East	1.12	2.02	1.75	2.03	1.32	0.88	0.68	1.14	0.34	0.17
Africa	0.14	0.12	0.12	0.13	0.12	0.08	0.05	0.04	0.05	0.05
Other	9.36	6.42	6.69	7.14	8.07	8.48	9.72	10.17	11.54	15.26

Source: developed by the authors on the base of Georgian National Tourism Administration' Statistics. Retrieved from <https://gnta.ge/statistics/>

Таблица 5

Распределение международных посещений Грузии по интеграционным объединениям и странам в 2011–2020 гг., %

	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011
ЕАЭС	33,11	39,09	38,86	38,81	38,55	38,32	35,16	34,06	28,76	29,72
СНГ	53,92	59,22	58,89	59,25	58,82	60,59	57,39	53,24	48,45	52,63
ГУАМ с учетом Грузии (нерезидентов)	31,70	28,86	28,95	29,86	30,85	32,94	34,43	31,47	32,68	39,88
ГУАМ без учета Грузии (нерезидентов)	22,43	22,53	22,34	22,82	22,89	24,55	24,79	21,40	21,24	24,72
ЕС	4,30	5,79	4,94	4,02	3,97	3,76	3,73	3,32	3,23	3,91
Топ-10 стран	89,23	87,44	89,18	90,25	91,69	93,25	94,15	94,07	94,51	93,50
Турция	22,17	14,97	15,25	15,54	18,33	20,44	22,71	26,08	30,20	20,92
Азербайджан	19,50	19,76	19,78	20,08	19,95	22,00	22,05	18,98	19,47	22,65
Армения	17,24	17,67	17,62	19,86	21,37	22,67	21,30	21,19	18,25	20,73
Россия	13,79	19,05	19,50	17,51	15,75	14,52	13,01	12,24	9,99	8,12
Грузия (нерезиденты)	9,27	6,33	6,61	7,04	7,96	8,40	9,63	10,07	11,44	15,16
Украина	2,80	2,69	2,46	2,62	2,81	2,42	2,64	2,33	1,68	1,98
Израиль	1,70	2,65	2,18	1,77	1,58	1,05	0,77	0,74	0,68	0,83
Иран	1,13	1,84	4,04	4,36	2,41	0,42	0,68	1,37	2,02	2,08
Казахстан	0,91	1,34	0,82	0,73	0,76	0,59	0,47	0,35	0,30	0,60
Польша	0,71	1,14	0,93	0,75	0,77	0,75	0,89	0,70	0,47	0,41
Прочие страны	10,77	12,56	10,82	9,75	8,31	6,75	5,85	5,93	5,49	6,50

Источник: составлено авторами по данным Национальной туристической администрации Грузии. URL: <https://gnta.ge/statistics/>

Table 5

Share of the integration blocks and some countries in international visitor trips to Georgia in 2011–2020, %

	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011
Eurasian Economic Union	33.11	39.09	38.86	38.81	38.55	38.32	35.16	34.06	28.76	29.72
CIS	53.92	59.22	58.89	59.25	58.82	60.59	57.39	53.24	48.45	52.63
GUAM with Georgia (non-residents)	31.70	28.86	28.95	29.86	30.85	32.94	34.43	31.47	32.68	39.88
GUAM without Georgia (non-residents)	22.43	22.53	22.34	22.82	22.89	24.55	24.79	21.40	21.24	24.72
European Union	4.30	5.79	4.94	4.02	3.97	3.76	3.73	3.32	3.23	3.91
Top-10 countries	89.23	87.44	89.18	90.25	91.69	93.25	94.15	94.07	94.51	93.50
Turkey	22.17	14.97	15.25	15.54	18.33	20.44	22.71	26.08	30.20	20.92
Azerbaijan	19.50	19.76	19.78	20.08	19.95	22.00	22.05	18.98	19.47	22.65
Armenia	17.24	17.67	17.62	19.86	21.37	22.67	21.30	21.19	18.25	20.73
Russia	13.79	19.05	19.50	17.51	15.75	14.52	13.01	12.24	9.99	8.12
Georgia (non-residents)	9.27	6.33	6.61	7.04	7.96	8.40	9.63	10.07	11.44	15.16
Ukraine	2.80	2.69	2.46	2.62	2.81	2.42	2.64	2.33	1.68	1.98
Israel	1.70	2.65	2.18	1.77	1.58	1.05	0.77	0.74	0.68	0.83
Iran	1.13	1.84	4.04	4.36	2.41	0.42	0.68	1.37	2.02	2.08
Kazakhstan	0.91	1.34	0.82	0.73	0.76	0.59	0.47	0.35	0.30	0.60
Poland	0.71	1.14	0.93	0.75	0.77	0.75	0.89	0.70	0.47	0.41
Other countries	10.77	12.56	10.82	9.75	8.31	6.75	5.85	5.93	5.49	6.50

Source: developed by the authors on the base of Georgian National Tourism Administration' Statistics. Retrieved from <https://gnta.ge/statistics/>

Таблица 6

Международные туристы в Грузию по основным странам в 2017–2019 гг.

	2019		2018		2017		2019		2018		2017	
	Распределение международных посещений на туристов (Т) и экскурсантов (Э), %						Численность международных туристов и доля стран в общем количестве международных туристов в Грузию					
	Т	Э	Т	Э	Т	Э	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Азербайджан	49,21	50,79	48,98	51,02	46,77	53,23	751 215	14,79	697 782	14,67	608 682	14,96
Россия	73,21	26,79	77,16	22,84	72,72	27,28	1 077 395	21,21	1 083 874	22,79	825 437	20,28
Армения	41,72	58,28	40,24	59,76	36,24	63,76	569 437	11,21	510 542	10,73	466 449	11,46
Турция	55,09	44,91	53,65	46,35	54,40	45,60	637 100	12,54	589 340	12,39	547 983	13,47
Украина	91,11	8,89	89,33	10,67	86,77	13,23	189 210	3,72	158 160	3,32	147 389	3,62
Израиль	98,69	1,31	87,41	12,59	98,08	1,92	202 370	3,98	154 764	3,25	112 827	2,77
Иран	96,64	3,36	96,45	3,55	96,92	3,08	137 223	2,70	280 735	5,90	273 842	6,73

Источник: составлено авторами по данным Национальной туристической администрации Грузии. URL: <https://gnta.ge/statistics/>

Table 6

International tourists to Georgia by main countries in 2017–2019

	2019		2018		2017		2019		2018		2017	
	Distribution of international visitor trips on tourist trips (T) and same day trips (SD), %						Number of international tourist trips and share of countries in the total international tourist trips to Georgia					
	T	SD	T	SD	T	SD	People	%	People	%	People	%
Azerbaijan	49.21	50.79	48.98	51.02	46.77	53.23	751 215	14.79	697 782	14.67	608 682	14.96
Russia	73.21	26.79	77.16	22.84	72.72	27.28	1 077 395	21.21	1 083 874	22.79	825 437	20.28
Armenia	41.72	58.28	40.24	59.76	36.24	63.76	569 437	11.21	510 542	10.73	466 449	11.46
Turkey	55.09	44.91	53.65	46.35	54.40	45.60	637 100	12.54	589 340	12.39	547 983	13.47
Ukraine	91.11	8.89	89.33	10.67	86.77	13.23	189 210	3.72	158 160	3.32	147 389	3.62
Israel	98.69	1.31	87.41	12.59	98.08	1.92	202 370	3.98	154 764	3.25	112 827	2.77
Iran	96.64	3.36	96.45	3.55	96.92	3.08	137 223	2.70	280 735	5.90	273 842	6.73

Source: developed by the authors on the base of Georgian National Tourism Administration' Statistics. Retrieved from <https://gnta.ge/statistics/>

При этом продолжительность пребывания посетителей из России в 1,4–1,6 раза превышает средний показатель по международным посещениям Грузии из всех стран мира, и в 2,5–4 раза – продолжительность пребывания из Армении, Азербайджана и Турции (табл. 7). Средние расходы международных посетителей из России (на одно посещение) в 2,7–3,5 раза выше, чем у посетителей из Азербайджана, в 2,2–3 раза выше, чем у посетителей из Армении, в 1,1–1,4 раза выше, чем средний показатель по всем странам мира. Несмотря на то, что посетители из развитых стран (Германии, Велико-

британии, Израиля, США и ряда других) в среднем тратят в 1,6–1,7 раза больше, чем посетители из России, их численность не так значительна в общем объеме международных посетителей, и международных туристов в Грузию. Даже грубый расчет (11 471 558 чел. посетителей из России в 2019 г. умножить на средние расходы в 410 долл./чел.) дает нам цифру, показывающую, что на поступления от туристов и экскурсантов из РФ приходится не менее 19 % всего стоимостного объема экспорта услуг Грузии по статье путешествия, и более 25 % стоимостного объема экспорта персональных путешествий (код 2.2. по EBOPS).

Таблица 7

Продолжительность пребывания в Грузии и средние расходы на одного человека по основным странам в 2015–2019 гг.

	2019	2018	2017	2016	2015	2019	2018	2017	2016	2015	2019	2018	2017	2016	2015
	Средняя продолжительность пребывания (на одно международное посещение), дней					Средние расходы (на одно международное посещение)									
						Долл. США					Грузинские лари				
Россия	5,9	6,3	6,1	5,8	5,3	477	511	364	387	422	1282	1326	984	941	721
Азербайджан	1,8	2,5	2,4	1,9	2,7	147	148	135	143	246	396	385	365	347	421
Турция	1,7	1,8	1,8	2,1	2,1	345	356	355	431	674	928	923	959	1047	1152
Армения	1,5	1,6	1,7	1,3	1,3	219	208	171	153	302	589	540	461	371	517
В целом по всем странам	4,1	4,2	4,3	3,9	3,4	410	424	329	334	451	1102	1099	889	812	772

Источник: составлено авторами по данным Национальной туристической администрации Грузии. URL: <https://gnta.ge/statistics/>

Table 7

Length of stay in Georgia and average expenditures per one international visitor by main countries in 2015–2019

	2019	2018	2017	2016	2015	2019	2018	2017	2016	2015	2019	2018	2017	2016	2015
	Average length of stay of one visitor, days					Average expenditures per one international visitor									
						US doll.					Georgian lari				
Russia	5.9	6.3	6.1	5.8	5.3	477	511	364	387	422	1282	1326	984	941	721
Azerbaijan	1.8	2.5	2.4	1.9	2.7	147	148	135	143	246	396	385	365	347	421
Turkey	1.7	1.8	1.8	2.1	2.1	345	356	355	431	674	928	923	959	1047	1152
Armenia	1.5	1.6	1.7	1.3	1.3	219	208	171	153	302	589	540	461	371	517
All countries	4.1	4.2	4.3	3.9	3.4	410	424	329	334	451	1102	1099	889	812	772

Source: developed by the authors on the base of Georgian National Tourism Administration' Statistics. Retrieved from <https://gnta.ge/statistics/>

Приток международных посетителей в Грузию из России, Беларуси, Украины связан, безусловно, с общностью исторического и культурного пути развития, отсутствием языковых барьеров, единством православной веры. Также на приток международных посетителей из стран СНГ, Турции, Ирана оказывает влияние соседствующее положение, деловые и экономические ин-

тересы посетителей, относительно низкая стоимость посещения Грузии, определенная одинаковость в невысоких требованиях к стандартам средств размещения и туристического сервиса.

Большое значение имеет показатель возвратности международных посетителей, свидетельствующий о степени их удовлетворенности туристическим сервисом в принимающей стране, а также об их деловой (предпринимательской) активности. В Грузии доля возвратных посетителей составляет 74–76 %, доля первых посещений страны – 24–26 %, при этом международные посещения из Азербайджана и Армении – это на 95–99 % возвратные визиты, из России и Турции – на 71–76 %.

Более 43 % международных посетителей прибывают в Грузию для отдыха, досуга и рекреации, причем их доля растет (с 37 % в 2013 г.). Популярными целями у туристов являются гастрономические впечатления (грузинская кухня и вино), пляжный отдых на Черном море, посещение религиозных, исторических и культурных достопримечательностей, посещение национальных парков и других природных объектов. Сокращается доля международных посещений с целью посещения друзей и родственников – до 19 % (с 26 % в 2013 г.), наблюдается рост количества международных посещений с профессиональными и бизнес-целями – до 11 % (с 4 % в 2013 г.), доля транзита не меняется и составляет 16–18 % (рис. 3).

Важнейшим фактором, влияющим на приток международных туристов и экскурсантов в страну, является наличие относительно развитого и недорогого транспортного сообщения. В Грузию 74–77 % международных посетителей пребывают автомобильным транспортом, 22–25 % – авиатранспортом, около 1 % – железнодорожным транспортом, и только полпроцента – морским.

Рис. 3. Цели международных посещений Грузии в 2019 г.

Источник: составлено авторами на основе годового отчета за 2019 г. Национальной туристической администрации Грузии. URL: <https://gnta.ge/>

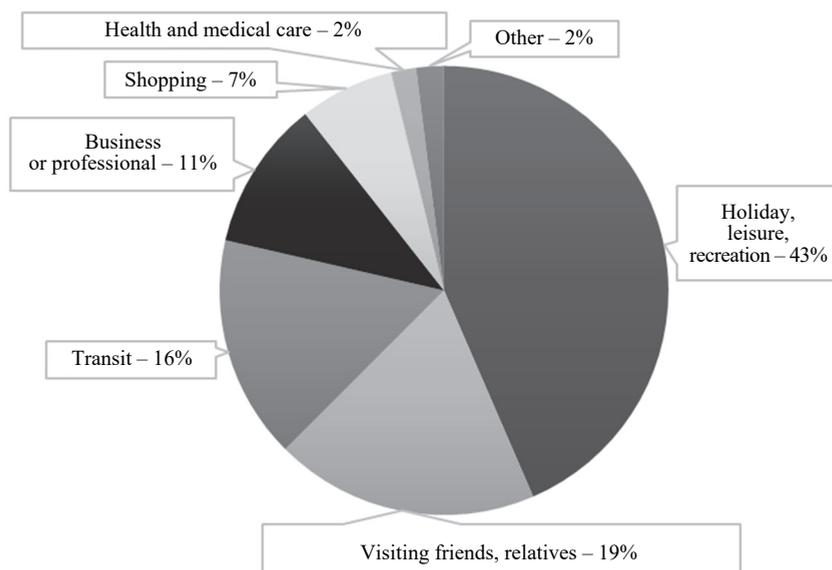

Figure 3. Main purposes of international visitors to Georgia in 2019

Source: developed by the authors on the base of Georgian National Tourism Administration' Report 2019. Retrieved from <https://gnta.ge/>

Примечательно, что в распределении международных посещений по средствам размещения только 48 % приходится на организованную, специализированную инфраструктуру – гостиницы, гостевые дома и хостелы, и практически столько же – 49 % – на неорганизованный частный сектор – частные дома, квартиры, апартаменты и комнаты в аренду, а также частные дома друзей и родственников (рис. 4). Это обусловлено относительно низкой платежеспособностью большинства международных посетителей, недостаточностью развития туристической инфраструктуры Грузии, а также невысоким уровнем доходов самого населения страны, в том числе в крупнейших городах.

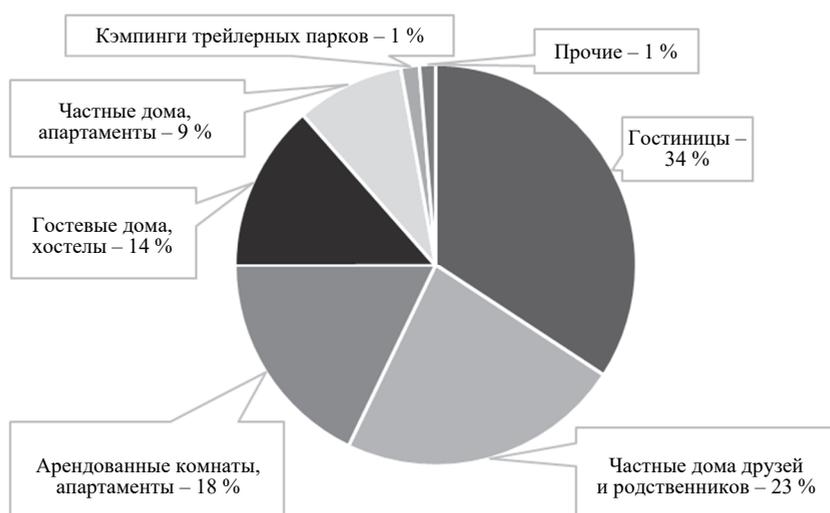

Рис. 4. Распределение международных посещений Грузии по средствам размещения в 2019 г.

Источник: составлено авторами на основе годового отчета за 2019 г. Национальной туристической администрации Грузии. URL: <https://gnta.ge/>

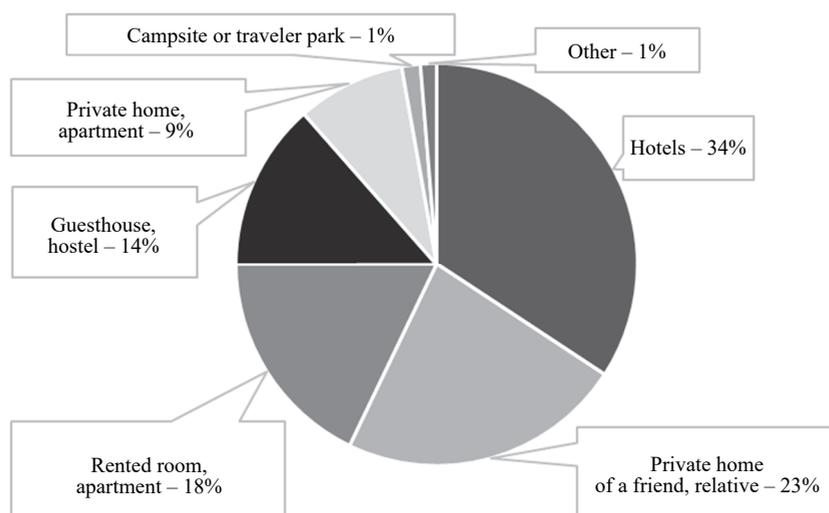

Figure 4. Distribution of international visitor trips to Georgia by types of accommodation in 2019

Source: developed by the authors on the base of Georgian National Tourism Administration' Report 2019. Retrieved from <https://gnta.ge/>

Наибольшее количество международных посещений (около 85 %) приходится на два региона Грузии – Тбилиси – 54,6 % и Аджарскую Автономную Республику – 30,2 %, далее следуют Квемо-Картли – 17,0 % и Мцхета-Мтианети – 16,9 %, остальные регионы привлекают намного меньшее число международных посетителей: Самцхе-Джавахетия – 6,6 %, Кахетия – 6,5 %, Имеретия – 4,9 %, Шида-Картли – 3,1 %, Самегрело – Верхняя Сванетия – 2,8 %, Гурия – 1,3 %, Рача-Лечхуми и Нижняя Сванетия – 0,2 %. Суммарно указанные доли регионов превышают 100 %, поскольку за один визит международный посетитель может посетить не один, а сразу несколько регионов страны. Если посмотреть распределение международных посещений только с целью отдыха, досуга и рекреации, то доли регионов несколько меняются – еще больше усиливается роль Тбилиси – 55,9 %, Аджарской Автономной Республики – 54,3 % и Мцхета-Мтианети – 23,6 %, далее доли распределяются следующим образом: Кахетия, Самцхе-Джавахетия, Имеретия – по 8–10 % каждый регион, Самегрело – Верхняя Сванетия, Шида-Картли – по 4,5–5 %, Гурия, Квемо-Картли – по 2,7 %, Рача-Лечхуми и Нижняя Сванетия – 0,2 %. Четыре самых посещаемых с целью отдыха, досуга и рекреации места в Грузии – Тбилиси – 55,9 %, Батуми – 51,8 %, Мцхета – 13,5 % и Казбеги – 12,1 %, далее следуют Кутаиси – 7,8 %, Сигнаги – 7,7 %, Боржоми – 6 % и Гудаури – 6,3 %.

Сектор туризма играет важнейшую роль как для отдельных регионов страны, так и для экономики Грузии в целом. Доля туристической отрасли в ВВП страны по данным Национального статистического офиса Грузии составляла от 6 до 8,4 % в 2010–2020 гг., по оценкам Всемирного совета по путешествиям и туризму (WTTC) прямой вклад путешествий и туризма в ВВП Грузии еще выше – в 2019 г. он составил 9,3 %, а к 2028 г. ожидается рост показателя до 10,5 %. Основной вклад в общую добавленную стоимость, производимую в секторе туризма, вносят (в среднем в год за последние 5 лет): наземный и водный транспорт – 38–39 %, средства размещения – 35 %, организации общественного питания – 21 %, турагентства и туроператоры – 3–4 %, воздушный транспорт – 3–4 % (табл. 8).

Таблица 8

Вклад сектора туризма в экономическое развитие Грузии в 2010–2020 гг., млн лари

	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010
Общая добавленная стоимость в секторе туризма, в том числе:	2548	3630	3016	2597	1968	1956	1737	1660	1683	1579	1370
– наземный и водный транспорт	1087	1099	987	977	798	823	854	831	964	1002	891
– воздушный транспорт	114	154	109	74	33	36	31	39	25	44	61
– размещения	774	1560	1185	861	594	606	430	396	333	249	176
– услуги по питанию и на-питкам	547	664	615	576	460	417	371	349	331	260	208
– деятельность турагентств, туроператоров	26	154	120	110	82	74	50	45	28	25	34
– ВВП в базовых ценах	43 266	43 138	38 779	35 348	31 556	30 197	27 661	25 538	24 252	22 622	19 286
Доля туризма в ВВП, %	5,9	8,4	7,8	7,3	6,2	6,5	6,3	6,5	6,9	7,0	7,1

Источник: составлено авторами по данным Национальной туристической администрации Грузии. URL: <https://gnta.ge/statistics/>

Table 8

The role of tourism sector in the economic development of Georgia in 2010–2020, mln lari

	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010
Gross value added of tourism industries, of which:	2548	3630	3016	2597	1968	1956	1737	1660	1683	1579	1370
– water and land transport	1087	1099	987	977	798	823	854	831	964	1002	891
– air transport	114	154	109	74	33	36	31	39	25	44	61
– Accommodation	774	1560	1185	861	594	606	430	396	333	249	176
– food and beverage service activities	547	664	615	576	460	417	371	349	331	260	208
– travel agencies, tour operator reservation services and related activities	26	154	120	110	82	74	50	45	28	25	34
– GDP in basic prices	43 266	43 138	38 779	35 348	31 556	30 197	27 661	25 538	24 252	22 622	19 286
Share of tourism in GDP, %	5.9	8.4	7.8	7.3	6.2	6.5	6.3	6.5	6.9	7.0	7.1

Source: developed by the authors on the base of Georgian National Tourism Administration' Statistics. Retrieved from <https://gnta.ge/statistics/>

С учетом значения индустрии туризма и экспорта путешествий для страны, уже с середины 1990-х гг. Грузия в качестве приоритетной задачи ставит развитие туристической отрасли. Так, были приняты Законы о туризме 1995 и 1997 гг., неоднократно предпринимались попытки реализации разработанных на государственном уровне стратегий развития туристической отрасли. В 2016 г. Грузия утвердила новую «Национальную стратегию развития туризма до 2025 года». Документ разрабатывался в течение года совместно со Всемирным банком и международной консалтинговой компанией Solimar International, с проведением широких консультаций с туроператорами, транспортными компаниями, инвесторами, ответственными за охраняемые территории и памятники культурного наследия структурами, центральными и местными органами власти.

Стратегия состоит из двух частей: в первой анализируются потенциал отрасли и основные факторы, препятствующие ее развитию и притоку инвестиций; во второй представлены рекомендации и план действий по реализа-

ции Стратегии с определением сроков выполнения, целевых показателей², круга ответственных правительственных институтов. По существу, Стратегия направлена на развитие туристической инфраструктуры, создание условий для привлечения инвестиций, трансформацию туристических активов Грузии в туристические продукты, диверсификацию стран притока с ориентацией на более платежеспособных туристов с самым высоким уровнем потенциальных расходов из стран Западной Европы, Северной Америки и Восточной Азии. По словам регионального директора Всемирного банка по Южному Кавказу Мерси Тембон «Стратегия предназначена для формирования «дорожной карты» по повышению ценности, рентабельности и устойчивости туристической индустрии Грузии»³.

Для достижения запланированных целей Стратегией предусмотрены достаточно типичные для развития туристической сферы действия, которые условно можно разделить на несколько групп: 1) совершенствование выработки решений по развитию туризма (улучшение сбора и анализа данных, мониторинг, оценка возможностей, взаимодействие государства, неправительственных организаций, частного сектора, профессиональных и бизнес сообществ, гибкость и адаптивность стратегии развития); 2) стимулирование притока иностранных⁴ и национальных инвестиций (совершенствование законодательной базы, улучшение бизнес-среды); 3) продвижение туристических продуктов Грузии на зарубежных рынках (проведение рекламных, маркетинговых, информационных компаний, охват большего количества стран); 4) повышение качества и конкурентоспособности туристических услуг (обеспечение сохранности и защита объектов природного и культурного наследия Грузии, их популяризация и использование для получения уникальных и аутентичных туристических продуктов). Помимо традиционных для Грузии пляжного и горнолыжного туризма правительство страны в ближайшие годы намерено поощрять развитие культурно-исторического, рекреационно-оздоровительного туризма и спа-центров, приключенческого (пешие маршруты, лыжный, морской, речной спорт), сельскохозяйственного и делового (MICE⁵) туризма⁶.

Будущие перспективы развития туризма в Грузии очень высоки – страна обладает уникальной культурой, традициями, историей, разнообразием природных зон и ландшафтов. Уникальное географическое положение делает Грузию срединной точкой Европы, Ближнего Востока и Центральной Азии.

² Так, к 2025 г. запланировано увеличение доходов от туризма до 5,5 млрд долл., а численности международных посещений – до 11 млн чел., что, соответственно, в 3 и в 2 раза больше, чем в 2015 г. Численность занятых в сфере туризма должна вырасти на 85 %, прямые иностранные инвестиции – на 63 %, средняя продолжительность пребывания посетителей в Грузии увеличиться до 5,3 дней, а средний «чек» на посетителя – до 500 долл.

³ Abashidze Z. Georgian Tourism Development Strategy 2025 // Forbes Georgia. 2016, October 4. URL: <https://forbes.ge/georgian-tourism-development-strategy-2025/> (accessed: 15.04.2021).

⁴ Усилия по привлечению иностранных инвестиций в туристическую отрасль Грузии совместно предпринимают Торговая палата Грузии и государственное агентство «Энтерпрайз Джорджия».

⁵ MICE (от англ. Meetings, Incentives, Conferences, Exhibitions) – область индустрии делового туризма, связанная с организацией и проведением различных корпоративных мероприятий.

⁶ Strategy for tourism development in protected areas in Georgia. Transboundary Joint Secretariat for the Southern Caucasus, 2015.

А динамика и характер роста туристической отрасли и экспорта путешествий за последнее десятилетие свидетельствуют об успешности реализации туристического потенциала страны.

Заключение

Несмотря на то, что принятая в Грузии среднесрочная стратегия развития туризма 2015 г. является более прагматичной, чем аналогичная стратегия 2008 г., предусматривает конкретные цели и конкретные практические действия для их достижения, на наш взгляд, целесообразно ее дополнить программами туристического развития каждого региона Грузии, а также программами развития каждого вида туризма. По нашему убеждению, государственные и региональные органы власти должны: 1) обеспечить развитие базовой инженерной и транспортной инфраструктуры, туристической инфраструктуры мест общего пользования; 2) разработать комплексное и четкое видение туристической специализации той или иной местности; 3) в соответствии со специализацией установить единые «стандарты застройки» местности туристическими объектами, в том числе для создания стилистического образа отдаленных от крупнейших городов территорий; 4) разработать систему связанных туристических мероприятий (фестивалей, ярмарок, праздничных мероприятий и т.д.) в различных регионах страны и периодичность их проведения; 5) сформировать связанную инфраструктуру для дешевого автомобильного туризма по всей территории страны; 6) усовершенствовать законодательную базу туристической деятельности, в частности на срок окупаемости проектов предоставлять налоговые и таможенные льготы для инвесторов, осуществляющих строительство инфраструктурных и других туристических объектов, в привязке к созданию дополнительных рабочих мест с более высоким, чем в среднем по региону, уровнем заработной платы и к социальной и бюджетной эффективности проектов, при этом приоритетно льготы должны предоставляться для граждан Грузии и грузинских компаний; 7) финансировать развитие туризма, в том числе с помощью заемных средств, привлеченных на мировых финансовых рынках и от международных и региональных финансовых организаций.

В развитии туристической отрасли и экспорта туристических услуг у Грузии, как у малой экономики с достаточной узкой специализацией и концентрацией внешней торговли на ограниченном количестве зарубежных рынков, экономические интересы должны превалировать над политическими. В конечном счете целью государственной туристической политики должно быть развитие регионов, рост государственных доходов, повышение благосостояния, уровня и качества жизни населения Грузии.

Список литературы

- Андропова И.В., Катamadзе А. Трансформация экономической политики Грузии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2018. Т. 26. № 2. С. 212–223. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-2-212-223>
- Деточенко Л.В. Особенности развития туризма в Грузии как отрасли, способствующей экономическому росту страны // Вестник Удмуртского университета. Серия: Биология. Науки о Земле. 2019. Т. 29. Вып. 2. С. 279–289.
- Кривицкий В.О. Геоэкономические интересы Российской Федерации в Республике Грузия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2013. № 2. С. 76–81.

- Стус О.В. Применение опыта налогообложения в Грузии для развития сферы туризма Кыргызстана // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2020. Т. 6–2 (45). С. 230–234. <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-10733>
- Шарабидзе Н.Р. Изучение перспективы развития этнотуризма в регионах Грузии // *European Science*. 2019. № 4 (46). С. 20–22.
- Шарабидзе Н.Р. Роль государства в развитии туризма в регионах Грузии // *Вестник науки и образования*. 2018. Т. 1. № 1 (37). С. 31–34
- Шиолашвили Г. Внешняя торговля Грузии в условиях развития интеграционных процессов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2020. Т. 28. № 2. С. 367–384. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-2-367-384>
- Dyuzheva N.V., Shiolashvili G. Impact of the Free Trade Agreement on the foreign trade of Georgia with GUAM countries // *Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap. ISC 2019. Lecture Notes in Networks and Systems / ed. by E.G. Popkova, B.S. Sergi. Cham: Springer, 2021. Vol. 198. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_216*

References

- Andronova, I.V., & Katamadze, A. (2018). Transformation of the economic policy of Georgia. *RUDN Journal of Economics*, 26(2), 212–222. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-2-212-223>
- Detochenko, L.V. (2019). Features of development of tourism in Georgia as an industry contribution to economic growth of the country. *Bulletin of Udmurt University. Series: Biology. Earth Sciences*, 29(2), 279–289. (In Russ.)
- Dyuzheva, N.V., & Shiolashvili, G. (2021). Impact of the Free Trade Agreement on the foreign trade of Georgia with GUAM countries. In E.G. Popkova & B.S. Sergi (Eds.), *Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap. ISC 2019. Lecture Notes in Networks and Systems* (vol. 198). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_216
- Krivickij, V.O. (2013). Goeconomic interests of the Russian Federation in the Republic of Georgia. *RUDN Journal of Economics*, (2), 76–81. (In Russ.)
- Sharabidze, N.R. (2018). Role of the state for tourism development in regions of Georgia. *Bulletin of Science and Education*, 1(1(37)), 31–34. (In Russ.)
- Sharabidze, N.R. (2019). Studying of prospect of development of ethnotourism in regions of Georgia. *European Science*, (4(46)), 20–22. (In Russ.)
- Shiolashvili, G. (2020). Foreign trade of Georgia in the context of the development of integration processes. *RUDN Journal of Economics*, 28(2), 367–384. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-2-367-384>
- Stus, O.V. (2020). Application of experience of taxation in Georgia for the development of the sphere of tourism of Kyrgyzstan. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 6–2(45), 230–234. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-10733>

Сведения об авторах / Bio notes

Шиолашвили Гиорги, координатор по вопросам сотрудничества с зарубежными вузами и программам обмена студентами, Университет Святого Андрея Первозванного Патриархата Грузии. E-mail: ge2gia@gmail.com

Giorgi Shiolashvili, coordinator of Communication with Foreign Universities and Exchange Programs, Saint Andrew the First-Called Georgian University of the Patriarchate of Georgia. E-mail: ge2gia@gmail.co

Дюжева Наталья Валерьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0000-0001-7976-4297. E-mail: dioujeva@yandex.ru

Nataliya V. Dyuzheva, Ph.D in Economics, Associate Professor of the Department of International Economic Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). ORCID: 0000-0001-7976-4297. E-mail: dioujeva@yandex.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-4-739-749

УДК 339.5:339.9

Научная статья / Research article

Торговые отношения России со странами Северной Африки в продовольственной сфере: состояние, проблемы и перспективы

И.Н. Белова , М.А. Аль-Хамати

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6*

 ibelova03@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время Россия активно выстраивает экономическое взаимодействие с государствами африканского континента. Исследование посвящено состоянию торговых связей России со странами Северной Африки. Анализируются динамика товарооборота в торговле продовольственными товарами и сырьем между странами, товарная структура экспорта и импорта, место стран данного региона в российском экспорте и импорте сельскохозяйственного сырья и продовольствия, влияние факторов, стимулирующих и тормозящих торговые отношения между странами. Обосновывается значимость рынков указанных стран для взаимных поставок; выявляются проблемы и перспективы расширения торговых отношений между данными странами в продовольственной сфере.

Ключевые слова: Россия, страны Северной Африки, продовольственные товары, сельскохозяйственное сырье, экспорт, импорт

История статьи: поступила в редакцию 28 апреля 2021 г.; проверена 25 мая 2021 г.; принята к публикации 20 августа 2021 г.

Для цитирования: Белова И.Н., Аль-Хамати М.А. Торговые отношения России со странами Северной Африки в продовольственной сфере: состояние, проблемы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29. № 4. С. 739–749. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-739-749>

Trade relations between Russia and the countries of North Africa in the food sector: state, problems and prospects

Irina N. Belova , Mohammed Abduljalil Al-Hamati

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

 ibelova03@yandex.ru

Abstract. Currently, Russia is actively building economic cooperation with the states of the African continent. The state of trade relations between Russia and the countries of North Africa is studied. The dynamics of trade turnover, both in value and in physical volume,

the commodity structure of exports and imports, the place of the countries of this region in the Russian export and import of agricultural raw materials and food, the influence of factors that stimulate and hinder trade relations between the countries are analyzed. The importance of the markets of the countries for mutual supplies is substantiated; the problems and prospects of expanding trade relations between these countries in the food sector are identified.

Keywords: Russia, North African countries, food products, agricultural raw materials, export, import

Article history: received April 28, 2021; revised May 25, 2021; accepted August 20, 2021.

For citation: Belova, I.N., & Al-Hamati, M.A. (2021). Trade relations between Russia and the countries of North Africa in the food sector: State, problems and prospects. *RUDN Journal of Economics*, 29(4), 739–749. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-739-749>

Введение

Развитие отношений России и стран Северной Африки имеют давнюю историю и всегда строились на основе дружбы и взаимоуважении.

И. Абрамова, директор Института Африки РАН отмечает, что в настоящее время «Немногим менее 90 % российской торговли (с Африканским континентом ред. авторов) приходится на семь стран – Египет, Алжир, Марокко, ЮАР, Тунис, Нигерию и Судан»¹. Из семи названных стран – пять стран относятся к региону Северной Африки.

В продовольственной и сельскохозяйственной сфере наиболее значимыми партнерами России в этом регионе являются Египет, Алжир, Марокко, Судан. Активизируются торговые связи с Тунисом и Ливией.

Россию с этими странами связывают многолетние дружелюбные отношения и взаимные интересы в политической и экономической сферах, которые получили развитие сразу после провозглашения независимости этих государств. Первое торговое соглашение с Египтом было подписано в 1948 г., с Тунисом – в 1957 г., с Марокко – в 1958г., с Суданом – в 1959 г., с Алжиром и Ливией – в 1963 г.

Начиная с 1960-х гг. и до распада СССР, страны Северной Африки выступали основными торговыми контрагентами Советского Союза на континенте. На них приходилась большая часть торгового оборота СССР с Африкой, а также значительная доля советского экономического и технического содействия Африке. Наиболее широкое и диверсифицированное содействие было оказано Алжиру и Египту (Абрамова, Фитуни, 2019). К началу 1990-х гг. только в Алжире было введено в эксплуатацию 71 и в Египте 97 объектов из 257, построенных на континенте при техническом содействии СССР².

Распад СССР привел к резкому сокращению всех форм российско-африканского сотрудничества, включая торговлю (табл. 1). Этому способ-

¹ Почему Россия спустя десятилетия после распада СССР возвращается в Африку: интервью с И. Абрамовой // Российская газета. 2019. URL: <https://rg.ru/2019/12/03/pochemu-rossiia-cherez-tridcat-let-vozvrashchaetsia-v-afriku.html> (дата обращения: 20.04.2021).

² Внешнеэкономические связи СССР в 1990 г. // Статистический сборник. 1991. URL: http://istmat.info/files/uploads/18164/vneshnie_ekonomicheskie_svyazi_sssr_v_1990_g.pdf (дата обращения: 20.04.2021).

ствовало и обострение политической нестабильности в регионе: гражданская война в Алжире в 90-е гг., и крах ряда режимов, что также сыграло негативную роль. В этой связи существенное расширение торговых операций со странами Северной Африки в первом десятилетии XXI века носило, по сути, восстановительный характер (Волков, Ткаченко, 2019). В дальнейшем достигнутые темпы роста взаимной торговли в целом удалось удержать.

Таблица 1

Товарооборот России со странами Северной Африки в 2000–2020 гг., млн долл.

Годы	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Товарооборот, всего	829,9	2368,7	5134,7	6585,0	10192,9	8596,2	15006	11547	9597

Источник: Внешняя торговля России. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-marokko-v-2019-g/> (дата обращения: 20.04.2021); Статистика внешней торговли России. URL: <https://statimex.ru/statistic/all/export/201901-201912/LY/RU/> (дата обращения: 20.04.2021).

Table 1

Russia's trade turnover with the countries of North Africa, 2000–2020, USD million

Years	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Total trade turnover	829.9	2368.7	5134.7	6585.0	10192.9	8596.2	15006	11547	9597

Source: Foreign trade of Russia. Retrieved April 20, 2021, from <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-marokko-v-2019-g/>; Russia's foreign trade statistics. Retrieved April 20, 2021, from <https://statimex.ru/statistic/all/export/201901-201912/LY/RU/>

К настоящему времени важной статьёй во взаимном товарообороте становятся продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье.

Так, согласно данным ФТС, в структуре российского экспорта в страны Африки в 2019 г. 24 % составили машины, оборудование и транспортные средства, 22,4 % – продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье.

В структуре российского импорта в 2019 г. большая часть – 56,8 % – пришлось на продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье³.

Главным экспортным товаром из России выступает зерно (в частности пшеница – 90 %, на втором месте ячмень). Страны Северной Африки являются важными рынками сбыта для поставок российского зерна.

Основу же российских закупок в регионе составляют плодовоовощные товары. В качестве основных поставщиков выделяются, практически, все страны Северной Африки: Алжир, Египет, Тунис – финики; Марокко, Египет – цитрусовые; Марокко, Египет – ягоды, киви, хурма; помидоры – Египет, Марокко, Тунис; картофель – Египет, Марокко.

В то же время сложившиеся к настоящему времени торговые связи России со странами Северной Африки в продовольственной сфере, используется далеко не в полной мере, как со стороны нашей страны, так и ее партнеров.

³ Россия – Африка: старые друзья и перспективные партнеры // ТАСС. 2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10621831> (дата обращения: 20.04.2021).

Потенциал роста российского экспорта имеют не только зерновые (пшеница, ячмень, кукуруза), то есть сырьевые товары, но и продукты их переработки (макаронные изделия, мука и т. д.), а также, подсолнечное масло, мясо птицы, кондитерские изделия, молочные продукты (сухое молоко), в которых есть потребность на североафриканском рынке, но поставки которых осуществляются фрагментарно и в небольших размерах.

В этой связи рассмотрение текущего состояния торговых отношений России со странами этого региона в продовольственной сфере, позволит выявить перспективные пути и формы взаимодействия; наметить основные векторы их развития, направленные на диверсификацию и увеличение взаимных поставок на рынки друг друга, а также способствующие инвестиционному сотрудничеству в этой сфере.

Методология

Методологической основой исследования стало сочетание различных широко используемых методов. Основными методами исследования стали поиск, систематизация, оценка и структурно-динамический анализ макроэкономических показателей, характеризующих современное состояние российско-североафриканских отношений на рынке сельскохозяйственного сырья и продовольствия; анализ стоимостных показателей экспорта и импорта в этой сфере; их географическую и товарную структуру. При выявлении факторов и тенденций развития изучаемого рынка использовался метод статистического наблюдения.

Обзор литературы

Для реализации поставленной цели авторы опирались на труды российских ученых экономистов и экспертов в области изучения экономики Африки, внешней торговли стран Северной Африки: И. Абрамовой (2019), Л. Фитуни (2019), С. Волкова (2019), А. Ткаченко (2019), В. Кузнецова (2018), А. Кузнецова (2018); информацию сайтов специализированных внешнеторговых организаций РФ.

Для проведения исследования авторами были использованы статистические данные официальных сайтов «Внешняя торговля РФ», «Статистика внешней торговли РФ», Федерального центра развития экспорта продукции АПК Минсельхоза России, Федеральной таможенной службы РФ.

Анализ состояния торговли между Россией и странами Северной Африки в сфере сельскохозяйственного сырья и продовольствия

С начала восстановления торговых отношений между Россией и странами региона доля по статье «продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье», как по экспортным, так и по импортным операциям, в целом, имеет тенденцию к росту. К настоящему времени наибольших размеров товарооборот по этой статье достигнут в торговле с Египтом, Марокко, Суданом и Алжиром. Россия имеет положительное сальдо торгового баланса со своими партнерами кроме Марокко (табл. 2).

Наибольшие объемы (стоимостные и физические) экспортных поставок России приходятся на рынки Египта, Судана и Алжира. Для Египта и Судана 90 % – это зерно (пшеница). Для Алжира – соевое масло (жиры и масла животного или растительного происхождения). Основной статьей экспорта в остальные страны также выступает пшеница.

Таблица 2

Торговля России сельскохозяйственным сырьем и продовольствием со странами Северной Африки 2019 г., млн долл.

Страна	Товарооборот (с/х сырье и продовольствие)	Доля от всего товарооборота в страну, %	Экспорт (с/х сырье и продовольствие)	Доля от всего экспорта в страну, %	Импорт (с/х сырье и продовольствие)	Доля от всего импорта в страну, %
Египет	1854	30	1470	27	384	80
Марокко	429	33	113	15	316	62
Алжир	144	4	137	4	7	80
Тунис	42	6	28	5	14	10
Судан	205	74	205	90	–	–
Ливия	94	61	94	61	–	–

Источник: рассчитано по: Внешняя торговля России. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-marokko-v-2019-g/> (дата обращения: 20.04.2021); Статистика внешней торговли России. URL: <https://statimex.ru/statistic/all/export/201901-201912/LY/RU/> (дата обращения: 20.04.2021).

Table 2

Russia's trade in agricultural raw materials and food with the countries of North Africa in 2019, USD million

Country	Trade turnover of agriculture raw materials and food products	Share of total trade turnover to the country, %	Export of agriculture raw materials and food products	Share from the total export to the country, %	Import of agriculture raw materials and food products	Share from the total import to the country, %
Egypt	1854	30	1470	27	384	80
Morocco	429	33	113	15	316	62
Algeria	144	4	137	4	7	80
Tunisia	42	6	28	5	14	10
Sudan	205	74	205	90	–	–
Libya	94	61	94	61	–	–

Source: calculated based on: Foreign trade of Russia. Retrieved April 20, 2021, from <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-marokko-v-2019-g/>; Russia's foreign trade statistics. Retrieved April 20, 2021, from <https://statimex.ru/statistic/all/export/201901-201912/LY/RU/>

Как видно из табл. 2 доля российской сельскохозяйственной продукции и продовольствия на рынке Туниса и Алжира довольно скромная, поскольку для этих стран традиционными торговыми партнерами в этой сфере являются страны Западной Европы, в частности Франция, а также Аргентина, Бразилия, Австралия, выступающие на мировом рынке крупными поставщиками сельскохозяйственной продукции.

Из данных таблицы также видно, что основной объем товарооборота России в сфере сельскохозяйственного сырья и продовольствия в 2019 г. был сформирован за счет взаимных торговых операций с Египтом. Эта страна на сегодняшний день является для России ключевым партнером в этом

регионе, да и во всей Африке, с которым в настоящее время сложились наиболее устойчивые экономические связи. Египет занимает 5 место среди основных покупателей российской сельскохозяйственной продукции и 2 место – по закупкам пшеницы. В 2020 г. на рынок этой страны было поставлено сельскохозяйственной продукции почти на 2 млрд долл. (табл. 3)

Таблица 3

**Динамика товарооборота России с Египтом
в торговле сельскохозяйственным сырьем и продовольствием, млн долл.**

	2016	2017	2018	2019	2020
Экспорт	1241,7	1779,9	2147,0	1469,7	1956,2
Импорт	288,6	404,4	421,3	384,3	419,7
Товарооборот	1530,3	2184,3	2568,3	1854,0	2375,9

Источник: The DairyNews. <https://www.dairynews.ru/news/v-2020-godu-tovarooborot-mezhdu-rossiy-i-egiptom-.html> (дата обращения: 20.04.2021).

Table 3

**Dynamics of trade turnover between Russia and Egypt
in the trade of agricultural raw materials and food, USD million**

	2016	2017	2018	2019	2020
Export	1241.7	1779.9	2147.0	1469.7	1956.2
Import	288.6	404.4	421.3	384.3	419.7
Trade turnover	1530.3	2184.3	2568.3	1854.0	2375.9

Source: The DairyNews. Retrieved April 20, 2021, from <https://www.dairynews.ru/news/v-2020-godu-tovarooborot-mezhdu-rossiy-i-egiptom-.html>

Следует отметить, что причиной сокращения российского экспорта в 2019 г., которое иллюстрирует табл. 3, послужили усиление конкуренции и изменение конъюнктуры на мировом рынке зерна, включая египетский. Франция, Украина и Румыния предложили на рынках Северной Африки зерно сопоставимого качества с российским по более низкой цене.

Как показал 2020 г., сокращение закупок российской пшеницы было явлением временным, и ситуация изменилась к лучшему. Поставки пшеницы в Египет в 2020 г. показали рост на 521 648 117 долл. по сравнению с 2019 г. (табл. 4), а снижение общих объемов поставок уже было связано с пандемией, в результате которой многие страны, как экспортеры, так и импортеры, ограничили вывоз или доступ на свои рынки продовольственных товаров.

Таблица 4

Показатели экспорта пшеницы из России в Египет

Наименование товарной группы	Экспорт в 2020 г., долл. США	Доля в экспорте с/х и продовольствия	Экспорт в 2019 г., долл. США	Изменения в 2020 г. относительно 2019 г.
Злаки (пшеница)	1 796 954 469	92 %	1 275 306 352	40,90 %

Источник: рассчитано по: официальный сайт Внешняя торговля России <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-egiptom-v-2020-g/> (дата обращения: 20.04.2021)

Indicators of wheat exports from Russia to Egypt

Commodity group name	Export in 2020, US doll.	Share in export of agriculture raw materials and food products	Export in 2019, US doll.	Changes in 2020 to 2019
Cereals (wheat)	1 796 954 469	92%	1 275 306 352	40,90%

Source: calculated based on: Foreign trade of Russia. Retrieved April 20, 2021, from <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-egiptom-v-2020-g/>

Помимо пшеницы Россия является крупнейшим поставщиком сырого подсолнечного масла в эту страну с долей более 60 %, а также входит в четверку ведущих поставщиков подсолнечного шрота и жмыха. В 2020 г. Египет импортировал 327 тыс. т сырого подсолнечного масла и 159 тыс. т подсолнечного шрота и жмыха⁴.

В целом, нужно отметить, что в торговле продовольственными товарами и сырьем для обеих стран есть большой потенциал роста: заключаются соглашения на поставку в эту страну таких товаров, как молочная продукция (сухое молоко, сухая сыворотка, сливочное масло), мясо птицы, кондитерские изделия и др., то есть являющиеся продуктами переработки.

Важной основой для развития торговых отношений в рассматриваемой сфере выступает большой опыт взаимодействия двух стран, выстроенные логистические цепочки, и самое главное – взаимное желание укреплять торговые связи в условиях непростой складывающейся современной ситуации, связанной с нестабильностью этого региона, ростом неопределенности на мировых товарных рынках.

Отрицательное сальдо внешнеторгового оборота в североафриканском регионе Россия имеет только с Марокко. В то же время потенциал развития торгово-экономических отношений есть. Как отметил торговый представитель РФ в Марокко, Артем Цинамдзгвришвили, интерес к Марокко со стороны российского делового сообщества растет. Число обращений отечественных компаний в торговое представительство РФ в Марокко за три последних года выросло в три раза. И, что еще важнее, существенно выросло количество успешно завершенных сделок»⁵.

Постепенно расширяется номенклатура российского экспорта в эту страну, которая помимо масла и зерна, включает рис, шоколад, мед и др. Уже согласованы ветеринарные сертификаты на поставки мясной продукции, яиц, молочную продукцию.

Есть планы по созданию сети российских продовольственных магазинов, на прилавках которых будет присутствовать российские продовольственные товары (шоколадные конфеты, крупы, куриные наггетсы, кондитерские изделия, овощные консервы и др.).

⁴ Подсолнечное масло и подсолнечный шрот (Египет) / Федеральный центр развития экспорта продукции АПК Минсельхоза России. 2021. URL: <https://aemcx.ru/2021/07/20/экспортные-гиды-подсолнечное-масло> (дата обращения: 20.04.2021).

⁵ Российские поставки в Марокко в 2020 году показывают положительную динамику – торгпред РФ. 2020. URL: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/rossiyskie-postavki-v-marokko-v-2020-godu-pokazyvayut-polozhitelnuyu-dinamiku-torgpred-rf-1029857705> (дата обращения: 20.04.2021).

Россия и Судан восстанавливают торгово-экономические связи, по мере выхода последнего из затяжного политического и экономического кризиса, вызванного последствиями гражданской войны. Текущие торговые связи в основном сконцентрированы на поставках российской пшеницы, доля которой составляла как в 2019, так и в 2020 г. 90 и 91,15 % соответственно от всего российского экспорта в эту страну. Есть перспективы инвестиционно-сотрудничества в сельскохозяйственной сфере, в частности обсуждаются проекты строительства новых элеваторов в Судане.

Отношения России и Ливии, которая продолжает находиться в процессе урегулирования политического кризиса, полностью зависят от того насколько существующие условия позволяют их развивать. Пока регулярность поставок прослеживается только по зерновым, доля которых в российском экспорте в 2020 г. составила 80 % от общего объема поставок товаров в эту страну, увеличившись на 30 % по сравнению с 2019 г.⁶

Факторы, влияющие на развитие торговых отношений России со странами Северной Африки

Как показал анализ, результаты товарооборота между странами во многом определяются факторами и условиями, влияющими на их эффективность. Есть факторы, как стимулирующие, так и ограничивающие возможности реализации торгового потенциала обеих сторон.

После введения Россией в 2014 г. продовольственного эмбарго как ответной меры против санкционной политики стран Запада для поставок продовольствия из североафриканских стран открылись дополнительные возможности по замещению определенных видов фруктов и овощей, а также оливкового масла, поставщиками которых выступали европейские страны.

Например, свои доли на российском рынке потеряли Нидерланды (9,5 %); Польша (8,6 %); Испания (8,3 %); Украина (2,9 %), а также Бельгия, Франция, Италия, Литва и др. (Belova, Al-Hamati, 2021). В результате уже к 2017 г. на Северную Африку (Египет, Марокко, Тунис,) пришлось уже 31 % поставок, тогда как в 2013 г. менее 2 % (Кузнецов, 2018). Похожая ситуация складывается с томатами (причем от запрета на импорт в Россию продукции ЕС выгоду получили именно североафриканские страны).

На территории континентальной Европы большую конкуренцию этим странам на плодоовощном рынке составляет Испания со своими фруктами и овощами, поэтому странам Северной Африки важно развивать сотрудничество с Россией. Расширение торговых связей в сфере сельскохозяйственной продукции становится приоритетным направлением взаимодействия. В ряде случаев исчезли и посредники из ЕС в цепочках поставок в Россию. Обе стороны только выиграют от увеличения объемов прямой торговли.

Россия для Египта и Марокко является одним из ключевых покупателей плодоовощной продукции. Наша страна, например, является вторым по величине рынком сбыта продовольственной и сельскохозяйственной продукции из Марокко, что составляет около 18 % всего пищевого экспорта

⁶ Внешняя торговля России. 2021. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-sudanom -v-2020-g/> (дата обращения: 20.04.2021).

страны (Кузнецов, 2018). В этой связи марокканские и египетские производители не только проводят исследования российского рынка, но и пытаются разработать новые продукты специально для России.

Для России рынки североафриканских стран играют важную роль в поставках не только зерновых, но и возможностью продвижения на эти рынки продуктов переработки сельскохозяйственной продукции, в чем особенно заинтересованы отечественные производители.

Таким образом, обоюдная заинтересованность выступает ключевым фактором, стимулирующим стремление к реализации задач: выхода на внешние рынки, диверсификации внешнеэкономических связей.

В то же время нестабильная политическая и экономическая ситуация, существующая в этом регионе, вызывает опасения у частного бизнеса и представляет риски для поставщиков, что, не позволяет использовать сложившийся к настоящему времени экономический потенциал во внешнеэкономических связях России со странами Северной Африки в полной мере.

К сдерживающим факторам можно отнести сложности нормативно-правовой среды, стандарты, фитосанитарные нормы, получение сертификатов и т. д. Страны все еще применяют сложную систему пошлин и регламентов к другим странам, в том числе к России.

Активизируя развитие торгово-экономических отношений со странами североафриканского региона, нужно учитывать и такой фактор – что практически все его представители стремятся проводить такую внешнюю политику, которая дает им возможность гибкого взаимодействия с теми внешними партнерами, которые предоставляют наиболее привлекательные условия сотрудничества. Инвестиционная поддержка играет в этом вопросе определяющую роль.

Во многом успешность торговли между рассматриваемыми странами в сельскохозяйственной сфере будет зависеть от конъюнктуры на мировых рынках сельскохозяйственного сырья и продовольствия, движения мировых цен, валютного курса, а также сборов урожаев.

Заключение

Страны Северной Африки остаются для России важными рынками сбыта зерна и поставщиками на российский рынок плодовоовощной продукции.

Россия в настоящее время активизирует диверсификацию своих внешнеэкономических связей в сфере торговли продовольственными товарами и сельскохозяйственным сырьем с этими странами.

Помимо зерновых российская сторона готова расширить номенклатуру своего экспорта за счет включения продуктов их переработки, а также других поставок: подсолнечного масла, мяса птицы, кондитерских изделий и др., по которым АПК России наращивает свой экспорт, увеличивая в нем долю переработанной продукции.

Для обеих сторон торговля может быть более выгодной и стабильной, если она будет подкреплена инвестиционным сотрудничеством в сфере сельского хозяйства и производства продуктов питания. Взаимный интерес может вызвать создание свободных экономических зон, совместных пред-

приятый по переработке сельскохозяйственного сырья, в частности изделий из пшеницы, которая поставляется на рынки этих стран; предприятий по производству масла, кондитерских изделий; сетей российских продуктовых магазинов и др.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что успешность торгово-экономических отношений между Россией и странами Северной Африки в сфере продовольствия и сельскохозяйственного сырья с точки зрения возможности диверсификации и роста объемов поставляемых товаров, а также инвестиционного сотрудничества во многом будет зависеть от конкретных мер, предпринимаемых для реализации этой цели с обеих сторон.

Список литературы

- Абрамова И., Фитуни Л. Новая стратегия России на африканском направлении // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 12. С. 90–100. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-12-90-100>
- Волков С., Ткаченко А. Экономическое сотрудничество России со странами Северной Африки // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 7. С. 57–66. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-7-57-66>
- Кузнецов В.А. Россия в Северной Африке: капитализация успеха // *Уральское востоковедение*. 2018. С. 70–89. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/63490/1/uv8_2018_07.pdf (дата обращения: 19.07.2021).
- Кузнецов А. Торговля России с Африкой: новые явления в условиях «войны санкций» // *Международные процессы*. Т. 16. № 4 (55). С. 6–19. <https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.4.55.1>
- Belova I.N., Al-Hamati M.A. Russian market of vegetables and fruits: current state, dependence on imports, development prospects in the terms of modern globalization // *Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap*. Cham: Springer, 2021. Vol 198. Pp. 834–842. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_95

References

- Abramova, I.O., & Fituni, L.L. (2019). Russia's new started in the African direct. *World Economy and International Relations*, 63(12), 90–100. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-12-90-100>
- Belova, I.N., & Al-Hamati, M.A. (2021). Russian market of vegetables and fruits: Current state, dependence on imports, development prospects in the terms of modern globalization. *Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap* (vol 198, pp. 834–842). Cham, Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_95
- Kuznetsov, A.V (2018). Russian trade with Africa: New features in the context of the sanctions war between Moscow with the West. *International Trends*, 16(4), 6–19. (In Russ.) <https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.4.55.1>
- Kuznetsov, V.A. (2018). Russia in the North Africa: Capitalization of success. *Ural Survey of Oriental Studies*, (8), 70–89 (In Russ.) Retrieved April 20, 2021, from https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/63490/1/uv8_2018_07.pdf
- Volkov, S.N., & Tkachenko, A.A. (2019). Economic collaboration of Russian Federation with North African countries. *World Economy and International Relations*, 63(7), 57–66. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-7-57-66>

Сведения об авторах / Bio notes

Белова Ирина Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры международных экономических отношений, экономический факультет, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0000-0002-0397-9790. E-mail: ibelova03@yandex.ru

Irina N. Belova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). ORCID: 0000-0002-0397-9790. E-mail: ibelova03@yandex.ru

Аль-Хамати Мохаммед Абдулджалиль, аспирант, кафедра международных экономических отношений, экономический факультет, Российский университет дружбы народов. E-mail: mohammed3@mail.ru

Mohammed Abduljalil Al-Hamati, postgraduate student, Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: mohammed3@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-4-750-762

УДК 52(339.92+327)

Научная статья / Research article

Актуальные тенденции торгово-экономического сотрудничества Японии со странами – членами ШОС

К.А. Корнеев

Институт Дальнего Востока Российской академии наук,
Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр-кт, д. 32

✉ k_korneev@mail.ru

Аннотация. Рассматривается японская экономическая политика в отношении стран – членов ШОС, которая выстраивается на основе долгосрочных интересов Японии в азиатском регионе. Шанхайская организация сотрудничества достаточно разнородна: одни страны (Индия, Китай) движутся в высокоскоростном сегменте мировой экономики и имеют годовой прирост ВВП (без учета падения в 2020 г., вызванного пандемией) на уровне 5 % и более, в то время как другие (например, Россия) находятся в низкоскоростном сегменте. Это формирует различное наполнение внешней экономической политики Японии по отношению к отдельным государствам ШОС, но просматривается и ряд общих тенденций, обусловленных сложившейся структурой японского экспорта/импорта. Уже не первое десятилетие перед Японией стоит сложная задача выхода из продолжительной экономической стагнации не только путем внутренних реформ, но и через расширение границ своей внешнеторговой деятельности, и страны ШОС с их емкими внутренними рынками, испытывающими недостаток высокотехнологичной продукции, входят в число перспективных направлений для японского экспорта. Поэтому значительный научный интерес представляет актуальное содержание японской внешнеэкономической политики на пространстве ШОС.

Ключевые слова: Япония, Шанхайская организация сотрудничества, внешняя экономическая политика, торгово-экономические отношения, текущее состояние сотрудничества, перспективы сотрудничества

История статьи: поступила в редакцию 27 июня 2021 г.; проверена 15 августа 2021 г.; принята к публикации 6 сентября 2021 г.

Для цитирования: Корнеев К.А. Актуальные тенденции торгово-экономического сотрудничества Японии со странами – членами ШОС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29. № 4. С. 750–762. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-750-762>

Current trends in Japan's economic cooperation with the SCO member states

Konstantin A. Korneev

*Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences,
32 Nakhimovskii Prospekt, Moscow, 117997, Russian Federation*

✉ k_korneev@mail.ru

Abstract. The paper considers the Japanese economic policy towards the SCO member states, which is built on the basis of Japan's long-term interests in the Asian region. The Shanghai Cooperation Organization is quite diverse: some countries (India, China) are moving in the high-speed segment of the world economy and have annual GDP growth (excluding the fall in 2020 caused by the pandemic) at the level of 5% or more, while others (for example, Russia) are in the low-speed segment. This forms a different content of Japan's foreign economic policy in relation to the individual SCO states, but there are also a number of general trends due to the current structure of Japanese exports/imports. For more than a decade, Japan has been facing a difficult task of overcoming prolonged economic stagnation not only through internal reforms, but also through expanding the borders of its foreign trade activities, and the SCO countries with their capacious domestic markets experiencing a shortage of high-tech products are among the priority areas for Japanese exports. Therefore, the urgent content of Japanese foreign economic policy in the SCO area is of considerable scientific interest.

Keywords: Japan, Shanghai Cooperation Organization, foreign economic policy, trade relations, economic relations, current state of cooperation, prospects of cooperation

Article history: received June 27, 2021; revised August 15, 2021; accepted September 6, 2021.

For citation: Korneev, K.A. (2021). Current trends in Japan's economic cooperation with the SCO member states. *RUDN Journal of Economics*, 29(4), 750–762. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-750-762>

Введение

Следует сразу пояснить, что основная цель статьи – разобраться в том, какие существуют магистральные направления торгово-экономического сотрудничества между Японией и странами – членами ШОС, и какие факторы влияют на их текущее состояние. Японские товары, поставляемые в отдельные страны Организации, могут в дальнейшем перемещаться как часть потоков трансграничной торговли в рамках ШОС, пусть пока государства – члены этого объединения напрямую не связаны соглашениями о свободной торговле. В пределах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) идет постепенное снижение средневзвешенного импортного тарифа, но это касается только товаров и услуг, произведенных на территории данного объединения. Большие планы у Китая по интеграции сопредельных экономик в одну региональную систему в рамках инициативы «Один пояс, один путь», однако эта задача на перспективу.

В настоящей работе проводится комплексный анализ структуры и базовых принципов внешнеторговой политики Японии в отношении региона

ШОС, оценивается динамика статистических показателей за несколько лет, определяются основные тренды, существующие в настоящий момент и заключающие в себе потенциал к реализации в среднесрочной перспективе. В статье используются методы историко-логического, статистического и сравнительного анализа, дополненные инструментарием теорий международной торговли. В качестве примера такого инструментария – оценочный подход на основе внешнеторговой специализации государств, или, другими словами, их места в структуре международного разделения труда. Это определяет характер экспорта/импорта и позволяет объяснить многие текущие закономерности, а также обозначить горизонты их возможной эволюции. Соответственно, следует раскрыть несколько важных пунктов:

1) обозначить общую структуру товарооборота Японии со странами – членами ШОС, принимая во внимание лишь наиболее важные для статистического анализа группы товаров и опираясь на устойчивую динамику торговли ими;

2) рассмотреть текущую степень интеграции Японии и стран – членов ШОС в рамках международных экономических организаций (соглашений) в Азии, что указывает на уровень взаимозависимости экономик;

3) выделить и объяснить барьеры для расширения взаимной торговли либо изменения ее номенклатуры как промежуточный итог воздействия различных внутренних и внешних факторов.

Результатом работы станет систематизация и последовательная оценка действий Японии по продвижению своих торгово-экономических интересов на пространстве Шанхайской организации сотрудничества.

Обзор литературы

Теме исследования торгово-экономической политики Японии в отношении стран – членов ШОС посвящено немало научных и аналитических материалов. При написании настоящей статьи привлекались труды из коллективной монографии «Перспективы многостороннего сотрудничества ШОС с международными структурами в интересах развития стратегии организации», изданной Институтом Дальнего Востока РАН в 2019 г. Большую помощь оказали материалы таких авторов, как Н. Мурашкин, С. Армстронг, П. Драйсдейл, Б. Линч, Л. Ченянг, С. Смирнов, Л. Талалова, З. Кадирова, В. Кашин, В. Петровский и некоторых других, а также данные JETRO – Japan External Trade Organization и Стратегии развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 г.

Структура товарооборота Японии со странами – членами ШОС

В настоящее время полноформатными членами Шанхайской организации сотрудничества являются восемь государств: Китай, Россия, Индия, Пакистан, Казахстан, Узбекистан, Киргизия и Таджикистан. Статус наблюдателей имеют Белоруссия, Иран, Афганистан и Монголия. Индия и Пакистан присоединились к организации относительно недавно – в 2017 г., преследуя разные цели. Если для Индии ШОС является скорее инструментом диверсификации внешней политики и одной из ступенек на пути укрепления позиций страны на международной арене, а также способом расширить энергетическое сотрудничество с Россией и государствами Центральной Азии,

то для Пакистана важнее вопросы безопасности и продолжавшегося углубления торгово-экономического взаимодействия с Китаем (Кашин, 2019). Все страны ШОС (кроме Китая) имеют разный объем, но похожую структуру внешнеторгового оборота с Японией (табл. 1).

Таблица 1

Товарооборот Японии со странами – членами ШОС, млрд долл.

	2015	2016	2017	2018	2019
Китай	268	270	300	317	300
Индия	13	14	14	16	16
Россия	21	17	19	23	21
Казахстан	1	0,8	1,5	2	1,5
Узбекистан	0,3	0,3	0,3	0,5	0,3
Киргизия	0,001	0,001	0,001	0,002	0,002
Таджикистан	0,001	0,002	0,003	0,003	0,004
Пакистан	2	2	3	2,5	1,5

Источник: Japanese trade and investment statistics / Japan External Trade Organization. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html> (дата обращения: 15.06.2021).

Table 1

Japan's trade turnover with the SCO member states^b, billion dollars

	2015	2016	2017	2018	2019
China	268	270	300	317	300
India	13	14	14	16	16
Russia	21	17	19	23	21
Kazakhstan	1	0.8	1.5	2	1.5
Uzbekistan	0.3	0.3	0.3	0.5	0.3
Kirgizia	0.001	0.001	0.001	0.002	0.002
Tajikistan	0.001	0.002	0.003	0.003	0.004
Pakistan	2	2	3	2.5	1.5

Source: Japanese trade and investment statistics. Japan External Trade Organization. Retrieved June 15, 2021, from <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html>

Киргизия и Таджикистан не входят в число заметных торговых партнеров Японии. Эти две центральноазиатские страны поставляют в Японию в небольших объемах минералы, продукцию сельского хозяйства, животноводства и текстильного производства. Из Японии ввозятся электроника и цифровая техника, машины, оборудование, телекоммуникационные системы. Сложившаяся ситуация понятна – внутренние рынки Киргизии и Таджикистана не обладают значимостью для японских компаний-экспортеров, в основном, по причине невысокого уровня жизни населения и устойчивых мирохозяйственных связей с Россией и, в меньшей степени, с Китаем. Несмотря на определенный интерес со стороны японских компаний к разработке месторождений золота в Таджикистане и перспективам строительства солнечных и ветроэлектростанций в Киргизии, обладающей подходящими природно-климатическими ресурсами для этого, никакие «твердые» контракты пока не подписаны.

Ежегодно Япония оказывает Таджикистану и Киргизии небольшую помощь в целях развития в размере нескольких миллионов долларов по линии ООН и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР),

подтверждая таким образом свое участие в делах этих стран (Murashkin, 2019). Однако более предметный интерес у Токио вызывает сотрудничество с Узбекистаном и Казахстаном. Эти страны обладают достаточно емкими внутренними рынками, проводят относительно самостоятельную внешнюю политику и главное – имеют существенные запасы первичных энергоресурсов – нефти и природного газа. Конечно, основное экспортное направление для Казахстана и Узбекистана – Китай; именно туда через систему трубопроводов поступает львиная доля добываемых на их территории энергоресурсов. Тем не менее значение Центральной Азии как региона-поставщика ископаемых ресурсов постепенно растет и для Японии. Токио применяет по отношению к Узбекистану и Казахстану принцип «ресурсной дипломатии», когда из Японии на экспорт идут товары с высокой добавленной стоимостью (преимущественно машины и оборудование, а также медицинская техника, а импортируются товары широкого потребления (в ограниченных объемах) и природные ресурсы в общем смысле этого слова, включая металлические руды, минералы, древесину и т. д.¹

У Казахстана положительное сальдо торгового баланса с Японией, то есть экспорт в стоимостном выражении превышает импорт практически в два раза. Основные статьи экспорта из Казахстана – ферросплавы и сырая нефть (обеспечивает около 2 % потребности Японии). Следует отметить, что, поскольку Казахстан не имеет выхода к Тихому Океану, нефть сначала транспортируется Каспийским трубопроводным консорциумом в порт Новороссийск и далее танкерами в Японию. Порядка 1 млн т казахстанской нефти ежегодно перевозится железнодорожным транспортом через сопредельные государства². По состоянию на 2019 г. объем накопленных японских прямых иностранных инвестиций в экономике Казахстана составил 6,5 млрд долл., 90 % из которых приходятся на добывающий сектор (Murashkin, 2019).

Торгово-экономические отношения Японии и Узбекистана носят иной характер. Узбекистан богат природным газом, но не имеет выхода к морям, поэтому весь газовый экспорт идет в сопредельные страны (Китай, Россия, Казахстан, Таджикистан) по трубопроводам. Однако в стране есть залежи урана и редкоземельных металлов, разработка которых привлекает японские инвестиции. Помимо редкоземельных металлов, из Узбекистана в Японию экспортируется различная сельскохозяйственная продукция, в основном хлопок и изделия из него. Номенклатура японского экспорта стандартна – машины, оборудование, электроника, медицинская техника (Murashkin, 2019). В отличие от Казахстана, Узбекистан имеет отрицательное сальдо торгового баланса с Японией – в стоимостном выражении поставки из Японии почти в тридцать раз превышают узбекский экспорт. По состоянию на 2019 г. объем накопленных японских прямых иностранных инвестиций в экономике Узбекистана составил 2,5 млрд долл.³

¹ Japan's foreign policy to promote national and global interests / Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2018/html/chapter3/c030303.html> (accessed: 15.06.2021).

² Смирнов С. Куда уходит нефть Казахстана. 2019. URL: <https://www.ritmearasia.org/news-2019-11-19--kuda-uhodit-neft-kazahstana-46037> (дата обращения: 15.06.2021).

³ Кадирова З. Япония – надежный партнер Узбекистана. 2020. URL: <https://uza.uz/ru/posts/yaponiya-nadezhnyy-partner-uzbekistana-28-07-2020> (дата обращения: 15.06.2021).

Что касается Пакистана, то его торгово-экономические отношения с Японией также определяются устоявшимися позициями стран в международном разделении труда. Пакистан не обладает запасами энергоресурсов, которые могли бы представлять интерес для Японии, также в Пакистане отсутствует развитая промышленность. Неудивительно, что основные статьи экспорта из Пакистана в Японию – это сельскохозяйственная продукция, ткани из хлопка и шелка, а также металлические руды. Япония поставляет в Пакистан машины, промышленное оборудование, электротехнику и продукцию промежуточного назначения (например, металлопрокат). Объем накопленных японских ПИИ в экономике Пакистана равняется 1 млрд долл. и концентрируется в телекоммуникационной отрасли⁴. Японский экспорт в стоимостном выражении почти в десять раз превышает аналогичный показатель для Пакистана. Учитывая сближение Пакистана с Китаем и в целом сдержанные отношения между Токио и Исламабадом, вряд ли следует ожидать каких-либо ощутимых изменений в сложившейся структуре товарооборота в среднесрочной перспективе.

Индийско-японские торгово-экономические отношения, несмотря на скромные текущие уровни, обладают огромным потенциалом. Помимо того, что Индия с населением, приближающимся к полутора миллиардам человек, представляет собой крупнейший в Южной Азии рынок сбыта японских товаров и услуг, а также перспективное направление для инвестиций в энергетическую инфраструктуру, строительный сектор, телекоммуникационную индустрию, фармацевтическую и IT-отрасли, есть и политический аспект. Япония продвигает концепцию «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», в которой Индии отводится ключевое место как силе, способной создать противовес растущему влиянию Китая в Азии. Однако индийское правительство не спешит занимать очевидную прояпонскую и прозападную позицию, стремясь сохранить многовекторность во внешней политике. В настоящее время экспорт из Индии в Японию состоит преимущественно из сельскохозяйственной продукции, различных тканей, небольшого объема товаров широкого потребления и продукции фармацевтической промышленности⁵. Из Японии в Индию поставляется продукция тяжелого и легкого машиностроения, транспортное оборудование, цифровая техника и электроника, телекоммуникационные системы, продукция химической промышленности и медицинская техника⁶. Индия также имеет отрицательное сальдо торгового баланса с Японией – в стоимостном выражении японский экспорт практически в три раза «дороже» индийского. Объем накопленных японских ПИИ в экономике Индии равняется 34 млрд долл., и к концу 2020-х гг. прогнозируется его увеличение до 50 млрд долл.⁷

⁴ Japan – Pakistan relations (basic data) / Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pakistan/data.html> (accessed: 15.06.2021).

⁵ Indian export to Japan / Business Map of India. URL: <https://business.mapsofindia.com/trade-relations/india-japan/indian-exports-to-japan.html> (accessed: 15.06.2021).

⁶ Japanese exports to India / Business Map of India. URL: <https://business.mapsofindia.com/trade-relations/india-japan/japanese-exports-to-india.html> (accessed: 15.06.2021).

⁷ Japan – India relations / Invest India. URL: <https://www.investindia.gov.in/country/japan-plus> (accessed: 15.06.2021.)

Структура российско-японских торгово-экономических отношений остается неизменной на протяжении 15 лет, но объемы взаимной торговли, конечно, могут и должны быть на порядок выше. Распространено мнение, что расширению сотрудничества препятствуют территориальные претензии со стороны Японии на острова Курильской гряды, однако это лишь часть проблемы. Более весомыми препятствиями являются сырьевой характер отечественной экономики (что ограничивает номенклатуру экспорта) и не самая благоприятная внешнеполитическая обстановка вокруг России. В качестве отдельной проблемы можно выделить недостаточное внимание российского правительства к развитию дальневосточных территорий страны, куда могли бы пойти японские инвестиции неэнергетического характера. Кроме нефти и природного газа (более 80 % экспорта) Россия также поставляет в Японию рыбу и морепродукты, продукцию химической промышленности, черные и цветные металлы, алюминий, драгоценные и полудрагоценные камни, древесину и изделия из нее. Из Японии ввозятся транспортные средства, энергетическое оборудование, готовые изделия из черных и цветных металлов, электрооборудование, цифровая техника и медицинские принадлежности, нефтехимическая продукция⁸. У России небольшое положительное сальдо торгового баланса с Японией за счет нефтегазового сектора. Объем накопленных японских прямых иностранных инвестиций в экономике России составил около 10 млрд долл.⁹

Китай – единственная страна ШОС, внешнеторговый оборот которой с Японией имеет иную структуру и наполнение. Это неудивительно, принимая во внимания темпы роста китайского ВВП и уверенное движение КНР в сторону создания высокоразвитой диверсифицированной экономики. Китай в настоящий момент – крупнейший торговый партнер Японии (США – на 2 месте, Россия – на 16, Индия на 20). КНР экспортирует в Японию машины и промышленное оборудование (основная статья), продукцию химической промышленности, редкоземельные элементы, металлопрокат, ткани, сельхозпродукцию и товары широкого потребления (одежда, обувь, различные аксессуары). Япония экспортирует в Китай также машины и оборудование, транспортные средства и запчасти к ним, продукцию химической промышленности, приборы и аппараты, микросхемы для сборочных производств. Объем накопленных японских ПИИ в экономике Китая достигает 900 млрд долл., по этому показателю Япония – абсолютный мировой лидер¹⁰. Также Япония имеет небольшое отрицательное сальдо торгового баланса с Китаем. Следует отметить, что по экспорту многих наименований высокотехнологической продукции в третьи страны Китай и Япония сегодня

⁸ Отчет о внешней торговле между Россией и Японией в 2019 г. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiei-y-yaponiei-v-2019-g/> (дата обращения: 15.06.2021).

⁹ *Королев П.* Если Россия хочет привлечь инвестиции из Японии, ей нужно понимать японский характер. 2019. URL: <https://mustread.kpmg.ru/interviews/esli-politika-chasto-menyetsya-investor-etogo-ochen-boitsya/> (дата обращения: 15.06.2021).

¹⁰ Developing your china trade with Japan and South Korea under RCEP / China Briefing. URL: <https://www.china-briefing.com/news/developing-your-china-trade-with-japan-and-south-korea-under-rcep/> (accessed: 15.06.2021).

являются прямыми конкурентами на глобальном рынке, поэтому начиная с 2016 г. ежегодный приток японских инвестиций в китайскую экономику снижается, переориентируясь на развивающиеся страны Юго-Восточной и Южной Азии.

Япония и страны – члены ШОС в международных экономических союзах

Очевидно, что текущая структура товарооборота Японии с Россией, Индией, Пакистаном и странами Центральной Азии отражает особенности участия этих государств в международном разделении труда. Несколько иная ситуация с Китаем, но пока Япония все-таки удерживает технологическое лидерство в торгово-экономических отношениях с КНР, несмотря на большие успехи Китая по развитию инновационных секторов экономики. Заметно, что по линии ШОС-Япония пока не сложился опыт многостороннего экономического сотрудничества, поскольку все взаимодействие происходит в рамках двусторонних соглашений. Однако совместное участие в международных экономических организациях на пространстве Азии может способствовать выработке общего поля и укрепить значение ШОС как интеграционной экономической структуры в дополнение к вопросам международной безопасности, торговли энергоресурсами и социально-гуманитарного сотрудничества.

В ноябре 2020 г. было объявлено о создании ВРЭП – Всеобъемлющего регионального экономического партнерства, что ознаменовало собой новый этап торгово-экономической интеграции в Азии. Отчасти ВРЭП наследует Транстихоокеанскому партнерству (и его продолжению в виде Всеобъемлющего и прогрессивного Транстихоокеанского партнерства уже без участия США), отчасти является полноценной реализацией давней идеи о запуске паназиатской зоны свободной торговли, продвигаемой АСЕАН еще с конца 1990-х гг. ВРЭП сегодня претендует на роль крупнейшего в мире экономического объединения, охватывая до трети населения планеты и обеспечивая до 30 % глобального ВВП. Уровень регионализации торговых потоков в пределах ВРЭП приближается к 50 %, а средневзвешенный импортный тариф по большинству ССТ в среднем не превышает 2 %, и есть все основания для его снижения до 0,5–1 % в ближайшее время (Regional comprehensive..., 2020).

Преимущественно в рамках ВРЭП гармонизируются и институционализируются соглашения о свободной торговле, заключенные с начала 2000-х гг. между Китаем, Японией, Республикой Корея, Австралией и государствами АСЕАН. Из стран – членов ШОС во ВРЭП входит только Китай; предполагалось, что к объединению присоединится Индия, но пока этого не произошло – индийское правительство опасается негативных последствий для внутренних производителей, поскольку имеет отрицательное сальдо торгового баланса с большинством экономик ВРЭП. Тем не менее возможность для вхождения Индии остается, а в перспективе такой вариант может рассмотреть и Россия (Талалова и др., 2021). Путем развития кооперации в рамках ВРЭП страны – члены ШОС (в первую очередь Китай, но в дальнейшем и Россия с Индией) могут продвигать концепцию единой экономической системы в Азии, состоящей из нескольких подсистем: ЕАЭС, ШОС, ВРЭП,

СААРК (Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии). Проекты сопряжения данных объединений активно предлагаются и исследуются, поскольку потенциально это ведет к созданию нового мирового экономического порядка с центром в Азии.

До ВРЭП единственной масштабным интеграционным проектом экономического характера в Азии считалось Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), основанное в 1989 г. В настоящий момент в работе АТЭС участвует 21 государство АТР, включая Японию, Китай и Россию. Базовые цели АТЭС (поддержание стабильного экономического роста стран-членов и либерализация внешней торговли в рамках РТС под эгидой ВТО) в основном были реализованы в 1990-е – середине 2000-х гг.: в этот период рост ВВП стран Восточной Азии превышал среднемировой показатель в 1,5 раза. Тем не менее уже с конца 2000-х гг. роль и значение АТЭС как координирующей экономической структуры постепенно снижается. По сути, у Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества так и получилось стать прообразом интеграционной модели ЕС для Азии, слишком разное видение регионального развития демонстрировали страны – члены АТЭС (Lynch et al., 2020).

Но АТЭС до сих пор сохраняет свои позиции как научно-исследовательский и консультативный форум и может оказаться подходящей площадкой для конструктивного диалога между различными международными объединениями, к которым относятся ШОС и ВРЭП. Следует отметить, что для Японии участие в деятельности АТЭС по-прежнему остается важным инструментом продвижения своих экспортных интересов. В рамках АТЭС хорошо отработан механизм многостороннего обсуждения актуальной экономической повестки во время проведения неформальных саммитов глав государств и правительств, а также приуроченных к ним совещаний министров иностранных дел и министров торговли. В 2018 г. на таком саммите выступал на тот момент председатель Правительства Российской Федерации Д.А. Медведев. В своей речи он сделал акцент на перспективах сопряжения нескольких экономических инициатив на пространстве Азиатского региона, упомянув и растущее значение Шанхайской организации сотрудничества в качестве торгово-экономического блока. Он также предложил странам АТР взаимодействовать не только с национальными правительствами стран – членов ШОС, но и с организацией как таковой, поскольку все необходимые формальные механизмы для этого созданы¹¹.

Среди таких механизмов следует выделить Деловой совет ШОС. Этот орган был учрежден в 2006 году «с целью содействия расширению экономического сотрудничества между странами – членами организации, налаживания диалога между деловыми кругами стран, привлечения их к всестороннему деловому сотрудничеству в торгово-экономической и инвестиционной областях»¹². Деловой совет ШОС – самостоятельная структура, обладающая

¹¹ 26-й саммит форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» / Правительство России. URL: <http://government.ru/news/34733/> (дата обращения: 15.06.2021).

¹² Деловой совет ШОС. URL: <https://www.rspp.ru/activity/cooperation/shos/> (дата обращения: 15.06.2021).

правом подготавливать рекомендации и предлагать экспертные оценки по перспективным направлениям развития международного бизнеса, торгово-экономического и инновационного сотрудничества на пространстве ШОС. По сути, Деловой совет обладает только консультативными функциями, однако планируется предоставить ему больше полномочий и расширить горизонты решений, которые могут приниматься во время ежегодной сессии совета и правлением Делового совета по ее итогам (Махмутов, 2014).

Препятствия для внешней торговли со странами – членами ШОС

Тем не менее для реализации вышеописанного сценария необходимо устранить ряд серьезных барьеров тарифного, институционального и международно-политического характера. Япония как экспортер высокотехнологичной продукции несет серьезную конкурентную угрозу развитию индустрии стран – членов ШОС в случае установления более тесных торгово-экономических отношений с ними. Важны и масштабы – все-таки производство товаров схожей номенклатуры всеми участниками ШОС (за исключением Китая) существенно уступает количественно и качественно японским показателям.

Таблица 2

Перечень и характеристика основных барьеров по линии Японии – ШОС

Тарифные	Институциональные	Международно-политические
1. Неготовность сторон идти на взаимные уступки. Для Японии с точки зрения импорта очень чувствительной отраслью является сельское хозяйство, поэтому применяется система квотирования, высоких тарифных ставок и иных барьеров.	1. Различные правила организации рынков и их регулирования. Seriously отличаются системы стандартизации и требования к маркировке товаров. Необходимы немалые усилия по гармонизации этого, но потенциальные выгоды не очевидны.	1. Условная принадлежность Японии и стран – членов ШОС к разным геополитическим лагерям. Для Токио ключевым союзником и партнером по-прежнему остаются США, а главной внешнеполитической стратегией – «открытый регионализм» плюс концепция «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона».
2. Страны ШОС – крупные экспортеры сельскохозяйственной продукции, поэтому доступ на японский рынок очень важен для них. Однако Япония при обсуждении проектов ССТ избегает этой темы.	2. Большое количество бюрократических барьеров, которые имеют место в странах – членах ШОС, сложность в понимании многих юридических вопросов, касающихся открытия и ведения бизнеса зарубежными компаниями.	2. Пекин и Москва продвигают идею Большого евразийского партнерства, основанного на континентальной торговой парадигме и создании единого экономического пространства, как итог сопряжения ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс, один путь».
3. Компании из Китая, Индии и России стремятся конкурировать с производителями товаров с высокой добавленной стоимостью из Японии на мировой арене, поэтому они не заинтересованы в открытии внутренних рынков для большого числа японских товаров	3. Высокий уровень транзакционных издержек (до 10 % от сделки), что является проблемой для японского бизнеса в России и странах Центральной Азии. Дополнительно – недостаточно развитые механизмы защиты иностранных инвестиций, избирательное действие правовых механизмов	3. Различное видение общего азиатского геостратегического пространства. Япония больше предпочитает в международных отношениях прагматичный деловой подход по западному образцу, в то время как для стран – членов ШОС важна опора на взаимное цивилизационное сопряжение и принципиальное, полное доверие между потенциальными партнерами

Источник: Follow up on the Growth Strategy. Provisional translation. URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/fu2019en.pdf> (дата обращения: 15.06.2021).

Table 2

List and characteristics of the main barriers along the Japan-SCO cooperation line

Tariff	Institutional	International and politic
1. Unwillingness of the parties to make mutual concessions. For Japan, from the point of view of the import, agriculture is a very sensitive industry, therefore, a quota system, high tariff rates and other barriers are applied.	1. Various rules for the organization of markets and their regulation. The systems of standardization and the requirements for labeling of goods differ seriously. Considerable efforts are needed to harmonize this, but the potential benefits are not clearly visible.	1. Conditional affiliation of Japan and the SCO member states to different geopolitical camps. For Tokyo, the United States remains a key ally and partner, and the main foreign policy strategy is “open regionalism” plus the concept of “Free and open The Indo-Pacific region.”
2. The SCO countries are major exporters of agricultural products, so access to the Japanese market is very important for them. However, Japan avoids this topic when discussing FTA projects.	2. The large number of administrative barriers that take place in the SCO member states, the difficulty in understanding many legal issues related to the opening and conduct of business by foreign companies.	2. Beijing and Moscow are promoting the idea of large Eurasian partnership based on the continental trade paradigm and the creation of a single economic space, as a result of the integration of the EAEU and the Chinese initiative “One Belt, One Road.”
3. Companies from China, India and Russia seek to compete with manufacturers of high-value-added goods from Japan is on the world stage, so they are not interested in opening domestic markets for a large number of Japanese goods	3. High level of transaction costs (up to 10% of the transactions), which is a problem for Japanese business in Russia and Central Asian countries. Additionally, there are insufficiently developed mechanisms for the protection of foreign investments, selective operation of legal mechanisms	3. Different vision of the common Asian geostrategic space. Japan prefers pragmatic in international relations, a typical Western-style business approach, while for the SCO member states, it is important to rely on mutual civilizational cooperation and principled, complete trust between potential partners

Source: Follow up on the Growth Strategy. Provisional translation. Retrieved June 15, 2021, from <https://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/fu2019en.pdf>

О том, насколько сложно преодолеть перечисленные в табл. 2 разногласия, говорит проект ЗСТ между Японией, Китаем и Республикой Кореей. Переговоры о создании такого трехстороннего торгово-экономического объединения идут уже более 15 лет; неоднократно были обоснованы все сильные и слабые стороны данной инициативы. Причем взаимная интеграция экономик трех стран и так находится на достаточно высоком уровне (учитывая количество совместных предприятий, измеряющееся тысячами, и вообще объем накопленных ПИИ). Тем не менее сколько-нибудь заметного продвижения в этом направлении не произошло, и страны так же далеки от создания полноценной ЗСТ, как и 15 лет назад. Огромное воздействие на замедление процесса оказывают социально-политические факторы и исторические обиды, сложности по приведению к общему знаменателю сложившихся национальных принципов институционального регулирования, прямая конкуренция за азиатские рынки сбыта товаров и услуг (Armstrong, Drysdale, 2014).

Заключение

Пока Япония и ШОС как экономические партнеры не имеют особых точек соприкосновения – в первую очередь это связано с внутренней структурой Шанхайской организации сотрудничества, которая не подразумевает согласованной экономической политики и единых стандартов ведения международного бизнеса в рамках Организации. Интеграционная модель ШОС больше заточена под политические и стратегические цели, однако в настоя-

щее время растет заинтересованность стран – членов ШОС и в создании наднациональных торгово-экономических институтов, о чем напрямую говорится в Стратегии развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 г.¹³ Практическим примером служит ЕАЭС, и весьма вероятно, что в результате сопряжения ЕАЭС, ШОС и китайской инициативы «Один пояс, один путь» появится крупное евразийское экономическое объединение, способное конкурировать с ВРЭП, и тогда Япония как одна из ведущих региональных держав выступит за совсем иные масштабы кооперации.

Таким образом, ШОС не воспринимается Японией в качестве экономического объединения, с которым можно было бы взаимодействовать путем заключения соглашений и контрактов. Но, учитывая сложившиеся (с 2001 г., когда была сформирована Шанхайская организация сотрудничества) устойчивые внешнеторговые связи между Россией и Китаем, Россией и Индией, Китаем и Пакистаном, Китаем и странами Центральной Азии, можно говорить о постепенном расширении общего экономического пространства, которое уже становится объектом интереса со стороны японского бизнеса (Петровский, 2019). Сегодня ШОС сохраняет фрагментированный характер своей именно торгово-экономической повестки, и многое будет зависеть от того, в каком направлении пойдет дальнейшая интеграция Шанхайской организации сотрудничества и насколько она будет релевантна изменяющимся условиям торгово-экономического сотрудничества в Азии.

Список литературы

- Кашин В.Б. Роль ШОС в развитии торгово-экономических связей ЕАЭС с азиатскими странами на современном этапе // Перспективы многостороннего сотрудничества ШОС с международными структурами в интересах развития стратегии организации / отв. ред. Ю.В. Морозов. М.: ИДВ РАН, 2019. С. 108–117.
- Махмутов А. Саммиты ШОС и БРИКС в Башкортостане: какие проблемы необходимо обсудить? // Экономика и управление. 2014. № 1. С. 4–15. URL: <http://inefb.ru/econuprav-ufa/115-econuprav/1458-ekonomika-i-upravlenie-nauchno-prakticheskij-zhurnal-1-2014> (дата обращения: 15.06.2021).
- Петровский В.Е. Проблемы и перспективы финансово-экономического сотрудничества в рамках ШОС // Перспективы многостороннего сотрудничества ШОС с международными структурами в интересах развития стратегии организации / отв. ред. Ю.В. Морозов. М.: ИДВ РАН, 2019. С. 118–130.
- Талалова Л.Н., Ханг Ч.Т., Морозова А.В. Оценка последствий для Индии по выходу из соглашения о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве // Вестник университета. 2021. № 6. С. 129–134.
- Armstrong S., Drysdale P. Japan's foreign economic policy strategies and economic performance // Columbia University in the City of New York Working Paper Series. 2014, October. No. 164. Pp. 2–30.
- Lynch B., Chenyang L., Lee S., Rastam Mohd Isa T.S., Morrison Ch.E., Perez-Restrepo C., Thanh V.T. Report of the PECC Task Force on APEC Beyond 2020. Singapore: Pacific Economic Cooperation Council Publications, 2020.

¹³ Официальная Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 г. URL: <https://sco-russia2020.ru/images/17/25/172545.pdf> (дата обращения: 15.06.2021).

- Murashkin N.* Japan and Central Asia. Do diplomacy and business go hand-in-hand? Paris: IFRI Centre for Asian Studies, 2019.
- Regional Comprehensive Economic Partnership: overview and economic impact. ADB Briefs No 164. Manila, 2020.

References

- Armstrong, S., & Drysdale, P. (2014, October). Japan's foreign economic policy strategies and economic performance. *Columbia University in the City of New York Working Paper Series*, (164), 2–30.
- Asian Development Bank. (2020). *Regional Comprehensive Economic Partnership: Overview and economic impact*. ADB Briefs No 164. Manila.
- Kashin, V.B. (2019). The SCO Role in the development of trade economic relations between EAEU and Asian countries in modern times. In Yu.V Morozov (Ed.), *Prospects for Multilateral Cooperation between the SCO and International Structures in the Interests of the Organization's Strategy Development* (pp. 108–117). Moscow, IFES RAS. (In Russ.)
- Lynch, B., Chenyang, L., Lee, S., Rastam Mohd Isa, T.S., Morrison, Ch.E., Perez-Restrepo, C., & Thanh, V.T. (2020). *Report of the PECC Task Force on APEC Beyond 2020*. Singapore: Pacific Economic Cooperation Council Publications.
- Makhmutov, A. (2014). The SCO and BRICS summits in Bashkortostan: Challenges to discuss. *Economics and Management*, (1), 4–15. (In Russ.) Retrieved June 15, 2021, from <http://inefb.ru/econuprav-ufa/115-econuprav/1458-ekonomika-i-upravlenie-nauchno-prakticheskij-zhurnal-1-2014>
- Murashkin, N. (2019). *Japan and Central Asia. Do diplomacy and business go hand-in-hand?* Paris: IFRI Centre for Asian Studies.
- Petrovsky, V.E. (2019). Challenges and prospects of the financial and economic cooperation within the SCO. In Yu.V Morozov (Ed.), *Prospects for Multilateral Cooperation between the SCO and International Structures in the Interests of the Organization's Strategy Development* (pp. 118–130). Moscow, IFES RAS. (In Russ.)
- Talalova L., Hang, C.T., Morozova, A. (2021). Consequences appraisal of India's opting out of the Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement. *Vestnik Universiteta*, (6), 129–134. (In Russ.)

Сведения об авторе / Bio note

Корнеев Константин Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр японских исследований, Институт Дальнего Востока, Российская академия наук. ORCID: 0000-0003-3930-6309. E-mail: korneev@ifes-ras.ru

Konstantin A. Korneev, PhD in History, senior researcher, Centre for Japanese Studies, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-3930-6309. E-mail: korneev@ifes-ras.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
ECONOMIC GROWTH
AND SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-4-763-772

УДК 331:332:338

Научная статья / Research article

**Ключевые принципы
формирования крестьянских (фермерских) хозяйств
для эффективного развития в условиях рыночной экономики**

Ф.Д. Белов , О.В. Зволинская

*Российский научно-исследовательский институт
экономики, политики и права в научно-технической сфере,
Российская Федерация, 127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 20А*

 fdbelov@yandex.ru

Аннотация. Представлены основные принципы формирования и деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств (К(Ф)Х) в современных условиях экономического развития. Выявлена главная причина неэффективного функционирования К(Ф)Х – дефицит капитала и необходимых производственных ресурсов. Показана необходимость размещения К(Ф)Х компактным массивом. Построена оптимальная схема инфраструктуры земельного массива. Выявлено, что одним из главных условий, определяющих жизнеспособность крестьянских (фермерских) хозяйств, является обоснование и достижение оптимальных производственных и экономических параметров. Указаны факторы и условия, которые надо учитывать при определении оптимальной производственной структуры крестьянского (фермерского) хозяйства. Рассмотрены важнейшие направления эффективной деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств, одним из которых является кооперация как между собой, так и с другими сельскохозяйственными и промышленными предприятиями, осуществляющими заготовку, переработку и реализацию сельскохозяйственной продукции.

Ключевые слова: крестьянские хозяйства, фермерские хозяйства, кооперация, сельхозпроизводство, оптимальные параметры, специализация

История статьи: поступила в редакцию 5 июня 2021 г.; проверена 25 июля 2021 г.; принята к публикации 24 августа 2021 г.

Для цитирования: Белов Ф.Д., Зволинская О.В. Ключевые принципы формирования крестьянских (фермерских) хозяйств для эффективного развития в условиях рыночной экономики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29. № 4. С. 763–772. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-763-772>

© Белов Ф.Д., Зволинская О.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Basic principles of farming for effective development in a market economy

Filipp D. Belov , Oksana V. Zvolinskaya

*The Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology,
20A Dobrolubova St, Moscow, 127254, Russian Federation*

 fdbelov@yandex.ru

Abstract. The basic principles of the formation and operation of farms in modern conditions of economic development are presented. The main reason for the ineffective functioning of farms is revealed – the lack of capital and the necessary production resources. The authors have shown the need to locate farms in a compact massif. The optimal scheme of the land mass infrastructure has been built. Also, during the study, it was revealed that one of the main conditions that determine the viability of farms is the substantiation and achievement of optimal production and economic parameters. The factors and conditions that must be taken into account when determining the optimal production structure of a farm are indicated. The most important areas of effective activity of farms are considered, one of which is cooperation both with each other and with other agricultural and industrial enterprises engaged in the procurement, processing and sale of agricultural products.

Keywords: farms, cooperation, agricultural production, optimal parameters, specialization

Article history: received June 5, 2021; revised July 25, 2021; accepted August 24, 2021.

For citation: Belov, F.D., & Zvolinskaya, O.V. (2021). Basic principles of farming for effective development in a market economy. *RUDN Journal of Economics*, 29(4), 763–772. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-763-772>

Введение

Одним из главных направлений радикального реформирования аграрных отношений в России в начале 1990-х годов являлось создание качественно нового сектора сельхозпроизводства – крестьянского (фермерского) хозяйства, основанного на принципах экономической самостоятельности и частной собственности на средства производства и произведенную продукцию. К настоящему времени крестьянские (фермерские) хозяйства, заняли определенную нишу в многоукладном сельскохозяйственном производстве и заявили о себе как о реально существующей новой форме хозяйствования в аграрном секторе (Кононова, 2015).

В современных условиях крестьянские (фермерские) хозяйства выполняют ряд важнейших народнохозяйственных функций: играют значительную роль в продовольственном обеспечении сельских семей, формировании предложения на местном, региональном и общероссийском продовольственных рынках; играют важную роль в решении социальных проблем села, обеспечения занятости и поддержания доходов сельского населения; способствуют сохранению сельского населения и сельского образа жизни.

Все это обуславливает крайнюю необходимость и актуальность научных исследований в сфере развития крестьянских (фермерских) хозяйств.

Обзор литературы

В рамках исследования применялись труды российских и зарубежных ученых, а также практических деятелей в области оценки принципов формирования крестьянских (фермерских) хозяйств (К(Ф)Х). Так, в статье А.О. Кононовой широко освещено современное состояние К(Ф)Х, в частности, что К(Ф)Х заняли определенную нишу в многоукладном сельскохозяйственном производстве. В трудах Н.И. Матвеевой представлены пути развития К(Ф)Х на современном этапе социально-экономического развития, а также их вклад в аграрно-промышленный комплекс. В публикации Л.В. Богосорьянской, на примере Астраханской области, показана значимость кооперации К(Ф)Х друг с другом в части совместного использования сельскохозяйственной техники и других ресурсов. В статье ученых из КНР Т.W. Qiu и B.L. Luo показана значимость механизации для К(Ф)Х. В целом рынок сельскохозяйственной продукции и его влияние на экономику широко описан в статье И.Н. Беловой и М.А. Аль-Хамати.

Методы исследования

Для решаемых в исследовании задач применялись эмпирические методы, методы сравнительного анализа, обобщения статистических данных. Основные научные положения данного исследования разрабатывались автором самостоятельно.

Основные принципы формирования крестьянских (фермерских) хозяйств

На основе проведенных исследований авторами сформулированы основные принципы формирования и деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств.

Достаточность средств (ресурсов). Формирование крестьянского хозяйства во многом связано с размерами стартовых средств фермера. Дефицит капитала и необходимых производственных ресурсов является главной причиной неэффективного функционирования К(Ф)Х. Реализация данного принципа сводится к количественным и качественным требованиям, которые необходимо учитывать при определении оптимальных затрат и структуры фондов, в зависимости от объемов производства. Соблюдение данного принципа особенно важно на первоначальном этапе становления крестьянских (фермерских) хозяйств.

Хозяйственная самостоятельность и ответственность. Данный принцип предопределяет право фермера по своему усмотрению распоряжаться производственными ресурсами, выбирать выгодные сферы деятельности, определять размеры хозяйства, выгодные каналы реализации произведенной продукции, привлекать сезонных рабочих, а также нести всю полноту ответственности за конечные результаты своей деятельности.

Максимальная доходность. Реализация этого принципа может осуществляться только через механизм рентабельности производства как главного источника формирования фондов потребления и накопления для расширенного воспроизводства. Данный принцип предполагает также получение максимума продукции с наименьшими затратами труда и средств.

Развитие кооперации. Этот принцип определяет развитие производственных связей, интеграцию с другими сельскохозяйственными, перерабатывающими и торговыми предприятиями и организациями, создание ассоциаций и кооперативов крестьянских хозяйств, взаимную ответственность партнеров за выполнение своих обязательств на основе контрактов (Зволинская, 2012).

Компактность и рациональность размещения. Соблюдение данного принципа должно основываться на создании производственно-бытового комплекса хозяйств относительно природных ресурсов, дорожно-транспортной сети и рынков сбыта продукции.

Размещать землевладение крестьянских (фермерских) хозяйств целесообразно компактно (массивом), что отвечает в оптимальной степени нормальному функционированию К(Ф)Х. Инфраструктура земельного массива представлена на рис. 1.

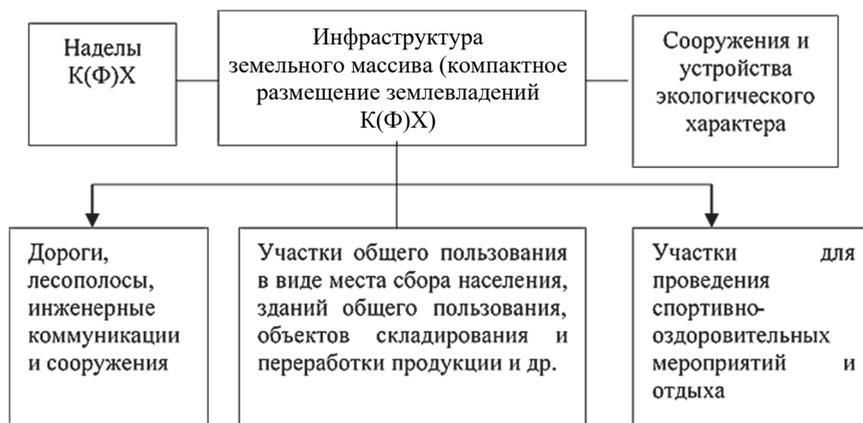

Рис. 1. Модель инфраструктуры земельного массива

Источник: составлено авторами.

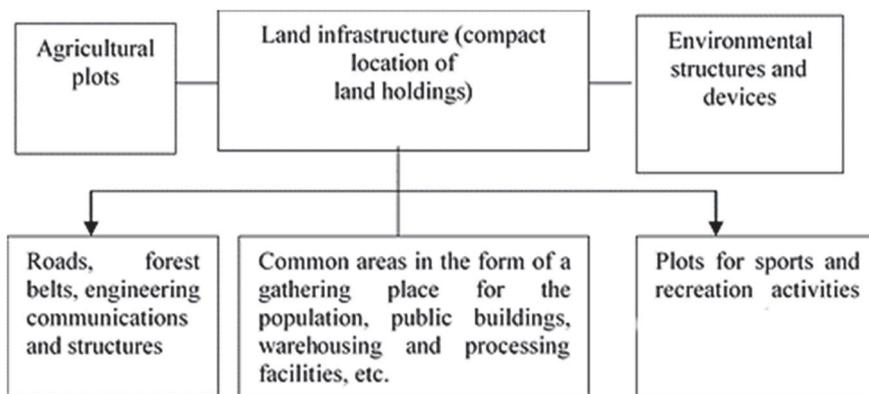

Figure 1. Land infrastructure model

Source: developed by the authors.

Каждое землевладение по возможности должно быть сформировано в виде единого компактного массива несложной конфигурации. В тех случаях, когда

землевание вынужденно формируется на нескольких участках, их взаимная удаленность должна быть минимальной, связь между ними – удобной.

Одним из главных условий, определяющих жизнеспособность крестьянских (фермерских) хозяйств, является обоснование и достижение оптимальных производственных и экономических параметров (Матвеева, Коршунова, 2018).

Для правильного определения оптимальной производственной структуры крестьянского (фермерского) хозяйства необходимо учитывать такие факторы, как:

- оптимальное использование сельскохозяйственных угодий;
- посевные площади сельскохозяйственных культур товарного и фуражного назначения;
- размеры производства валовой и товарной сельскохозяйственной продукции;
- распределение продукции растениеводства и животноводства по направлениям использования;
- оптимальная структура рационов (суточных, месячных, годовых) кормления скота и кормовой баланс для К(Ф)Х со специализацией по производству продукции животноводства;
- использование трудовых ресурсов и размеры необходимого привлечения дополнительного труда в напряженный период работ;
- стоимость товарной продукции сельскохозяйственного производства как по существующим в настоящее время, так и по проектируемым ценам;
- размеры производственных затрат в целом и по отдельным элементам, прибыль и рентабельность.

При этом рекомендуется учитывать следующие условия:

- размеры отраслей проектируются с учетом имеющихся земельных и трудовых ресурсов. При этом в трудовые ресурсы включаются, наряду с трудоспособными членами К(Ф)Х, работники, привлекаемые со стороны в напряженные периоды;
- соответствие проектируемой структуры посевных площадей научно обоснованной зональной специализации. От того, насколько правильно определена специализация хозяйства, зависят основные экономические показатели хозяйственной деятельности, а именно: размер прибыли, уровни рентабельности и производительности труда;
- обеспечение дальнейшей интенсификации производства и углубление специализации хозяйства на производстве наиболее эффективных продуктов растениеводства и животноводства;
- максимально возможное обеспечение скота кормами за счет собственного производства их в хозяйстве.

В прямой зависимости от этих показателей находится рост производства сельскохозяйственной продукции, система материального стимулирования труда, укрепление социальной сферы и т. д.

Для крестьянских (фермерских) хозяйств со специализацией по производству продукции животноводства для устойчивого финансового положения можно рекомендовать следующие направления в производстве:

– переработка производимой продукции, вплоть до глубокой. Очевидно, что надежно укрепить положение К(Ф)Х может только доведение его продукции с помощью переработки до такого товарного вида, чтобы она могла быть реализована по наивысшим ценам;

– реализация продукции через собственную торговую сеть или созданную на кооперативных началах;

– создание на кооперативных началах производственных формирований по изготовлению продукции из шерсти.

Таким образом, оптимальная модель К(Ф)Х состоит из элементов, характеризующих его специализацию, размеры и экономику. Структура модели может выглядеть, например, так:

– специализация хозяйства;

– площадь земли, в том числе сельскохозяйственные угодья (включая пашню);

– поголовье скота;

– численность работников;

– организация территории, севооборотов, землеустройства;

– производство и использование продукции растениеводства;

– производство и использование продукции животноводства;

– состав, стоимость и использование машинно-тракторного парка и т. д.

Важнейшим направлением эффективной деятельности К(Ф)Х является всемерное развитие их кооперации как между собой, так и с другими сельскохозяйственными и промышленными предприятиями, осуществляющими заготовку, переработку и реализацию сельскохозяйственной продукции, сервисное обслуживание.

Межфермерская кооперация развивается преимущественно в сфере совместной обработки земли, в приобретении и использовании сельскохозяйственной техники и оборудования. Проведенные исследования показали, что большинство фермеров выступают за открытие маркетинговой службы, создание закупочно-сбытовых кооперативов, кооперативов по ремонту и техническому обслуживанию машин.

Проблема обеспечения техникой для эффективного развития К(Ф)Х является наиболее острой на сегодняшний день. При низком уровне развития материально-технической составляющей, более 60 % К(Ф)Х нуждаются в кооперировании по использованию сельскохозяйственной техники (Богосорьянская, 2018). Сельскохозяйственная техника требует немалых затрат для обеспечения ее рабочего состояния. Слабая техническая оснащенность К(Ф)Х отрицательно сказывается и на урожайности, так как не соблюдаются агротехнологии, в частности, несвоевременно выполняются основные технологические операции. Весьма перспективным для К(Ф)Х является создание интегрированных формирований по приобретению и совместному использованию техники и различным видам производственно-технического сервиса (Belova, Al-Namati, 2021). Примером таких интеграционных формирований может служить машинно-технологическая станция.

По результатам исследования мы предлагаем следующую модель кооперации К(Ф)Х с общественными производствами (рис. 2).

Необходим переход от простых форм кооперирования К(Ф)Х с общественными хозяйствами к более сложным, включающим элементы направленного воздействия на специализацию производства, количество и качество производимой продукции, более тесное участие сторон в производственной деятельности.

Рис. 2. Модель кооперации К(Ф)Х с общественными производствами

Источник: составлено авторами.

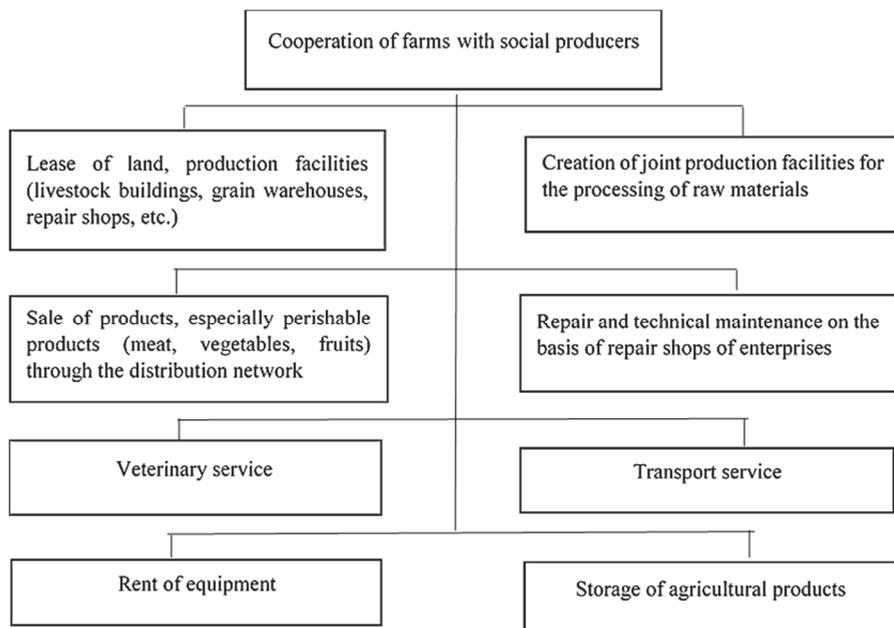

Figure 2. Model of cooperation of farms with social production

Source: developed by the authors.

В настоящее время в условиях дефицита денежных средств как в К(Ф)Х, так и в других сельхозпредприятиях, имеет место натуральная форма взаиморасчетов, взаимное выполнение услуг. В перспективе форма взаиморасчетов должна стать только финансовой.

Система нормативных документов и взаиморасчетов зависит от вида сделки. Так, нормативным документом, регулирующим арендные отношения, является договор аренды, в котором согласованы условия пользования предмета аренды, сроки аренды, условия расторжения договора, претензионные и штрафные санкции. В области кооперирования по реализации продукции – договоры купли-продажи. В сфере зооветобслуживания нормативным документом является договор, в котором должно быть обозначено возмещение ущерба от некачественного и несвоевременного обслуживания зооветслужбой за счет последней.

Транспортные услуги могут оказываться обеими сторонами, при этом вид применяемых тарифов устанавливается по согласию сторон, в зависимости от условий работы транспортных средств (Qiu, Luo, 2021).

Услуги по ремонтно-техническому обслуживанию оплачиваются, исходя из стоимости 1 ч работы, одного места стоянки, стоимости запасных частей, а также накладных расходов.

Экономические отношения по представлению техники напрокат (в том числе и обоюдного характера) строятся на основе тарифов и расценок.

Услуги по переработке сельскохозяйственной продукции осуществляются либо на основе тарифов и расценок, либо на основе распределения доходов с учетом паевых взносов сторон (при создании совместных перерабатывающих мощностей).

Проблема эффективного функционирования К(Ф)Х напрямую связана с первоочередным решением задачи по адаптации к условиям рыночной экономики.

Заключение

Малые формы хозяйствования, в том числе и К(Ф)Х играют важную роль в устойчивом развитии сельских территорий Российской Федерации; являются основными производителями сельскохозяйственной продукции и основным местом занятости сельского населения во многих регионах страны.

Проведенный анализ функционирования К(Ф)Х, позволяет сделать вывод, что кооперация фермеров, обеспечивающая за счет концентрации ресурсов приближение к их оптимальным пропорциям с минимальными дополнительными вложениями, позволяет создать потенциально эффективное предприятие.

Таким образом, для повышения эффективности К(Ф)Х важно развивать между ними и другими сельскохозяйственными товаропроизводителями различные формы кооперации и интегрирования. Это, как показала практика, позволяет всем участникам объединения рациональнее использовать имеющиеся ресурсы, приобретать на взаимовыгодной основе дорогостоящие машины и оборудование.

Кроме того, важнейшим фактором эффективного функционирования К(Ф)Х в современных условиях является государственная поддержка фермеров в таких сферах, как ценообразование, кредитование и налогообложение.

Список литературы

- Богосорьянская Л.В., Матвеева Н.И., Александрова Т.И., Гапонова А.Ю. Региональная политика устойчивого социально-экономического развития Астраханской области // Теоретические и прикладные проблемы агропромышленного комплекса. 2018. № 3 (36). С. 66–68.
- Зволинская О.В. Институциональная специфика создания и функционирования крестьянских (фермерских) и личных подсобных хозяйств населения // Инновационная модель экономики и государственно-частное партнерство: тезисы междунауч.-практич. конф. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та., 2012. С. 158–172.
- Кононова А.О. Современное состояние, проблемы и перспективы развития крестьянских (фермерских) хозяйств // Молодой ученый. 2015. № 6.5 (86.5). С. 84–86. URL: <https://moluch.ru/archive/86/16718/> (дата обращения: 03.06.2021).
- Матвеева Н.И., Богосорьянская Л.В., Александрова Т.И. Вклад крестьянских (фермерских) хозяйств в АПК Астраханской области // Современное экологическое состояние природной среды и научно-практические аспекты рационального природопользования (с. Соленое Займище, 28 февраля 2018 года). Соленое Займище: Прикаспийский научно-исследовательский институт аридного земледелия, 2018. С. 1208–1211.
- Матвеева Н.И., Коришунова Т.В. Устойчивое развитие сельских территорий в современных социально-экономических условиях // Горное сельское хозяйство. 2018. № 1. С. 16–19.
- Belova I.N., Al-Hamati M.A. Russian market of vegetables and fruits: current state, dependence on imports, development prospects in the terms of modern globalization // *Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap*. Springer Nature Switzerland AG, 2021. Pp. 834–842.
- Liu B.C., Fang Y.G. The nexus between rural household livelihoods and agricultural functions: evidence from China // *Agriculture*. 2021. Vol. 11. Issue 3. 241. <https://doi.org/10.3390/agriculture11030241>
- Qiu T.W., Luo B.L. Do small farms prefer agricultural mechanization services? Evidence from wheat production in China // *Applied Economics*. 2021. Vol. 53. Issue 26. Pp. 2962–2973.

References

- Belova, I.N., & Al-Hamati, M.A. (2021) Russian market of vegetables and fruits: Current state, dependence on imports, development prospects in the terms of modern globalization. *Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap* (pp. 834–842). Springer Nature Switzerland AG.
- Bogosoryanskaya, L.V., Matveeva, N.I., Aleksandrova, T.I., & Gaponova A.Yu. (2018). Regional policy of sustainable socio-economic development of the Astrakhan region. *Theoretical and applied problems of the agro-industrial complex*, (3(36)), 66–68. (In Russ.)
- Kononova, A.O. (2015). Current state, problems and prospects for the development of peasant (farmer) households. *Young Scientist*, (6.5(86.5)), 84–86. (In Russ.) Retrieved June 3, 2021, from <https://moluch.ru/archive/86/16718/>
- Liu, B.C., & Fang, Y.G. (2021). The nexus between rural household livelihoods and agricultural functions: Evidence from China. *Agriculture*, 11(3), 241. <https://doi.org/10.3390/agriculture11030241>
- Matveeva, N.I., & Korshunova, T.V. (2018). Sustainable development of rural areas in modern socio-economic conditions. *Mining Agriculture*, (1), 16–19. (In Russ.)
- Matveeva, N.I., Bogosoryanskaya, L.V., & Alexandrova, T.I. (2018). The contribution of peasant (farmer) households to the agro-industrial complex of the Astrakhan region. *Modern Ecological State of the Natural Environment and Scientific and Practical As-*

pects of Rational Nature Management (Solyonoye Zaymishche, February 28, 2018) (pp. 1208–1211). Solyonoye Zaymishche, Caspian Research Institute of Arid Agriculture. (In Russ.)

Qiu, T.W., & Luo, B.L. (2021). Do small farms prefer agricultural mechanization services? Evidence from wheat production in China. *Applied Economics*, 53(26), 2962–2973.

Zvolinskaya, O.V. (2012). Institutional specifics of the creation and functioning of peasant (farmer) and personal subsidiary plots of the population. *Innovative Model of Economy and Public-Private Partnership: Int. Scientific-Practical Conf.* (pp. 158–172). Saint Petersburg, Polytechnic University Publ. (In Russ.)

Сведения об авторах / Bio notes

Белов Филипп Дмитриевич, кандидат экономических наук, заведующий центром исследования организационных процессов в сфере науки и инноваций, Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере. ORCID: 0000-0003-1725-6873. E-mail: belov@riep.ru

Filipp D. Belov, Ph.D., Head of the Center for Research of Organizational Processes in Science and Innovation, Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology. ORCID: 0000-0003-1725-6873. E-mail: belov@riep.ru

Зволинская Оксана Вячеславовна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере. ORCID: 0000-0001-7684-5323. E-mail: o.zvolinskaya@riep.ru

Oksana V. Zvolinskaya, Ph.D., senior researcher, Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology. ORCID: 0000-0001-7684-5323. E-mail: o.zvolinskaya@riep.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-4-773-784

УДК 331:332:338

Научная статья / Research article

Инновации в агропромышленном производстве как драйвер повышения устойчивости национальных продовольственных систем

В.А. Тихомирова *Агроэкспорт,**Российская Федерация, 105064, Москва, Земляной вал, д. 9**Московская международная академия,**Российская Федерация, 129075, Москва, Новомосковская ул., д. 15А, стр. 1*

✉ vera-t@myrambler.ru

Аннотация. Дестабилизация мирового рынка продовольствия, а также участвовавшие перебои с поставками сельскохозяйственного сырья и пищевой продукции вследствие глобальной пандемии коронавируса стали катализатором роста интереса подавляющего большинства государств мира к обеспечению максимально возможного уровня национальной продовольственной безопасности. Исследование посвящено изучению агропродовольственных систем Саудовской Аравии, Японии и Сингапура как стран, обладающих наиболее прогрессивным опытом в сфере производства сельскохозяйственной продукции. Выявлено, что наиболее перспективной научно-технической инновацией в агропромышленном комплексе является производство продукции растениеводства посредством гидропоники, заменителей мяса на базе растительных белков, выращенного лабораторным способом культивированного мяса, а также альтернативных протеинов для кормовой базы животноводства, птицеводства и аквакультуры. Полученные результаты показали необходимость адаптации передовых технологий производства продуктов питания в агропромышленный комплекс Российской Федерации.

Ключевые слова: Российская Федерация, Саудовская Аравия, Япония, Сингапур, продовольствие, экспорт, импорт, самообеспечение, гидропоника, заменители мяса, растительные белки, культивированное мясо, альтернативные протеины

История статьи: поступила в редакцию 15 июня 2021 г.; проверена 25 июля 2021 г.; принята к публикации 26 августа 2021 г.

Для цитирования: Тихомирова В.А. Инновации в агропромышленном производстве как драйвер повышения устойчивости национальных продовольственных систем // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29. № 4. С. 773–784. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-773-784>

Innovations in agro-industrial production as a driver of increasing the resilience of national food systems

Vera A. Tikhomirova

Agroexport,
9 Zemlyanoy Val, Moscow, 105064, Russian Federation
Moscow International Academy,
15A Novomoskovskaya St, bldg 1, Moscow, 129075, Russian Federation
✉ vera-t@myrambler.ru

Abstract. The destabilization of the world food market, as well as the frequent interruptions in the supply of agricultural raw materials and food products due to the global coronavirus pandemic, have catalyzed the growing interest of the overwhelming majority of countries in the world to ensure the highest possible level of national food security. The research is devoted to the study of the agri-food systems of Saudi Arabia, Japan and Singapore, as countries with the most progressive experience in the field of agricultural production. The author identified the production of crop products through hydroponics, meat substitutes based on vegetable proteins, laboratory-grown cultured meat, as well as alternative proteins for the fodder base of animal husbandry, poultry farming and aquaculture as the most promising scientific and technical innovations in the field of agro-industrial complex. The results of the study showed the need to adapt advanced food production technologies to the agro-industrial complex of the Russian Federation.

Keywords: Russian Federation, Saudi Arabia, Japan, Singapore, food, export, import, self-sufficiency, hydroponics, meat substitutes, vegetable proteins, cultured meat, alternative proteins

Article history: received June 15, 2021; revised July 25, 2021; accepted August 26, 2021.

For citation: Tikhomirova, V.A. (2021). Innovations in agro-industrial production as a driver of increasing the resilience of national food systems. *RUDN Journal of Economics*, 29(4), 773–784. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-773-784>

Введение

На фоне общемирового сокращения спроса на импорт потребительских, промышленных товаров, а также энергоносителей, именно товарооборот продукцией агропромышленного комплекса (АПК) показал наибольшую устойчивость и существенный потенциал для дальнейшего роста. В этой связи подавляющее большинство традиционных стран – импортеров продовольствия скорректировало стратегии национального экономического развития в сторону увеличения самообеспечения сельскохозяйственным сырьем и пищевой продукцией с последующим развитием экспортного потенциала.

Вследствие того обстоятельства, что климатические особенности и природные ресурсы подавляющего большинства зависимых от импорта национальных продовольственных систем не способны в полной мере удовлетворить внутренний спрос на продукты питания, в настоящее время все большую актуальность приобретают научные разработки, позволяющие наращи-

вать самообеспечение продовольствием вне зависимости от доступа к данным факторам агропромышленного производства.

Россия располагает 1/6 мировой суши, значимая часть которой тем не менее находится в зоне рискованного земледелия и, соответственно, не может быть использована для эффективной реализации технологий традиционного сельского хозяйства. Изучение наиболее перспективных инновационных технологий агропроизводства позволит очертить возможные направления дальнейшего развития отечественного АПК и будет способствовать повышению конкурентоспособности продукции российского производства.

Обзор литературы

Описание национальных продовольственных систем проводилось с опорой на актуальное нормативно-правовое обеспечение реализации государственных программ продовольственной безопасности, иные официальные документы, регламентирующие функционирование агропромышленных комплексов изучаемых государств, а также на отвечающие заявленной тематике труды отечественных и зарубежных ученых. Оценка ведущих мировых рынков инновационной сельскохозяйственной продукции и технологий была произведена на основании данных маркетинговых исследований, ведущих международных аналитических агентств.

Методы и подходы

Проводимое в рамках данной научной работы исследование строится на комплексном функциональном анализе актуального состояния мировой продовольственной системы с целью выявления государств, располагающих наиболее перспективными технологиями в области агропромышленного производства и их последующей конкретизацией. Изучение нормативно-правовой базы посредством индикативного метода и метода аналогий позволило выявить актуальные проблемы и противоречия в АПК рассматриваемых субъектов международных отношений. Вместе с тем полученные в ходе математической обработки массива данных из докладов и прогнозов авторитетных зарубежных аналитических агентств данные показывают возможные тенденции их дальнейшего развития. Интерпретация полученных результатов посредством визуализации позволяет наглядно иллюстрировать результаты настоящего исследования. Комплексное применение описанной выше методологии позволяет давать взвешенную оценку наиболее перспективным агропродовольственным технологиям и предлагать возможные варианты адаптации данного опыта в АПК Российской Федерации.

Результаты

На основании системного анализа, а также статистического и сравнительного методов в качестве государств, обладающих наиболее прогрессивным опытом в деле достижения национальной продовольственной безопасности, автором были определены Королевство Саудовская Аравия (КСА), Государство Япония и Республика Сингапур. Несмотря на то обстоятельство, что природно-климатические условия вышеперечисленных стран не в

производства поступательно растут и за последнее десятилетие увеличились на 36,4 %, составив по итогам 2020 г. 9 млрд долл. США⁵.

Начавшаяся в 60-х гг. прошлого века, трансформация потребительских привычек населения страны в сторону сокращения употребления традиционной для региона пищи и увеличения спроса на продукцию, используемую при приготовлении блюд западной кухни, привела к катастрофическому снижению индекса самообеспечения Японии продовольствием. Таким образом, если в 1965 г. данный показатель составлял 73 %, то к началу 2000-х гг. он претерпел снижение более чем на 30 % и стабилизировался на уровне 38 %. В настоящее время одной из важнейших целей национальной стратегии экономического развития Японии является увеличения к 2030 г. индекса самообеспечения сельскохозяйственной и пищевой продукцией до 45 %⁶.

Вместе с тем произошедшая вследствие эпидемии коронавируса трансформация мирового товарооборота продовольствием поставила перед Японией новые цели и задачи, решение которых требует от государства не только организации устойчивого производства базовых категорий продовольствия и сельскохозяйственного сырья, мировые цены на которые в настоящее время достигли максимальных за многолетнюю историю значений, но и развития существенного экспортного потенциала по данному направлению. Так, установленная в прошлом году правительством страны цель по увеличению японского агропродовольственного экспорта к 2030 г. до 45,6 млрд долл. США (5 трлн яп. иен), призвана развить экспортоориентированные переработку сельскохозяйственного сырья и производство пищевой продукции с высокой добавленной стоимостью. Данный комплекс мер, как ожидается, позволит повысить самообеспечение Японии продовольствием, а также окажет положительное влияние на сокращение дефицита торгового баланса страны.

Описанные выше проблемы в области организации эффективного функционирования национальной продовольственной системы в полной мере характерны и для важнейшего финансового центра Юго-Восточной Азии города-государства Сингапур. Располагая общей площадью порядка 700 км², из которых лишь 0,9 % могут быть классифицированы как земли сельскохозяйственного назначения, Сингапур для удовлетворения своей потребности в продукции АПК почти полностью полагается на импортные поставки (Glendinning et al., 2018), которые за последнее десятилетие в стоимостном выражении выросли более чем на 25 % и по итогам 2020 г. достигли 13,5 млрд долл. США⁷.

В ходе глобальной пандемии коронавируса сингапурская стратегия обеспечения продовольственной безопасности с опорой исключительно на ввоз

⁵ International Trade Center. URL: [https://www.trademap.org/Product_SelCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c682%7c%7c%7c%7c%7c117226%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1](https://www.trademap.org/Product_SelCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c682%7c%7c%7c%7c117226%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1) (accessed: 02.06.2021).

⁶ Japan Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. URL: <https://www.maff.go.jp/j/zyukyu/anpo/1.html> (accessed: 04.06.2021).

⁷ International Trade Center. URL: https://www.trademap.org/Product_SelCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c682%7c%7c%7c%7c%7c117226%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1 (accessed: 02.06.2021).

продовольствия из-за рубежа показала свою несостоятельность, так как повсеместные ограничения производственных мощностей вкупе с дестабилизацией морской логистики привели к угрозе дефицита продуктов питания на внутреннем рынке страны. В настоящее время Сингапур осуществляет реализацию государственной стратегии в области повышения национальной продовольственной безопасности, суть которой сводится к работе по трем направлениям: диверсификация источников импорта продовольствия, поддержка расположенных за рубежом сингапурских агропродовольственных предприятий и достижение 30 %-го самообеспечения продовольствием к 2030 г.⁸

Одним из важнейших условий достижения указанных целей является широкомасштабное использование в сингапурском агропромышленном производстве новейших достижений научно-технического прогресса. Именно курс Сингапура на разработку и внедрение устойчивых к изменениям климата, ресурсоэффективных технологий производства сельскохозяйственного сырья и пищевой продукции в будущем позволит городу-государству стать одним из крупнейших мировых центров агротехнологий и внести значимый вклад в дело достижения глобальной продовольственной безопасности⁹.

Произведя комплексный анализ актуального состояния и перспектив развития продовольственных систем выбранных субъектов международных экономических отношений, автор выявил наиболее перспективные тенденции инновационного развития АПК, характерные для всех рассматриваемых в данном исследовании государств, а именно:

- выращивание сельскохозяйственных растений посредством гидропонии;
- производство заменителей мяса из растительных белков;
- производство культивированного мяса;
- переход на альтернативные белки в рецептуре кормовой базы животноводства, птицеводства и аквакультуры.

Из указанного списка на момент проведения настоящего исследования наибольшее распространение получило инновационное растениеводство на основе технологий гидропонии. Данная инновация позволяет выращивать сельскохозяйственные растения в искусственной среде без использования почв на базе растворов минеральных питательных веществ в песке, гравии или жидкости. Относительно низкая емкость природных ресурсов позволяет успешно внедрять данную технологию в регионах с дефицитом сельскохозяйственных площадей и пресной воды. При этом, в соответствии с исследованиями ООН, растения, выращиваемые в гидропонных системах, дают на 20–25 % более высокую урожайность, чем при ведении традиционного земледелия¹⁰.

Вместе с тем широкомасштабному внедрению данной технологии производства продукции растениеводства препятствует высокая себестоимость

⁸ The Singapore Food Agency. URL: <https://www.sfa.gov.sg/food-farming/sgfoodstory> (accessed: 04.06.2021).

⁹ Там же.

¹⁰ World population projected to reach 9.8 billion in 2050, and 11.2 billion in 2100 / The United Nation. URL: <https://www.un.org/development/desa/en/news/population/world-population-prospects-2017.html> (accessed: 04.06.2021).

конечной продукции ввиду высоких затрат на энергоносители. Соответственно, коммерческое внедрение гидропоники может быть интересно энергетически независимым государствам с высоким уровнем развития экономики, дефицитом пресной воды и земель, пригодных для ведения устойчивого сельского хозяйства.

По данным ведущих мировых аналитических агентств мировой рынок гидропоники по состоянию 2020 г. оценивается в 9,5 млрд долл. США и, как ожидается, при среднегодовом темпе роста в 11,3 % к 2025 г. достигнет 16,2 млрд долл. США (рис. 1)¹¹.

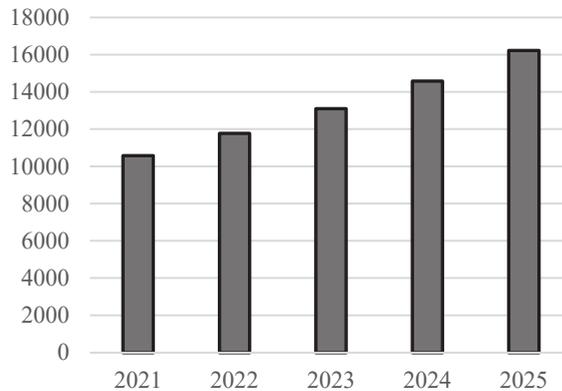

Рис. 1. Прогноз роста мирового рынка гидропоники в 2021–2025 гг., млн долл. США
Figure 1. Prospect of the global market of hydroponics in 2021–2025, mln US doll.

Источник: составлено автором по: Hydroponic market: global forecast to 2026 / Markets and Markets. 2021. 226 p. URL: <https://www.marketsandmarkets.com/Market-Reports/hydroponic-market-94055021.html> (accessed: 05.06.2021).

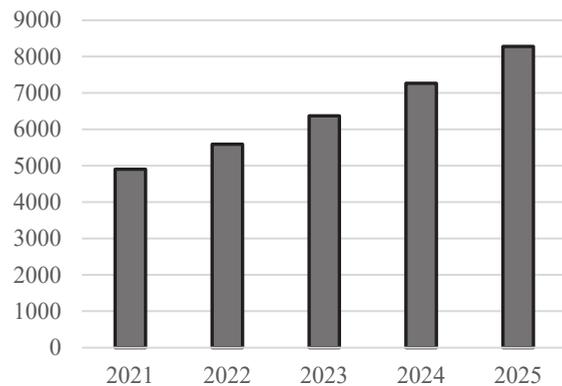

Рис. 2. Прогноз роста мирового рынка растительного мяса в 2021–2025 гг., млн долл. США
Figure 2. Prospect of the growth of the global market of vegetable meat in 2021–2025, mln US doll.

Источник: составлено автором по: Plant-based meat market: global forecast to 2025 / Markets and Markets. 2020. 183 p. URL: <https://www.marketsandmarkets.com/Market-Reports/plant-based-meat-market-44922705.html> (accessed: 05.06.2021).

¹¹ Hydroponic market: global forecast to 2026 / Markets and Markets. 2021. 226 p. <https://www.marketsandmarkets.com/Market-Reports/hydroponic-market-94055021.html> (accessed: 05.06.2021).

Сектор растительных заменителей мяса также показывает положительную динамику на фоне трансформации потребительских привычек населения развитых стран, политика которых предполагает реализацию мер по предотвращению глобальных климатических изменений путем сокращения выброса метана в атмосферу. Одним из главных преимуществ заменителей мяса из растительного белка является высокая ценовая конкурентоспособность по сравнению с продукцией традиционного сектора животноводства. Помимо этого, данная пищевая продукция ориентирована на широкий круг людей, не потребляющих в пищу животные белки. Наиболее перспективными направлениями в данной области являются производство растительных заменителей красного мяса и мяса птицы из соевых бобов и гороха¹².

В соответствии с данными ведущих отраслевых аналитиков объем мирового рынка заменителей мясной продукции из сырья растительного происхождения по итогам 2020 г. в стоимостном выражении составил 4,3 млрд долл. США. Ожидается, что к 2025 г. данный показатель, при среднегодовом темпе роста в 14 % достигнет уровня в 8,3 млрд долл. США (рис. 2)¹³.

Другим перспективным направлением высокотехнологичного производства мясной продукции является производство культивируемого мяса, выращенного лабораторным путем. Главными преимуществами данной модели производства животного белка является экологичность, а также малые объемы потребления не возобновляемых или медленно восполняемых природных ресурсов. В будущем данный подход может послужить действенной альтернативой традиционным формам животноводства в регионах, где в соответствии с объективными обстоятельствами обустройство традиционных животноводческих хозяйств затруднено.

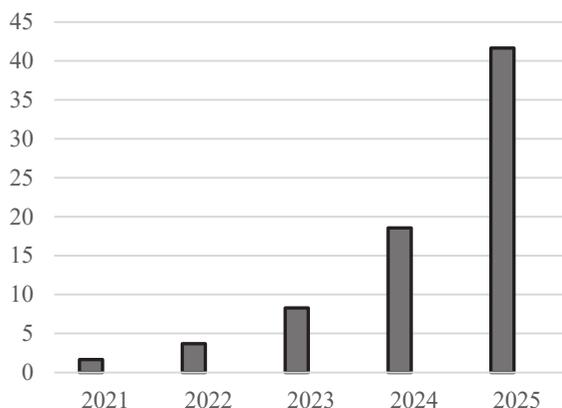

Рис. 3. Прогноз роста мирового рынка культивируемого мяса в 2021–2025 гг., млн долл. США
Figure 3. Prospect of the growth of the global market of cultured meat in 2021–2025, mln US doll.

Источник: составлено автором по: Global cultured meat market: opportunities and forecast 2022–2030 / Allied Market Research. 2021. 214 p. URL: <https://www.alliedmarketresearch.com/cultured-meat-market-A06670> (accessed: 05.06.2021).

¹² Plant-based meat market: global forecast to 2025 / Markets and Markets. 2020. 183 p. URL: <https://www.marketsandmarkets.com/Market-Reports/plant-based-meat-market-44922705.html> (accessed: 05.06.2021).

¹³ Там же.

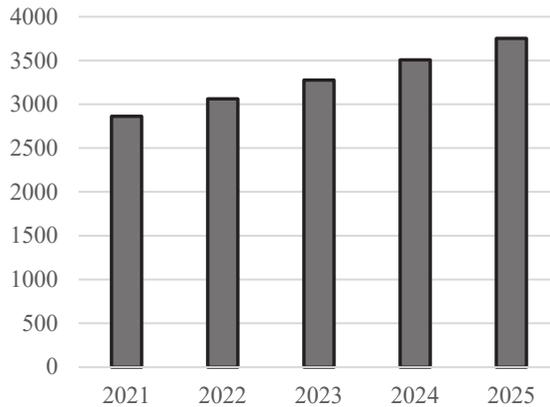

Рис. 4. Прогноз роста мирового рынка альтернативных белков для производства кормов в 2021–2025 гг., млн долл. США
Figure 4. Prospect of the growth of the global market of alternative proteins for feed production in 2021–2025, mln US doll.

Источник: составлено автором по: Alternative protein market for animal feed by product / Global Market Insights. 2020. 440 p. URL: <https://www.gminsights.com/industry-analysis/alternative-protein-market-for-animal-feed> (accessed: 05.06.2021).

В настоящее время мировая индустрия культивированного мяса находится в начале процесса своего становления, однако уже сейчас очевидны огромные перспективы широкомасштабного внедрения данной технологии, а также ее возможный потенциал в деле достижения продовольственной безопасности как на национальном, так и на глобальном уровне. Как ожидается, в текущем году мировой рынок культивированного мяса в стоимостном выражении достигнет лишь скромных 1,6 млн долл. США, однако по мере оптимизации процесса производства произойдет ее удешевление и к 2025 г. в соответствии со среднегодовыми темпами роста в 95,8 % его совокупная стоимость вырастет до 41,6 млн долл. США с потенциалом развития к 2030 г. до 2,8 млрд долл. США (рис. 3)¹⁴.

Активно развиваются инновации и в области производства кормов для нужд животноводства, птицеводства и аквакультуры. Произошедший за последний год колоссальный скачок мировых цен в сегменте кукурузы и соевых бобов стал одним из драйверов роста мировых цен на продовольствие, а также повысил экономические издержки национальных продовольственных систем, зависящих от импорта кормовой базы.

Поиск альтернатив традиционным культурам, использование которых в рецептуре кормов было бы сопоставимым с точки зрения показателей эффективности производства конечной продукции и при этом не несло бы дополнительной экономической нагрузки – одно из важнейших направлений научной мысли в современном АПК.

В настоящее время, по оценкам аналитиков, одной из наиболее перспективных технологий в данной области является использование в рецеп-

¹⁴ Global cultured meat market: opportunities and forecast 2022–2030 / Allied Market Research. 2021. 214 p. URL: <https://www.alliedmarketresearch.com/cultured-meat-market-A06670> (accessed: 05.06.2021).

туре кормов для нужд животноводства, птицеводства и аквакультуры альтернативных белков, получаемых при переработке съедобных насекомых. Данный подход характеризуется низким уровнем производственных затрат и может быть реализован в качестве одного из этапов переработки пищевых отходов.

По состоянию на 2020 г. рынок альтернативного протеина для производства кормов в стоимостном выражении превысил 2,6 млрд долл. США и, в соответствии с прогнозами, при среднегодовых темпах роста в 7 % к 2025 г. может достигнуть 3,5 млрд долл. США (рис. 4). Драйвером дальнейшего развития индустрии альтернативных белков будет рост глобального спроса на продовольствие ввиду увеличения численности населения планеты¹⁵.

Рассмотренные в данном исследовании технологии инновационного производства продукции агропромышленного комплекса высокоперспективны и призваны оптимизировать функционирование мировой продовольственной системы в свете ожидаемых глобальных климатических изменений. Применительно к АПК Российской Федерации данный опыт может быть интересен в качестве одного из возможных направлений государственной стратегии в области экономической интеграции регионов Сибири и Дальнего Востока. Реализация доступа населения северных регионов страны к широкому ассортименту экономически доступного продовольствия в будущем окажет позитивное влияние на приток трудовых ресурсов, что, в свою очередь позволит в полной мере развить экономический потенциал данных территорий на фоне ожидаемого сокращения вечной мерзлоты¹⁶.

Заключение

В ходе комплексного анализа опыта государств, располагающих наиболее прогрессивным опытом в деле обеспечения национальной продовольственной безопасности, автором был сделан вывод, что в ближайшей перспективе доля пищевой продукции, произведенной посредством применения инновационных агропродовольственных технологий, будет динамично расти.

Данному обстоятельству будут способствовать продолжающиеся вследствие пандемии коронавируса перебои в функционировании мировых цепочек формирования добавленной стоимости сельскохозяйственной и пищевой продукции, рост цен на продукты питания, глобальные климатические изменения, а также прогнозируемое ведущими международными организациями увеличение населения планеты.

Внедрение высокопродуктивных технологий производства продукции АПК является перспективной задачей для зависимых от импорта сельскохозяйственного сырья и пищевой продукции национальных продовольственных систем, так как их применение призвано обеспечивать устойчивый до-

¹⁵ Alternative protein market for animal feed by product / Global Market Insights. 2020. 440 p. URL: <https://www.gminsights.com/industry-analysis/alternative-protein-market-for-animal-feed> (accessed: 05.06.2021).

¹⁶ The Demeter 2021. Produce and feed: the daily challenge of a confused world // The Demeter Club. URL: <https://www.clubdemeter.com/fr/le-demeter> (accessed: 05.06.2021).

ступ населения к продовольствию вне зависимости от наличествующих природных ресурсов.

При этом значимость адаптации достижений научно-технического прогресса в АПК Российской Федерации сложно переоценить, так как оно может повысить уровень продовольственного самообеспечения населения Сибири и Дальнего Востока, а также будет способствовать их дальнейшему экономическому развитию данных регионов.

Список литературы

- Папцов А.Г., Шеламова Н.А. Глобальная продовольственная безопасность в условиях климатических изменений: монография. М.: РАН., 2018. С. 84–94.
- Папцов А.Г., Алтухов А.И., Кашеваров Н.И., Петрушкевич П.М., Денисов А.С., Рудой Е.В. Прогноз научно-технологического развития отрасли растениеводства, включая семеноводство и органическое земледелие России, в период до 2030 года / Новосибир. гос. аграр. ун-т, Сиб. федер. центр агробιοтехнологий РАН, ФИЦ Институт цитологии и генетики СО РАН, ФНЦ ВНИИЭСХ. Новосибирск: Золотой колос, 2019. С. 43–55.
- Тихомирова В.А. Обеспечение продовольственной безопасности: международный и российский опыт: дис. ... канд. экон. наук. М., 2019. 190 с.
- Тихомирова В.А. Реализация доктрины продовольственной безопасности России: оценка и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2020. Т. 28. № 4. С. 751–764. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-751-764>
- Fiaz S., Noor M.A., Aldosri F.O. Achieving food security in the Kingdom of Saudi Arabia through innovation: potential role of agricultural extension // Journal of the Saudi Society of Agricultural Sciences. 2018. Vol. 17. Issue 4. Pp. 365–375.
- Lama P. Japan's food security problem: increasing self-sufficiency in traditional food // IndraStra Global. 2017. Vol. 3. Issue 7. Pp. 1–7. <https://dx.doi.org/10.6084/m9.figshare.5220820>
- Glendinning E., Shee S.Y., Nagpaul T., Chen J. Hunger in a food lover's paradise: understanding food insecurity in Singapore // Lien Centre for Social Innovation: Research. 2018. Pp. 1–35. URL: https://ink.library.smu.edu.sg/lien_reports/12 (accessed: 24.05.21).

References

- Papstov, A.G., & Shelamova, N.A. (2018). *Global food security in the context of climate change* (pp. 84–94). Moscow, RAS Publ. (In Russ.)
- Papstov, A.G., Altukhov, A.I., Kashevarov, N.I., Petrushkevich, P.M., Denisov, A.S., Rudoi, E.V. (2019). *Forecast of scientific and technological development of the plant growing industry, including seed production and organic farming in Russia, up to 2030* (pp. 43–55). Novosibirsk, Zolotoi Kolos Publ. (In Russ.)
- Tikhomirova, V.A. (2019). *Ensuring food security: International and Russian experience* (dissertation of the Candidate of Economic Sciences). Moscow. (In Russ.)
- Tikhomirova, V.A. (2020). Implementation of the doctrine of food security in Russia: Assessment and prospects. *RUDN Journal of Economics*, 28(4), 751–764. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-751-764>
- Fiaz, S., Noor, M.A., & Aldosri, F.O. (2018). Achieving food security in the Kingdom of Saudi Arabia through innovation: Potential role of agricultural extension. *Journal of the Saudi Society of Agricultural Sciences*, 17(4), 365–375.
- Lama, P. (2017). Japan's food security problem: Increasing self-sufficiency in traditional food. *IndraStra Global*, 3(7), 1–7. <https://dx.doi.org/10.6084/m9.figshare.5220820>

Glendinning, E., Shee, S.Y., Nagpaul, T., & Chen, J. (2018). Hunger in a food lover's paradise: Understanding food insecurity in Singapore. *Lien Centre for Social Innovation: Research* (pp. 1–35). Retrieved May 24, 2021, from https://ink.library.smu.edu.sg/lien_reports/12

Сведения об авторе / Bio note

Тихомирова Вера Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика, менеджмент и маркетинг», Московская международная академия; главный специалист отдела специальных проектов ВЭД, Управление стратегических коммуникаций и продвижения продукции, Агроэкспорт. ORCID: 0000-0002-4510-4319. E-mail: vera-t@myrambler.ru

Vera A. Tikhomirova, PhD in Economics, Docent of the Department “Economics, Management and Marketing”, Moscow International Academy; senior specialist, Department of Special Foreign Economic Activity Projects, Department of Strategical Communications, Management and Production Promotion, Agroexport. ORCID: 0000-0002-4510-4319. E-mail: vera-t@myrambler.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ КАПИТАЛА INTERNATIONAL CAPITAL MOVEMENT

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-4-785-795

UDC 339

Research article / Научная статья

China's FDI under The Belt and Road Initiative in the EU

Daria S. Sokolan

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

✉ dariya.kristi@yandex.ru

Abstract. The increasing role of China in the world economy every year turns attention to the foreign policy of the Chinese government. China's direct investments abroad are of interest today, especially given the fact that China has announced strategies and initiatives such as: Go Out, The Belt and Road Initiative (BRI), Made in China 2025 (MIC25). Moreover, the EU countries play a significant role in the regional diversification of Chinese investments abroad. Chinese investors have long stopped investing in all industries and countries, and have focused on most promising industries, mainly in developed countries. Today, one of the most ambitious projects in China is The Belt and Road Initiative, where the EU countries play a key role. In this regard, it becomes important to analyze Chinese investments in the New Silk Road projects in the EU countries. The purpose of the research is to identify the main industries and countries of greatest interest to China based on the analysis of the ten largest transactions of China within the framework of the Belt and Road Initiative in the EU countries.

Keywords: The Belt and Road Initiative, Silk Road, BRI, FDI outflow, China, EU, China's Investments, M&A

Article history: received July 15, 2021; revised August 20, 2021; accepted September 4, 2021.

For citation: Sokolan, D.S. (2021). China's FDI under The Belt and Road Initiative in the EU. *RUDN Journal of Economics*, 29(4), 785–795. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-785-795>

ПИИ Китая в рамках стратегии «Один пояс – один путь» в странах ЕС

Д.С. Соколан

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6*

✉ dariya.kristi@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – на основе анализа десяти крупнейших сделок Китая в рамках стратегии «Один пояс – один путь» в странах ЕС выявить основные отрасли и страны, представляющие для страны наибольший интерес. Увеличивающаяся с каждым

© Sokolan D.S., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

годом роль Китая в мировой экономике обращает внимание на внешнюю политику китайского правительства. Интерес сегодня представляют прямые инвестиции Китая за рубежом, особенно учитывая факт объявленных им стратегий и инициатив: «Идти вовне», «Один пояс – один путь», «Сделано в Китае 2025». Более того, страны ЕС занимают весомое место в региональной диверсификации китайских инвестиций за рубежом. Китайские инвесторы уже давно прекратили вкладывать средства во все подряд отрасли и страны и сфокусировались на определенных, наиболее перспективных отраслях, преимущественно в развитых странах. На сегодняшний день одним из наиболее амбициозных проектов Китая является «Один пояс – один путь», где страны ЕС играют ключевую роль. В связи важно проанализировать китайские инвестиции в проекты «Шелкового пути» в странах ЕС.

Ключевые слова: Один пояс – один путь, Шелковый путь, ПИИ, Китай, ЕС, китайские инвестиции, сделки слияния, сделки поглощения

История статьи: поступила в редакцию 15 июля 2021 г.; проверена 20 августа 2021 г.; принята к публикации 4 сентября 2021 г.

Для цитирования: Sokolan D.S. China's FDI under The Belt and Road Initiative in the EU // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29. № 4. С. 785–795. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-785-795>

Introduction

The active growth of foreign investment from China began at the beginning of the 21st century and was directly related to the implementation of the Go Out Strategy, which was first announced in 2000 at the third session of the Ninth National People's Congress of the People's Republic of China (Gelbras, 2007). In the area of investment, this strategy involved government support for domestic companies investing abroad. In the longer term, the Chinese government intended to grow its own leading transnational corporations (TNC) that could compete with the TNCs of developed countries. During the first ten years of the Go Out Strategy, China's direct investment increased from \$916 million US dollars in 2000 to \$68.8 billion US dollars at the end of 2010.¹

Initially, Chinese investors, armed with the support of the government, began to invest in almost all sectors, with an emphasis on more traditional ones – the extractive industry, production. However, after the announcement of the implementation of the The Belt and Road Initiative in 2013, qualitative changes began to be observed in the structure of China's FDI abroad. This strategy was documented in March 2015 with two documents 'Concept and measures for the joint creation of the Silk Road Economic Belt' and 'The 21st Century Maritime Silk Road'.² The main goal of the strategy is 'to establish closer ties between the countries of Asia, Europe and Africa'.³

¹ UNCTAD STAT. (2021). *United Nations Conference on Trade and Development*. Retrieved May 17, 2021, from <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>

² NDRC, MFA, MOFCOM. (2015). *Vision and actions and Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road (EB/OL)*. Beijing. Retrieved May 17, 2021, from <https://www.yidaiyilu.gov.cn/yw/qwfb/604.htm>

³ NDRC. (2017). *Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road*. Retrieved May 5, 2017, from http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html

Methods

In the process of writing the article, the author used general scientific research methods. First of all, a graphical method was used to analyze China's investment flows along the Silk Road and for the geographical structure of FDI in the EU countries. In addition, the methods of deduction, grouping and systematization of data were used.

Literature review

The main source of information for analyzing FDI flows within the framework of the BRI was the Internet source China Global Investment Tracker, developed by the American Enterprise Institute. To analyze the main mergers and acquisitions, data from the world's leading media were used: Forbes, Financial Times, Reuters, BBC and Bloomberg. The well-known Russian scientist V.G. Gelbras analyzed Chinese investment policy in his articles and books (Gelbras, 2007). The features of the Chinese investment presence in the countries of the European Union are considered in the works of such scientists as I.V. Andronova, D.S. Sokolan, N.S. Kuchma, L.N. Fedyakina, M. He, J. Katainen, S. Poncet, N.Yu. Seniuk, I.S. Terukov, L. Zhang (Andronova, Sokolan, 2021, 2018; Kuchma, Fedyakina, 2021; He, 2020; Katainen, 2019; Poncet, 2010; Seniuk, Terukov, 2021; Zhang, 2021).

Implementation of The Belt and Road Initiative in the EU countries

As of September 2021, 139 countries have joined China's Belt and Road Initiative. However, the most interesting are the EU countries, which in fact are the final and main point of the New Silk Road. In Europe and Central Asia, 34 countries have joined this initiative to date, including 17 EU countries (Austria, Bulgaria, Hungary, Greece, Italy, Cyprus, Latvia, Lithuania, Luxembourg, Poland, Portugal, Romania, Slovakia, Slovenia, Croatia, Czech Republic, Estonia). We also note that potential EU candidates have joined the initiative: Albania, Bosnia and Herzegovina, North Macedonia.⁴ Thus, most of the EU countries are seriously interested in the Chinese initiative, while the leading EU countries – Germany and France – are very wary of this strategy.

Italy became the first G7 country to join China's initiative in March 2019: President Xi Jinping and the Italian government signed agreements on 29 deals totaling €2.5 billion euro (\$2.8 billion US dollars) in various sectors of the economy.⁵ Italy almost immediately faced harsh criticism from representatives of France and Germany, calling for tougher policies towards China. This criticism is due to the fact that the governments of these countries see in Chinese investment in infrastructure as a way to increase China's political influence in the EU, as well as a way to gain access to important European technologies.⁶ Moreover, the Chinese

⁴ Xinhua Silk Road Database. (2021). *What are the Belt and Road countries?* Retrieved May 17, 2021, from <https://en.imsilkroad.com/p/314398.html>

⁵ CNBC. (2019). *Is Italy playing with fire when it comes to China?* Retrieved May 17, 2021, from <https://www.cnbc.com/2019/03/27/italys-joins-chinas-belt-and-road-initiative.html>

⁶ European Views. (2019). *Countries 'wake up in dependency', Germany warns after Italy's BRI deal with China.* Retrieved May 17, 2021, from <https://www.european-views.com/2019/03/counties-wake-up-in-dependency-germany-warns-after-italys-bri-deal-with-china/>

Belt and Road Initiative has been practically equated in recent years with the concept of ‘debt book diplomacy,’ according to which the creditor country (China) deliberately extends excessive credit to the recipient country in order to eventually drive the debtor country into a debt trap. The aim of the current debt trap is to obtain economic and political leverage on debtor countries.⁷ In connection with the current situation, this article will consider in more detail China's foreign direct investment in the EU countries within the framework of the BRI.

It is difficult to find statistical information on the FDI carried out on the official resources of China, however, over the past fifteen years, American Enterprise Institute has been conducting a detailed study of Chinese FDI. According to their statistics, China's investment abroad is divided into two main types: direct investment and construction. In this article, we will focus specifically on China's direct investments in the EU, since in total they significantly exceed the total amount of construction projects in the EU countries.

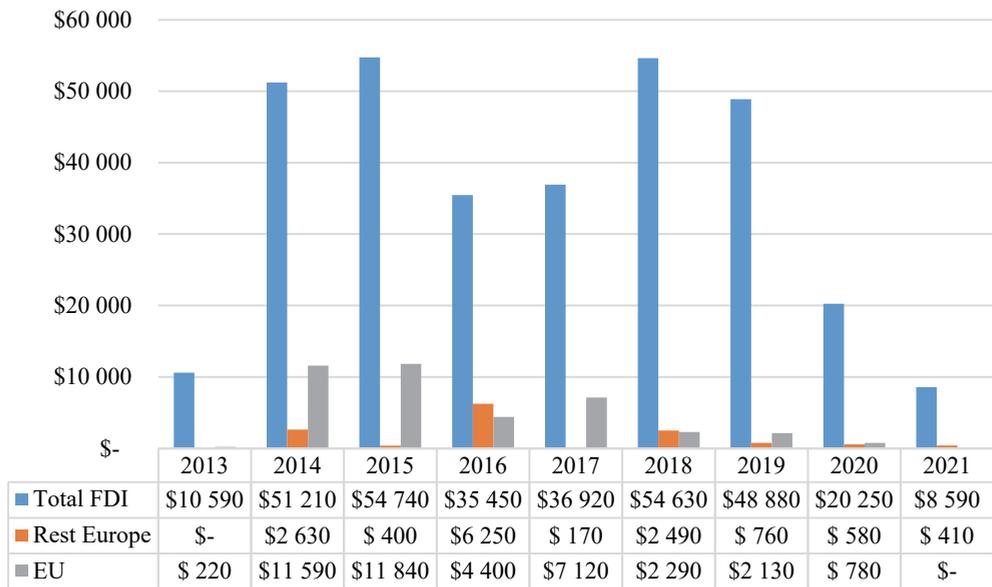

Figure 1. Dynamic of China's FDI under the Belt and Road Initiative in the EU countries in 2013–2021, million US dollars

Source: compiled by the author on the basis of: China Global Investment Tracker. Retrieved July 21, 2021, from <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/>

In the early years, record amounts of investments were directed to the implementation of the BRI: in 2013, projects of this strategy accounted for more than 50% of the total volume of FDI carried out by China abroad. According to Figure 1, China's direct investment under the Belt and Road Initiative grew rapidly in the first three years of implementation: if at the start of the strategy launch in 2013, they amounted to \$10.5 billion US dollars, then in 2015 they reached its peak – \$54.7 billion US dollars (thus, investments in the project increased by 5 times). FDI in the Silk Road

⁷ TRT World. (2019). *How China's debt trap diplomacy works and what it means*. Retrieved May 17, 2021, from <https://www.trtworld.com/africa/how-china-s-debt-trap-diplomacy-works-and-what-it-means-32133>

in the EU grew even more rapidly: between 2013 and 2015, FDI to the EU increased from \$220 million to \$11.8 billion US dollars (more than 50 times). In addition to the EU countries, in 2016 China was also interested in other European countries, which accounted for \$6.2 billion US dollars in investment on the Silk Road.

However, since 2015, China's FDI along the New Silk Road began to decline, which can be explained by the fact that in 2015 the new strategy 'Made in China 2025' was announced, in connection with which FDI were reoriented towards high technologies. But, in 2018 already, FDI in the Silk Road increased again and reached \$54.6 billion US dollars, while FDI in the EU countries within the framework of this strategy began to decline rapidly. In 2019, the amount of FDI under the BRI in the EU was only \$2.1 billion US dollars. The pandemic has not stopped China from investing in its project. In 2020, FDI along the Silk Road amounted to \$20.2 billion US dollars, while the EU countries accounted for only \$780 million US dollars. In the first half of 2021, China's FDI in this project amounted to \$8.5 billion US dollars. Over the entire period of implementation of the BRI, China has invested about \$321 billion US dollars. The share of European countries in the structure of accumulated Chinese investments within the framework of the BRI for September 2021 reached almost 17% of the total investment volume China in this project, including the share of EU countries (at the moment is about 13%).

Chinese investments in the construction of EU countries within the framework of the strategy are not as significant as direct FDI. Today, the EU countries account for only 1.5% of China's investments in construction within the framework of the New Silk Road.

Distribution of Chinese FDI by industry and EU countries under the Belt and Road Initiative

Now let's look at the distribution of Chinese FDI under the Belt and Road Initiative across the EU. Since the start of the initiative, Chinese FDI has been directed to 11 EU countries: Italy, Luxembourg, Portugal, Greece, Slovenia, Poland, Czech Republic, Malta, Hungary, Austria and Croatia. As shown in Figure 2, the largest amount of Chinese FDI under the initiative was in Italy – \$22.8 billion US dollars (56% of all FDI in the EU). It's no wonder why Germany and France were worried about this state of affairs. Luxembourg took the second place in terms of the volume of Chinese FDI under the strategy – \$4.7 billion US dollars (12%), Portugal became the third most attractive country for Chinese investors – \$4.6 billion US dollars (11%), in fourth and fifth places Greece and Slovenia – \$3.8 billion US dollars (10%) and \$1.4 billion US dollars (3%) respectively. All other countries accounted for 1% of Chinese FDI.

Of interest is not only the geographical distribution of China's investments in the EU countries, but also the sectoral one. At its core, the Concept and Measures for the Joint Creation of the Silk Road Economic Belt and the 21st Century Maritime Silk Road involve the creation of economic corridors and sea routes between China and the rest of the world. However, the transport and logistics sectors of the EU countries accounted for only \$12.2 billion US dollars (30% of all China's FDI flows to the EU under the Belt and Road Initiative). In addition to FDI in

logistics companies and ports of EU countries, China is actively investing in other sectors, which also includes in the BRI. For example, within the framework of the initiative, the energy complex of the EU countries accounted for \$10.4 billion US dollars (25.8%), while the financial sector accounted for \$8.3 billion US dollars (20.7%). In addition, as part of the initiative, China invested in the technology and entertainment industries – \$2.65 billion US dollars (6.6%) and \$1.89 billion US dollars (4.7%), accordingly.

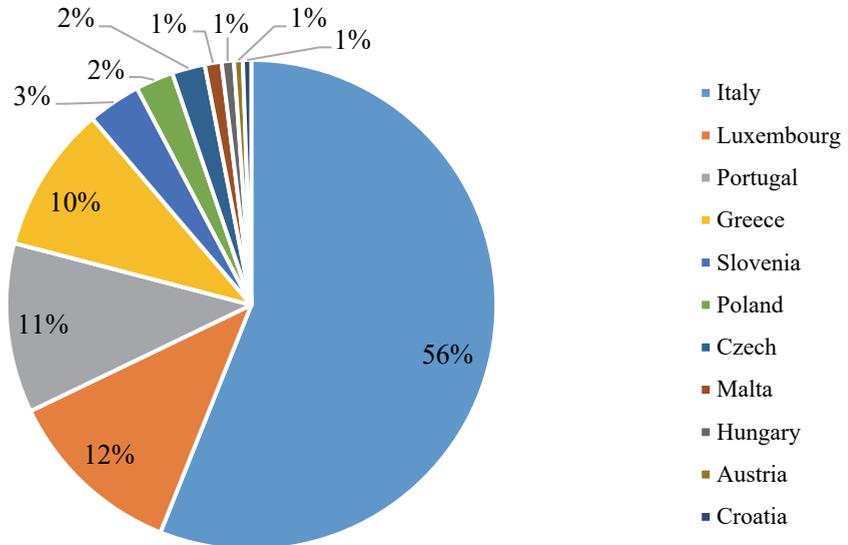

Figure 2. Distribution of FDI within the framework of the Belt and Road Initiative across the EU countries in the period from 2013 to 2021

Source: compiled by the author on the basis of: China Global Investment Tracker. Retrieved July 28, 2021, from <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/>

China's largest Silk Road deals in EU countries

As noted above, to date, most of the Chinese FDI under the initiative has been in Italy: of the 10 largest M&A deals carried out by China in the EU, 5 were concluded in Italy.

To begin with, in 2015, China bought 100% of the shares of the Italian corporation Pirelli, which is one of the world's largest tire manufacturers. What's more, the company is a leader in 'Prestige' tires with 19 manufacturing facilities in 12 countries.⁸ The buyer of the Italian company was the Chinese state chemical corporation ChemChina.⁹ The deal amounted to 7.8 billion US dollars – the largest deal within the Belt and Road Initiative in the EU. Thus, China, along with access to the latest technologies for the production of premium tires, has also

⁸ Pirelli. Official website. Retrieved May 17, 2021, from https://www.pirelli.com/global/en-ww/homepage?_ga=2.20609144.1119408482.1599436967-505677237.1599436967

⁹ Arosio, P., & Masoni, D. (2015). ChemChina to buy into Italian tire maker Pirelli in \$7.7 billion deal. *Reuters*. Retrieved May 17, 2021, from <https://www.reuters.com/article/us-pirelli-chemchina-idUSKBN0MI0PQ20150323>

gained an established customer base in the form of world leaders in the production of automobiles.

The second major transaction was the purchase in 2014 of 2 and 3% of shares in Italian energy companies such as Eni and Enel respectively. The company Eni is the largest oil and gas company in Italy. The company is engaged in the exploration, production, processing and sale of oil, gas, electricity in 66 countries.¹⁰ It is important to note that the Italian company is also actively developing new technologies for the production of clean energy. The Enel group of companies is engaged in the production and distribution of electricity and gas in 32 countries of the world. The company is focused on developing the newest technologies in the field of alternative energy sources.¹¹ It is also important to note that the main shareholder of the company is the Italian Ministry of Economy and Finance, the Central Bank of China has become the second largest shareholder in the company. The purchase of Eni and Enel shares cost the Central Bank of China 2.7 billion US dollars.¹² In addition to the fact that these deals fit perfectly into the Belt and Road Initiative, China has made investments in a promising direction today – alternative energy.

The third largest deal in China's Belt and Road Initiative was the purchase in November 2014 by the Chinese state grid company State Grid of a 35% stake in the Italian state-owned holding CDP Reti. In turn, the Italian holding manages companies such as Snap, Italgas and Terna, whose activities are related to supporting the development of the country's strategic infrastructure in the gas and energy sectors.¹³ The Chinese corporation State Grid is the world's largest power grid company, which in 2020 ranked 3rd in the list of the world's largest corporations Fortune Global 500.¹⁴ The deal amounted to \$2.76 billion US dollars, which made it one of the largest Chinese investments in Italy for the entire time.

So, the largest flow of Chinese investments was directed to Italy and its transport and energy complexes. Moreover, the main investors were not private Chinese investors, but state corporations and the Central Bank of China. China's largest deals in Italy were with state-owned Italian companies in the strategically important energy sector. One cannot ignore the purchase by China of the Italian company Pirelli, which was, in a way, the national champion of Italy. It would seem that such an active investment activity of China in Italy only in the first years of the implementation of the Belt and Road Initiative (the largest deals were concluded in Italy in 2014 and 2015) cannot but cause concern on the part of the Italian government. However, as practice shows, the Italian government is not only not opposed to the current situation, but is also extremely interested in Chinese FDI. Economic crisis 2008–2009 hard hit on the Italian economy, in connection with which the Italian government began to engage in the sale of state as-

¹⁰ Eni. Official website. Retrieved May 17, 2021, from <https://www.eni.com/en-IT/about-us.html>

¹¹ Enel. Official website. Retrieved May 17, 2021, from <https://www.enel.com/>

¹² Reuters. (2014). *China central bank buys 2 percent of Italy's Eni, Enel*. Retrieved May 17, 2021, from <https://www.reuters.com/article/china-eni-enel/china-central-bank-buys-2-percent-of-italys-eni-enel-idUSI6N0MG01P20140327>

¹³ CDP RETI. Official website. Retrieved May 17, 2021, from https://www.cdp.it/sitointernet/en/cdp_reti.page

¹⁴ Global 500. Official website. Retrieved May 17, 2021, from <https://fortune.com/global500/>

sets to reduce the country's public debt.¹⁵ It should be said that Chinese investors did not miss the opportunities that had opened up and began to actively invest in strategic industries. On the one hand, it is too early to talk about the obvious danger of Chinese investments (China's share in state-owned companies in Italy is mostly no more than 2–3%), but on the other hand, Chinese investors gain access to strategically important industries, and in some cases become owners of leading national companies. In the future, this may lead to a loss of competitive advantages of Italian companies in the world market, a loss of technological advantage, as well as an increase in the country's dependence on Chinese FDI as a whole.

Going back to the other largest deals of China in the EU countries. The fourth largest deal in China under the Belt and Road Initiative was the purchase in June 2016 by the Chinese state-owned company Shandong Heavy Industry Group Co of the loss-making Luxembourg-based DH Services. The deal was carried out by the Chinese side through the European division of the KION Group and cost the Chinese company \$2.1 billion US dollars. Shandong Heavy Industry Group Co is a heavy machinery and automotive industry leader in China.¹⁶ The Luxembourg company DH Services, despite the fact that at the time of the transaction was unprofitable, however, was of great interest to the Chinese company. The main activity of DH Services is the development and production of automation technologies for cargo flows, development of solutions for warehouse equipment and internal logistics. Thus, the Chinese company decided to become a leader not only in the production of equipment, but also in the provision of handling operations. Shandong Heavy Industry Group Co acquired through this transaction technology for the automatic interaction of production and warehousing processes.¹⁷

Also of interest is the deal between the Chinese financial and industrial conglomerate Fosun International and the Portuguese state insurance group Caixa Seguros. As a result of this transaction, Fosun International received 80% of the shares of the largest insurance group in Portugal, winning the tender race against the American investment fund Apollo Global Management LLC.¹⁸ The deal amounted to almost \$2 billion US dollars. In Portugal, the situation was practically the same as in Italy: the Italian government itself was interested in this deal. Caixa Seguros is the insurance division of Portugal's largest state-owned bank, which was forced to agree to the deal in order to pay off its obligations to the state. The Portuguese government itself supported the deal, as it complied with EU requirements for the sale of state assets and increased revenues.¹⁹

¹⁵ Landini, F., & Trogni, L. (2014). Italy to sell energy grid stake to China for 2 billion euros. *Reuters*. Retrieved May 17, 2021, from <https://www.reuters.com/article/us-italy-china/italy-to-sell-energy-grid-stake-to-china-for-2-billion-euros-idUSKBN0FT1H020140724>

¹⁶ Shandong Heavy Industry Group. Official website. Retrieved May 17, 2021, from <http://www.shig.com.cn/en/>

¹⁷ SCMP. (2016). Weichai Power unit KION in US \$2.1 billion European acquisition. Retrieved May 17, 2021, from <https://www.scmp.com/business/companies/article/1979183/weichai-power-unit-kion-us21-billion-european-acquisition>

¹⁸ Financial Times. (2021). *China's Fosun buys Portuguese insurer Caixa Seguros*. Retrieved May 17, 2021, from <https://www.ft.com/content/ddcad8aa-7952-11e3-b381-00144feabdc0>

¹⁹ Insurance Journal. (2014). *China's Fosun buys 80% of Portugal's Caixa Insurer for \$1.36 billion*. Retrieved May 17, 2021, from <https://www.insurancejournal.com/news/international/2014/01/10/316691.htm>

In turn, the Chinese company, which is known in the world for providing high quality products and services in the insurance, entertainment, tourism and asset management sectors, through this transaction took it one more step towards realizing its goal of ‘becoming a leading investment group of the world.’ Moreover, Fosun international, together with the company’s assets, gained an impressive 26% share in the Portuguese domestic insurance market.²⁰

Many major Silk Road deals were concluded in 2017. In August 2017, the Chinese diversified investment holding Legend Holdings Corporation bought out 90% of the shares of the Luxembourg bank BIL (Banque Internationale a Luxembourg) for \$1.7 billion US dollars. This transaction was the largest takeover of a European deposit bank by a Chinese firm. The deal with BIL gave the Chinese company a 161-year-old bank. The Chinese side plans to bring the bank to a new international level. Despite the fact that the attention to the deals of China in the sphere of finances of the EU countries is increasing, there was no pressure from the European authorities on the outcome of the deal.

Another major deal in 2017 was struck in November between China Energy Investment Corporation Ltd and Greek investment group Copelouzos. As a result of the deal, the Chinese corporation acquired 75% of the shares in four wind farms in Copelouzos. The deal was worth \$1.6 billion US dollars. China Energy Investment Corporation Ltd is the largest conventional and renewable energy company in the world and the largest coal producer in the world. This deal was actively supported by the Chinese government. In turn, the Copelouzos Group is one of the largest investment groups in Greece, whose activities are related to energy, infrastructure, marketing, tourism, etc. The Chinese state corporation was interested in the activities of a Greek company in the construction of wind farms and energy-saving installations. The collaboration between the two companies was aimed at improving the environment.²¹ This deal demonstrates China’s growing interest in the alternative energy sector.

Most of the questions from foreign media arose about the deal, which was concluded in January 2017 between the Chinese chemical corporation Zhejiang Jinke and the Slovenian game developer Outfit7. The deal amounted to \$1.05 billion US dollars and became the largest M&A deal in Slovenia. Outfit7 is one of the leading family entertainment companies with 300 million monthly active users. The company became world famous for the creation of the Talking Tom children’s game, the Talking Tom channel on YouTube has over 2 billion views.²² In turn, Zhejiang Jinke is the largest peroxide producer in China and the only tetraacetylenediamine (TAED) company in Asia.²³ It’s hard to find a connection between

²⁰ Reuters. (2014). Portugal to sell insurer to China’s Fosun for 1 billion euros. Retrieved May 17, 2021, from <https://www.reuters.com/article/portugal-insurance-privatisation/update-2-portugal-to-sell-insurer-to-chinas-fosun-for-1-billion-euros-idUSL6N0KJ3DF20140110>

²¹ Copelouzos Group. (2021). Commencement of cooperation between China Energy & Copelouzos Group. Retrieved May 17, 2021, from <https://www.copelouzos.gr/en/news/commencement-of-cooperation-between-china-energy-investment-corporation-ltd-copelouzos-group/>

²² Ho, J. (2017). Talking Tom App maker Outfit7 flipped to China’s Jinke at over \$1 billion. *Forbes*. Retrieved May 17, 2021, from <https://www.forbes.com/sites/janeho/2017/03/02/talking-tom-app-maker-outfit7-flipped-to-chinas-jinke-at-over-1-billion/?sh=5226ef78661e>

²³ Jinke Chem. (2021). *Corporate overview*. Retrieved May 17, 2021, from <http://www.jinke-chem.com/english/about.asp?id=73>

a chemical corporation and a video game manufacturer. It is worth noting that the annual income of the Chinese company in 2016 was only \$133 million US dollars. The question arises where the Chinese corporation found \$1 billion US dollars to buy the Slovenian company. According to a number of experts, this deal is necessary for a Chinese chemical company in order to increase the value of its own shares by acquiring a company with a higher profitability.²⁴

In July 2019, the world famous Chinese company Huawei Technologies invested \$1.2 billion in the development of 5G technologies in Italy. Moreover, the Chinese technology giant announced that it plans to invest up to \$3.1 billion in Italy over the next three years. The company has promised to add 1000 jobs in Italy.²⁵ The Chinese company Huawei is a leading global provider of smart devices and infrastructure in the information and communications technology industry.²⁶ Given the US sanctions against the Chinese company, it's no surprise why Huawei is investing such amounts in Italy. As part of the BRI, the development of 5G technologies in the EU countries is a promising and necessary direction for China.

The purchase of a 2% stake in the Italian bank Intesa Sanpaolo was also included in the top ten largest deals in China within the framework of the BRI in 2015. The deal cost the People's Bank of China \$1.2 billion US dollars. Thanks to this deal, the People's Bank of China became one of the main foreign investors in the Italian bank. Intesa Sanpaolo is the leader in the banking services market in Italy and one of the largest banks in the Eurozone. It is worth noting that the People's Bank of China acquired 2% each of other large Italian banks: Unicredit, Monte dei Paschi di Siena. Thus, China is clearly interested in the EU banking system. As part of the Silk Road, investments in major banks provide China with financial infrastructure.

Conclusion

Based on the analysis of the ten largest deals in the framework of the Belt and Road Initiative in the EU, the following conclusion can be drawn: Chinese investors are diversifying their capital across various sectors of the EU economy. The main flow of investments was directed to the transport and energy sectors. However, a number of major deals were made in the financial sector. Thus, China is trying to create not only transport infrastructure in the EU countries, but also to provide its BRI with financial and technological infrastructure. More than 50% of all Chinese FDI under the project in the EU countries went to Italy. Italy became the first developed EU country to support this China project. The Italian government plans to further cooperate with China and has approved Huawei's investment in the development of 5G technologies. It is worth saying that China's investment in infrastructure is quite dangerous for the EU countries. Through these investments,

²⁴ Satariano, A. (2017). Why did a Chinese peroxide company pay \$1 billion for a talking cat? *Bloomberg Businessweek*. Retrieved May 17, 2021, from <https://www.bloomberg.com/news/features/2017-05-17/why-did-a-chinese-peroxide-company-pay-1-billion-for-a-talking-cat>

²⁵ Pollina, E. (2019). Huawei to invest \$3.1 billion in Italy but calls for fair policy on 5G: Country CEO. *Reuters*. Retrieved May 17, 2021, from <https://cn.reuters.com/article/us-huawei-italy/huawei-to-invest-3-1-billion-in-italy-but-calls-for-fair-policy-on-5g-country-ceo-idUSKCN1UA11V>

²⁶ Huawei. (2021). *Our company*. Retrieved May 17, 2021, from <https://www.huawei.com/en/corporate-information>

China not only implements its project, but also gets more leverage on the EU. The EU leadership needs to develop a common strategy for dealing with Chinese FDI in order not to become completely dependent on China in the future.

References / Список литературы

- Andronova, I.V., & Sokolan, D.S. (2018). China's foreign direct investment in EU countries. *Bulletin of Pacific National University*, 4(51), 69–78 (In Russ.)
Андропова И.В., Соколан Д.С. Прямые иностранные инвестиции Китая в страны ЕС // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2018. № 4 (51). С. 67–78.
- Andronova, I.V., & Sokolan, D.S. (2021). China's direct investment in alternative energy sources in the EU. E.B. Zavyalova & E.G. Popkova (Eds.), *Industry 4.0*. Cham, Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-030-75405-1_10
- Gelbras, V.G. (2007). Russian-Chinese relations and problems of globalization. *East. Afro-Asian Societies*, (1(42)), 2–12. (In Russ.)
Гельбрас В.Г. Российско-китайские отношения и проблемы глобализации // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2007. № 1 (42). С. 2–12.
- He, M. (2020). China – EU: Legal framework and trade cooperation at the present stage. *RUDN Journal of Economics*, 28(1), 72–82. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-1-72-82>
- Хэ М. КНР – ЕС: договорно-правовая база и динамика торгового сотрудничества на современном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2020. Т. 28. № 1. С. 72–82. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-1-72-82>
- Katainen, J. (2019). Chinese investments in the EU. T. Wenniges & W. Lohman (Eds.), *Chinese FDI in the EU and the US* (pp. 15–20). Singapore, Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-981-13-6071-8_2
- Kuchma, N.S., Andronova, I.V., Savkin, D., & Fedyakina, L.N. (2021). The characteristics of adaptation of FDI in China & reorientation of FDI as a provision for the modernization. E.G. Popkova & B.S. Sergi (Eds.), *ISC 2019: Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap* (pp. 2034–2045). Cham, Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_223
- Poncet, S. (2010). Inward and outward FDI in China. D. Greenaway, C. Milner & S. Yao (Eds.), *China and the World Economy* (pp. 112–134). London, Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9781137059864_6
- Seniuk, N. Yu., & Terukov, I.S. (2021). “Silk Road” and Chinese direct investment in high-tech industries of the EU. *Current Problems of Europe*, (1(109)), 154–176. (In Russ.)
Сенюк Н.Ю., Теруков И.С. «Шелковый путь» и китайские прямые инвестиции в высокотехнологичные отрасли ЕС // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 1 (109). С. 154–176.
- Zhang, L. (2021). China's Belt and Road Initiative in the European media: A mixed narrative? In A. Miskimmon, B. O'Loughlin & J. Zeng (Eds.), *One Belt, One Road, One Story? Palgrave Studies in European Union Politics* (pp. 115–137). Cham, Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-030-53153-9_6

Сведения об авторе / Bio note

Соколан Дарья Сергеевна, ассистент кафедры международных экономических отношений, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0000-0002-9883-6804. E-mail: dariya.kristi@yandex.ru

Daria S. Sokolan, assistant of the International Economic Relations Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). ORCID: 0000-0002-9883-6804. E-mail: dariya.kristi@yandex.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-4-796-805

UDC 339.9

Research article / Научная статья

The Chinese foreign direct investment to Sub-Sahara Africa

M. Michael^{1,2}✉, E.O. Glory², O. Sylvester¹, O.T. Daniel³

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

²Ambrose Alli University,
KM 70 Benin Auchu Road, P. M. B 14, Ekpoma, Edo State, Federal Republic of Nigeria

³Synergy University,
80 Leningradskii Prospekt, Moscow, 125190, Russian Federation

✉ agomado@inbox.ru

Abstract. The increasing investment of China in the Sub-Sahara Africa (SSA) has continued to add value to the continent of Africa. The Chinese investment has served as growth and developmental mechanism and finance sources for viable projects. The effect of China in Sub-Sahara Africa and Africa economies in generally on different dimensions, depending on the nature of the attractiveness of foreign direct investment (FDI) and factor of production of each country. The increased of China FDI inflows to SSA has generated much important gained to the continent of African economies. The authors analyze the FDI, determinants, merits and policy implications necessary to stimulate and accelerate more FDI from China and other countries of the world. In doing this, the SSA countries must have policy direction towards business friendly that would attract more investment and also protect foreign investors against expropriation.

Keywords: China, foreign direct investment, FDI, Sub-Sahara Africa, SSA

Article history: received June 12, 2021; revised June 17, 2021; accepted June 18, 2021.

For citation: Michael, M., Glory, E.O., Sylvester, O., & Daniel, O.T. (2021). The Chinese foreign direct investment to Sub-Sahara Africa. *RUDN Journal of Economics*, 29(4), 796–805. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-796-805>

Прямые иностранные инвестиции Китая в страны Африки к югу от Сахары

M. Майкл^{1,2}✉, Э.О. Глоги², О. Сильвестр¹, О.Т. Дэниел³

¹Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

²Университет Амброуза Али,
Федеративная Республика Нигерия, штат Эдо, Эклома, P. M. B 14, KM 70 Benin Auchu Road

³Университет «Синергия»,
Российская Федерация, 125190, Москва, Ленинградский пр-кт, д. 80

✉ agomado@inbox.ru

Аннотация. Увеличение инвестиций Китая в Африку к югу от Сахары по-прежнему повышает ценность Африканского континента. Китайские инвестиции служат механизмом роста и развития, а также источником финансирования жизнеспособных проектов.

© Michael M., Glory E.O., Sylvester O., Daniel O.T., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Влияние Китая в странах Африки к югу от Сахары и в странах Африки в целом различается в зависимости от характера привлекательности прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и факторов производства каждой страны. Увеличение притока ПИИ из Китая в Африку к югу от Сахары внесло значительный вклад в экономику Африканского континента. Исследование посвящено анализу ПИИ, их преимуществ и политических последствий, детерминант, необходимых для стимулирования и ускорения роста ПИИ из Китая и других стран мира. При этом страны Африки к югу от Сахары должны проводить политику, направленную на создание благоприятных условий для бизнеса, которые привлекали бы больше инвестиций, а также защищали иностранных инвесторов от экспроприации.

Ключевые слова: Китай, прямые иностранные инвестиции, ПИИ, Страны Африки к югу от Сахары

История статьи: поступила в редакцию 12 июня 2021 г.; проверена 17 июня 2021 г.; принята к публикации 18 июня 2021 г.

Для цитирования: *Michael M., Glory E.O., Sylvester O., Daniel O.T.* The Chinese foreign direct investment to Sub-Sahara Africa // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29. № 4. С. 796–805. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-796-805>

Introduction

In 2015, the New York United Nations summit, issues regarding Sustainable Development Goal (SGD) were adopted by leaders of various countries in pursuance to global growth and development. In sequel to the summit, huge success was recorded which was geared towards obtaining 2030 Millennium Development Goal (MDG) globally. One of such goals is to build sustainable infrastructure and accelerate industrialization (No. 9). As pointed out by United Nations Development Organizations¹ emphasizes on the important of economic growth and development via cross border economic integration that will serve as a propeller for sustainable economic, social and environmental growth and development that are applicable to developed and less developing nations. This further reiterated that inequalities and wealth in developed and developing nations are as a result of the different economic growth models (industrialization/ investments) adopted by various countries. That it will take less developing countries over 100 years to obtained investment that will industrialized their various economic sectors and 50 years growing by 10% rate per annum and unfortunately, Africa has weak saving and investment base. Hence, for Sub-Sahara Africa (SSA) to achieve growth and development, investments is imperative and indispensable especially within the Sub-Sahara Africa nations having over 67% of less-developed economies in the world (Megbowon et al., 2019). Due to lack of capital for investment that can change the economic narrative of SSA, hence, it is necessary to have foreign direct investment (FDI) that is paramount to economic growth and development to Africa continent.

Thus, with economic integration, liberalization and globalization, FDI is playing germane roles in economic growth and development. Capital formation and technological advancement are theoretically considered as tools for socio-economic growth and development. Foreign direct investment to SSA has four important contribu-

¹ UNIDO. (2017). *Statistical indicators of inclusive and sustainable industrialization base-line scenario*. Retrieved April 20, 2021, from https://170302_UNIDO_Statistical-indicators-of-inclusive-and-sustainable-industrialization_ebook.pdf

tions; to make up for domestic saving deficit; foreign exchange gap; revenue generation deficits and management, entrepreneurship, technology and skills. Liu, Hao and Gao (2017) noted that, to achieve economic sustainability and prosperity, FDI is imperative to employment generation, capital formation, economic growth and development, environmental sustainability industrialization among others. Most of the Sub-Sahara Africa countries lack the capacity to explore, refine and utilize their natural resources as a result of shortage of human and capital resources, inadequate technological advancement and socio-economic challenges.

However, many efforts have been made by SSA countries to stimulate and accelerate FDI inflows into the region by creating socio-economic policies, Export Processing Zones (EPZs) and investment zones via investment incentive such as tax holidays, duty free in some imported goods and equipment yet little has been achieved in economic growth and development. The level of poverty, unemployment, mortality rate, high level of uneducated people, corruption, social unrest, energy problem has increased significantly. It therefore requires that more prudence FDI are needed to address the socio-economic problem in Sub-Sahara Africa.

Literature review

Foreign direct investment is a key element in global economic integration and liberalization. Organization for Economic Cooperation and Development,² view FDI as a means of creating direct, stable and long-lasting links between economies. Where the right socio-economic policies are in operation, it can serve as an important tool for the development of enterprise, and it may also help improve the competitiveness from the position the recipient and the investing economy. Foreign direct investment is an investment opportunity that involves relationship on long-term, lasting interest and control by a resident entity in one economy.³ FDI consists of international resources including technology, managerial and marketing expertise and capital. Foreign direct investment is viewed as a major stimulus to economic growth among countries. Although, the ability to deal with two major challenges, namely: shortages of financial resources, technology and skills, has made it the Centre of attraction for developing countries in particular. Only a few countries in the Sub-Saharan Africa have been successfully attracting significant FDI flow from China (Agwu, 2014).

China recently emerged on the global financial scene and one of the highest financiers, export destination, investment and development partner with FDI growing in the continent of Africa. This is attained as a result of Chinese government significant attachment to global growth and development considering the “Go Global” policy established in 1999. The policy recognized the growing awareness of Chinese government the opportunity to impact and goes beyond the territory of China and harnesses the economic potentials of other nations of the world (Luo et al., 2010). The policy serves as a determinant factor for Chinese investors to invest outside their domestic market and take advantage of the competitive business environment globally.

² OECD. (2008). *OECD benchmark definition of foreign direct investment*. 4th ed. France, OECD Publishing. Retrieved June 15, 2021, from <https://www.oecd.org/daf/inv/investmentstatisticsandanalysis/40193734.pdf>

³ IMF. (2011). *World Economic Outlook: A survey by the staff of the International Monetary Fund*. Washington. Retrieved June 15, 2021, from <https://www.imf.org/en/Publications/WEO>

As pointed out by Donou-Adonsou and Lim (2018), the increase in China's FDI to Sub-Saharan Africa are as a result of the visit of President Jiang Zemin in 1996 and President Hu Jintao to Africa in 2004 which serve as a driving force that help increase the markets and demand for resources to support China's growing economy with key commitment to grow and develop the continent of Africa respectively. Falki (2009) noted that the benefits of Chinese foreign direct investment on the host economy accelerate the increase in employment, productivity, encourage more exports and technology. The advantages of Chinese FDI in SSA economy is that it facilitates the utilization raw materials locally, new management techniques are introduced, change in marketing strategy and access to new technological advancement.

Determinant of foreign direct investment inflow to Sub-Saharan Africa

The literature on the forces driving Chinese FDI to Sub-Saharan Africa has identified policy and non-policy factors as a determinant of foreign direct investment (Asiedu, 2003). Policy factors are openness to other nations, product-market regulation, labour market arrangements, corporate tax rates, foreign investment restrictions, trade barriers and social amenities. Non-policy factors include market size of the receiving country, costs of transportation, socio-political and economic stability (Ayanwale, 2007). The pull factors include economic, socio-political and structural conditions, including uncertainty, while the push factors relate to cyclical and structural condition, irreversibility and herding (Gottschalk, 2001). The open market policy to attract FDI from China to SSA is yielding a lot of benefits to the continent of Africa, over 30% of foreign products coming to Africa are from China today and the Exim Bank of China is helping to promote greatly on the economic integration and liberalization with SSA countries.

Solomon and Eka (2013) also investigate the implication foreign direct investment aids and comparative advantage. Using two countries and two sector investment model to test for FDI using automobile and textile of each country, the finding reveals that the recipient country's more attractive to inward foreign investment than its comparative disadvantage sector. This shown that, the indicators of the FDI attractiveness depends on the socio-economic policies and market strength of the host countries. In SSA for instance, Chinese FDI inflows are so encouraging since the economic policies of the continent are gears towards having more foreign investors that will help change the economic situations. The importance of a wide range of institutional variables and government policy as determinants of the location of FDI and find that better institutions have overall positive and economically significant effect on FDI.

Bilateral and multilateral agreement between China and SSA are helping to attract more FDI from China to SSA and the establishment of regional economic policy such as the New Partnership for Africa Development (NEPAD). One of the major agreements is the Chinese-Africa Corporation Forum where partners meet every three years to review economic issues that will benefit and smoothening business relationship.

China – Sub-Saharan Africa FDI

Over a decade, the socio-economic relationship of China- Africa has significantly increased especially since the coming into existence of the forum on China-Africa Cooperation (FOCAC), which has been serving as the engine room for

strategy economic integration, cooperation and diplomatic relation. The economic integration between China and Sub-Sahara Africa involves investment, financed and trade relationship towards achieving a greater economic goal. All the Africa nations are benefiting over 45% foreign direct investment from China across all spheres of businesses from oil and gas sector, construction, manufacturing, extractive and financial services. The Chinese's banks (Exim bank of China) having been supporting infrastructural investment in Africa especially South Africa, Algeria, Angola, Ethiopia, Kenya Nigeria etc., currently over 2,300 private Chinese firms are operating in SSA. China foreign direct investment has increased tremendously because the Chinese government adopted various mechanisms to encourage investment oversea by making resources available for investment. The decaying energy and transport sectors attracted greater attention, agriculture, manufacturing sector are inclusive. In the transport sector the Chinese investors has done greatly in the construction of various railways line across the continent such as the Lagos – Kano line, Nigeria, Benguela line, linking Angola and Zambia, Addis Ababa – Djibouti line, Ethiopia, Mali – Guinea line, Kenya etc. China FDI in Sub-Sahara Africa has provided a new dimension and opportunities for African nations to benefits from the skills and technological advancement brought by the Chinese firms and this has provided jobs opportunities for the growing population especially in labour-intensive manufacturing industries. The Chinese FDI distribution in 21 selected countries in Sub-Sahara Africa from 2003–2019 is shown in Table.

FDI inflows from China to Sub-Sahara Africa for 17 years (2003–2019) under review shown that Algeria received 2770.90 million US dollar, Angola 2834.19 million US dollar, Cameroon 529.84, Republic of the Congo 1421.36, Democratic Republic of the Congo 3503.40, Cote d' Ivoire 546.24, Ethiopia 1957.07, Ghana 1558.13, Guinea 952.95, Kenya 1786.94, Madagascar 417.32, Mauritius 1327.21, Mozambique 1343.21, Niger 1152.80, Nigeria 2655.04, Seychelles 452.88, South Africa 9164.99, Tanzania 1320.93, Uganda 955.76, Zambia 3214.37 and Zimbabwe 1742.71 million US dollar. Within the period under review, the FDI from China to Sub Sahara Africa reveals that, South Africa recorded the highest value of 9164.99 million US dollar, follows by Zambia 3214.37 and 2834.19 million US dollar for Angola. Figure 1 shows that South Africa is the largest recipient (9164.99 million US dollar) of FDI inflow from China among all the selected countries. The least recipient is Chinese FDI is Seychelles with a value of 452.88 million US dollar within the period under review.

The general trends of Chinese FDI in SSA reveal a significant increase from time to time especially in some countries such as South Africa, Nigeria, Algeria, Angola etc., although decreases at time. In Nigeria for instance, Chinese investment cover different sector but largely in the construction, telecommunication and oil and gas industry. Meanwhile, China FDI are more concentrated in few SSA countries as a result of their natural resources – South Africa (Gold), Democratic Republic of the Congo (Diamond), Algeria (copper), Angola (Diamond), Nigeria(oil), Zambia (copper), Ethiopia (hydropower potentials) and Zimbabwe (Diamond) from 2003 to 2019 and favorable economic policy. These countries accounted for an average of 66% of the total FDI to SSA within the period under review.

Chinese FDI distribution in 21 selected countries in Sub-Sahara Africa from 2003 to 2019, million US dollar

	Algeria	Angola	Came- roon	Republic of the Congo	Democ- ratic Republic of the Congo	Cote d'Ivoire	Ethiopia	Ghana	Guinea	Kenya	Mada- gascar
2003	2.47	0.19	0.28	0.00	0.06	0.62	0.98	2.89	1.20	0.74	0.68
2004	11.21	0.18	0.37	0.51	11.91	6.75	0.43	0.34	14.44	2.68	13.64
2005	84.87	0.47	0.19	8.11	5.07	8.74	4.93	2.57	16.34	2.05	0.14
2006	98.93	22.39	0.73	13.24	36.73	2.91	23.95	0.50	0.75	0.18	1.17
2007	145.92	41.19	2.05	2.50	57.27	1.74	13.28	1.85	13.20	8.90	13.24
2008	42.25	9.57	1.69	9.79	23.99	7.02	9.71	10.99	8.32	23.23	61.16
2009	228.76	8.31	0.82	28.07	227.16	1.51	74.29	49.35	26.98	28.12	42.56
2010	186.00	101.11	14.88	34.38	236.19	5.02	58.53	55.98	9.74	101.22	33.58
2011	114.34	72.72	1.87	6.81	75.18	0.87	72.30	40.07	24.55	68.17	23.10
2012	245.88	392.08	17.65	98.80	344.17	3.61	121.56	208.49	64.44	78.73	8.43
2013	191.30	224.05	57.20	109.94	121.27	4.79	102.46	122.51	100.13	230.54	15.51
2014	665.71	448.57	29.74	238.60	157.56	24.26	119.59	72.90	67.70	278.39	36.76
2015	210.57	57.74	24.67	150.08	213.71	60.24	175.29	283.22	25.72	281.81	33.84
2016	99.89	164.49	114.23	49.13	-78.92	56.53	282.14	490.61	36.67	29.67	6.55
2017	140.53	637.55	87.99	284.17	340.24	112.69	181.08	44.20	286.56	410.10	71.20
2018	178.65	270.34	141.79	292.64	643.01	163.68	341.3	142.25	203.17	232.04	55.6
2019	123.62	383.24	33.69	94.59	930.96	85.26	375.3	29.41	53.04	10.37	0.16

	Mauritius	Mozam- bique	Niger	Nigeria	Seychel- les	South Africa	Tanzania	Uganda	Zambia	Zimbabwe
2003	10.27	0.00	0.00	24.40	0.00	8.86	0.00	1.00	5.53	0.03
2004	0.44	0.66	1.53	45.52	0.00	17.81	1.62	0.15	2.23	0.71
2005	2.04	2.88	5.76	53.30	0.05	47.47	0.96	0.17	10.09	1.47
2006	16.59	0.00	7.94	67.79	0.06	40.74	12.54	0.23	87.44	3.42
2007	15.58	10.03	100.83	390.35	0.09	454.41	3.82	4.01	119.34	12.57
2008	34.44	5.85	0.01	162.56	0.05	4807.86	18.22	6.70	213.97	0.72
2009	14.12	15.85	39.87	171.86	0.36	41.59	21.58	1.29	111.80	11.24
2010	22.01	0.28	196.25	184.89	12.28	411.17	25.72	26.50	75.05	33.80
2011	419.46	20.26	51.63	197.42	4.34	14.17	53.12	9.91	291.78	440.03
2012	57.83	230.52	195.94	333.05	53.40	814.91	119.70	9.79	291.55	287.47
2013	61.07	131.89	116.54	209.13	17.69	89.19	150.64	60.60	292.86	517.53
2014	49.43	102.51	44.61	199.77	7.56	42.09	166.61	60.50	424.85	101.18
2015	154.77	68.43	23.69	50.58	49.58	233.17	226.32	205.34	96.55	46.75
2016	72.33	44.25	23.56	108.50	50.41	843.22	94.57	121.51	218.41	42.95
2017	33.27	117.47	50.84	137.95	27.05	317.36	132.46	79.04	305.80	107.88
2018	178.2	545.63	115.44	194.7	227.98	642.06	177.47	225.8	523.73	53.83
2019	185.9	46.7	178.36	123.3	1.98	338.91	115.58	143.22	143.39	81.13

Source: The Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment published by China's MOFCOM. Retrieved June 15, 2021, from <http://fec.mofcom.gov.cn/article/tjsj/>

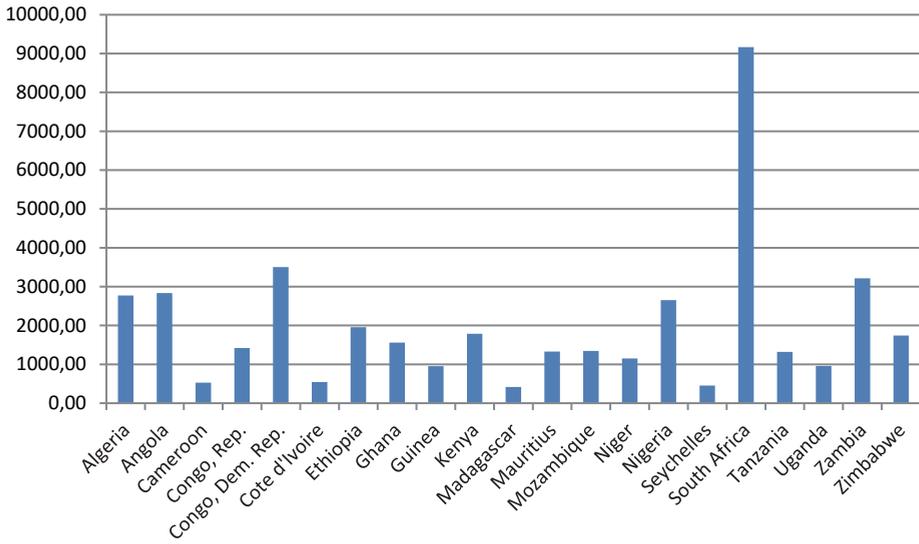

Figure 1. China FDI flows distribution to Sub-Sahara Africa from 2003 to 2019, million US dollar

Source: The Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment published by China's MOFCOM. Retrieved June 15, 2021, from <http://fec.mofcom.gov.cn/article/tjsj/>

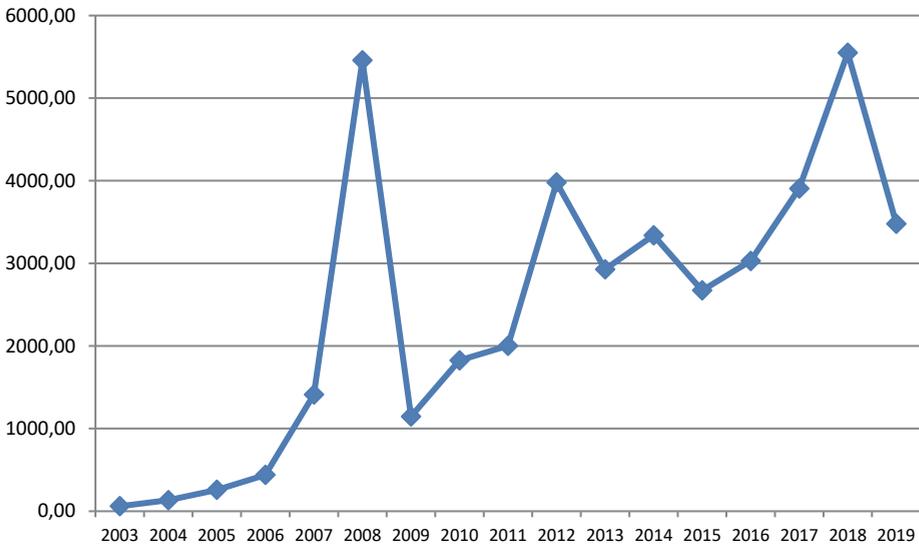

Figure 2. Total China FDI flow to Sub-Sahara Africa from 2003 to 2019, million US dollar

Source: The Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment published by China's MOFCOM. Retrieved June 15, 2021, from <http://fec.mofcom.gov.cn/article/tjsj/>

The total value of China FDI to 21 selected Sub-Sahara Africa countries from 2003 to 2019 depicts on Figure 2 reveals that 2003 value of FDI received from China stood at 60.20 million US dollar, and rose to 5458.10 million US dollar in 2008 but decrease to 1145.49 million US dollar in 2009. In 2010 to 2012, the value of inflows from China maintained a progressive trend from 1824.58 million US dollar to 3978 million US dollar but decreased to 1038.11 million US dol-

lar in 2013. However, 2014 value was 3338.89 million US dollar, decrease in 2015 to 2672.07 and rose to 3028.54 million US dollar in 2016. In 2017 inflow was 3905.43 million US dollar, increase in 2018 to 5549.27 and decrease to 3478.07 in 2019. The FDI inflow to the selected Sub-Saharan Africa countries from China was lowest in 2003 valued at 60.20 and highest value of 5549.27 million US dollar in 2018 respectively. The tremendous increase of FDI in 2018 is as result of the more investment inflows into agriculture, mining, quarrying and petroleum⁴ and the manufacturing sector (food beverages, tobacco, pharmaceuticals, medicals, chemicals and botanical products).

Again, China FDI inflows created over 137, 028 jobs from 2014 to 2018 in 259 projects (FDI Intelligence and EY Africa Attractiveness Report, 2019). For instance, Ghana Investment Promotion Centre (2013) reported that, the Chinese FDI generated 18,963 jobs in Ghana of which 15,903 were Ghanaians and 3060 were for non-Ghanaians. The manufacturing sector had the highest value of 7,355, trading 3987, building and construction 3167 and lastly liaison 212. Again, Ethiopia and Rwandan are not left out in the jobs generation, between 2003–2014, 3,811 jobs were created, the construction sector taking the lead 1415, extraction second 1064, manufacturing 510, ICT and internet infrastructure 322, logistics 133, education and training 75, electricity 66, retail 38, business services 17, sales, marketing 15 and other businesses 156.⁵ In 2019, FDI greenfield investment monitoring market reported that 170 manufacturing FDI project were executed in Sub-Saharan Africa, which exceeded the previous annual average of 109 projects with estimated increase in jobs creation by 92% to 33,855. Kenya, Uganda, Malawi and Ghana recorded a significant improvement in Greenfield manufacturing and agricultural business was the most active during the period of 2019, meanwhile 2017, the construction and mining industry accounted for over 52% of China FDI to SSA.⁶

The Figure 3 reveals that, 2017 top five sectors for China's FDI to SSA. FDI inflows to construction was 29.80%, mining 22.5%, manufacturing 14%, finance 13.2%, leasing and business services 5.3% and others 15.2%. The investment in manufacturing, mining and construction sector accounted for 66.3% of total FDI in 2017. UNCTAD reveals that, the Greenfield FDI in manufacturing sector (clothing, leather and textiles) are relatively 20 times stable compare to previous years.⁷ The investments in the manufacturing industry are germane to SSA economic diversification which represents a larger portion of total GDP. However, the Chinese FDI are helping in accelerating the rate of investment especially in the area of skills, knowledge and technology transfers in less developed nations. The growth and development of the many sectors leads to the provision of employment for the growing population in SSA.

⁴ UNCTAD. (2019). *World investment report: Special economic zones*. New York, United Nations Publishing. Retrieved June 15, 2021, from https://unctad.org/system/files/official-document/wir2019_en.pdf

⁵ MOFCOM. (2012). *Annual cooperative audit online of national foreign investment enterprises*. Beijing. Retrieved April 12, 2021, from http://www.fdi.gov.cn/1800000121_10000029_8.html

⁶ UNCTAD. (2018). *World investment report: Investment and new industrial policies*. New York, United Nations Publishing. Retrieved June 15, 2021, from https://unctad.org/system/files/official-document/wir2018_en.pdf

⁷ Ibid.

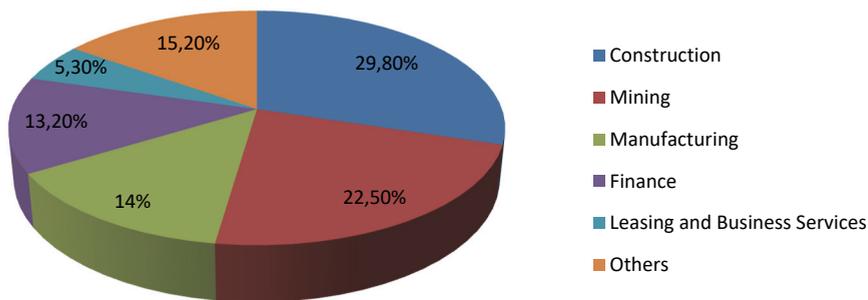

Figure 3. Top five most finance sectors by China FDI in 2017 for Sub-Saharan Africa

Source: Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment 2017. Retrieved June 15, 2021, from <https://www.purpleculture.net/statistical-bulletin-of-chinas-outward-foreign-direct-investment-bs-1117/>

Conclusion

Foreign direct investments enhance economic growth and development in the recipient country. Sub-Saharan Africa countries are beneficiaries of foreign direct investment from China. In spite of the laudable economic benefits of Chinese FDI in telecommunication, manufacturing, banking, transportation and construction industry to the recipient countries in Sub-Saharan Africa, the living standard of the people and social infrastructural facilities, employment conditions and many others remain on the increase. Chinese investors should be encouraged by the SSA to invest in various industries in nation economies in the continent of Africa. This can be done by improving the financial markets to attract Chinese foreigners to invest their money in various securities such as corporate bonds and equities (stocks). SSA must ensure that China investors are doing businesses in accordance with the laws and regulations governing business operations; A Memorandum of Understanding (MOU) between SSA and Chinese investors should be entered into to encourage Public-Private Partnership (PPP) and increase the investment opportunities in the country. Foreign investors must be protected against nationalization and expropriation.

References

- Agwu, M.E. (2014). Foreign direct investments: A review from the Nigerian Perspective. *Research Journal of Business and Management*, (1(3)), 318–337.
- Asiedu, E. (2003). Capital controls and foreign direct investment. *World Development*, 32(3), 479–490.
- Ayanwale, A.B. (2007). *FDI and economic growth: Evidence from Nigeria*. AERC Research Paper 165. African Economic Research Consortium, Nairobi. Retrieved April 12, 2021, from www.aercafrica.org/documents/rp_165.pdf
- Boldeanu, F.T., & Constantinescu, L. (2015). The main determinants affecting economic growth. *Bulletin of the Transilvania University of Braşov. Series V: Economic Sciences*, 8(2), 329–338. Retrieved June 15, 2021, from <https://ashraffeps.yolasite.com/resources/EuroMed/Fall2018/The%20main%20determinants%20affecting%20economic%20growth.pdf>
- Borensztein, E., De Gregorio, J., & Lee, J.W. (1998). How does foreign direct investment affect economic growth? *Journal of International Economics*, 45(1), 115–135.

- Donou-Adonsou, F., & Lim, S. (2018). On the importance of Chinese investment in Africa. *Review of Development Finance*, 8(1), 63–73. Retrieved June 15, 2021, from <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1879933718300551?via%3Dihub>
- Falki, N. (2009). Impact of foreign direct investment on economic growth in Pakistan. *International Review of Business Research Papers*, (5(5)), 110–120.
- Gorg, H., & Greenway, D. (2004). Much ado about nothing? Do domestic firms really benefit from foreign investment? *The World Bank Research Observer*, 19, 171–197.
- Gottschalk, R. (2001). *Lenders and investors' international portfolio allocation decisions: What do we know?* Sussex, Institute of Development Studies.
- Liu, Y., Hao, Y., & Gao, Y. (2017). The environmental consequences of domestic and foreign investment: Evidence from China. *Energy Policy*, 108, 271–280. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2017.05.055>
- Luo, Y., Xue, Q., & Han, B. (2010). How emerging market governments promote outward FDI: Experience from China. *Journal of World Business*, 45(1), 68–79. <https://doi.org/10.1016/j.jwb.2009.04.003>
- Megbowon, C., Mlambo, C., & Adekunle, B. (2019). Impact of China's outward FDI on Sub-Saharan Africa's industrialization: Evidence from 26 countries. *Cogent Economics & Finance*, 7, 1–14. <https://doi.org/10.1080/23322039.2019.1681054>
- Olofsdotter, K. (1998). Foreign direct investment, country capabilities and economic growth. *Weltwirtschaftliches Archiv*, 134(3), 534–547.
- Phillips, P.C.B., & Perron, P. (1988). Testing for a unit root in time series regression. *Biometrika*, 75, 335–346.
- Pigato, M., & Tang, W. (2015). *China and Africa: Expanding economic ties in an evolving global context*. Working Paper Series, Addis Ababa, Ethiopia.
- Sahoo, K., & Sethi, N. (2017). Impact of foreign capital on economic development in India: An econometric investigation. *Global Business Review*, 18(3), 1–15. <https://doi.org/10.1177/0972150917692198> <http://gbr.sagepub.com>
- Shahbaz, M., & Rahman, M.M. (2010). Foreign capital inflows-growth nexus and role of domestic financial sector: An ARDL co-integration approach for Pakistan. *J. Econ. Res.*, 15, 207–231.
- Solomon, H.C., & Eka, O.O. (2013). Impact of foreign direct investment on telecommunication sector on Nigerian economy. *International Journal of Modern Social Sciences*, 2(3), 195–215.

Сведения об авторах / Bio notes

Мадоджему Майкл, аспирант, кафедра международных экономических отношений, экономический факультет, Российский университет дружбы народов; преподаватель, Университет Амброуза Алли. E-mail: agomado@inbox.ru

Madojemu Michael, postgraduate student, Department of International Economic Relations (World Economy), Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); part time lecturer, Ambrose Alli University. E-mail: agomado@inbox.ru

Эхичиоя Отоекпашян Глори, доктор философии, старший преподаватель, Университет Амброуза Алли. E-mail: ehichioyaotorkpashanglory@gmail.com

Ehichioya Otoekpashian Glory, PhD, senior lecturer, Ambrose Alli University. E-mail: ehichioyaotorkpashanglory@gmail.com

Оби Сильвестр, аспирант, кафедра всеобщей истории, Российский университет дружбы народов. E-mail: fabiofreed@yahoo.com

Obi Sylvester, postgraduate student, Department of General History, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: fabiofreed@yahoo.com

Оланреваджу Темидайо Даниэль, магистрант, кафедра гражданского права, Университет «Синергия». E-mail: dtemidayo@mail.ru

Olanrewaju Temidayo Daniel, master student, Department of Civil Law, Synergy University. E-mail: dtemidayo@mail.ru

ЭССЕ
ESSAYS

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-4-806-813

Эссе / Essay

**К юбилею профессора, доктора географических наук
Ирины Александровны Родионовой – человека,
который стремится сделать мир лучше****О.В. Шувалова , Т.Ф. Крейденко ***Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6* dvigh@mail.ru

Аннотация. Доктор географических наук, профессор Ирина Александровна Родионова – признанный специалист в области географии промышленности. Более четверти века она отдала работе в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова и примерно столько же – работе в Российском университете дружбы народов. Ее жизнь наполнена встречами с интересными людьми, событиями. Были и сложности. Особенно тяжело пришлось научным и педагогическим работникам в 1990-е годы, когда многократно было урезано финансирование их работ. В науке осталось не так много специалистов. Ирина Александровна – одна из них. В 1990–2000-х годах многие студенты поступали в вузы на географические и экономические специальности по учебным пособиям И.А. Родионовой. Сложным выдался и 2021 год, когда практически вся образовательная и научная деятельность была временно переведена на дистанционный формат. Ирина Александровна справилась с этими проблемами, успешно работая и на преподавательском, и на научном поприще. Она щедро делится своими знаниями, опытом с коллегами и учениками, является разработчиком ряда дисциплин, читаемых в вузах. Под ее руководством успешно защищены 10 диссертационных работ. Из-под пера И.А. Родионовой вышло более 400 публикаций, многие из них она издавала в соавторстве с коллегами, учениками. Ирина Александровна принимала участие и создала сама множество учебников для вузов по географии промышленности, экономической географии, является одним из авторов атласа для школьного учебника географии 10–11 классов. Представленная статья – малая толика благодарности от коллег и учеников в честь юбилея И.А. Родионовой.

Ключевые слова: И.А. Родионова, экономика, география, география промышленности, индустриализация, экономическая география, высокотехнологичные отрасли экономики, РУДН, МГУ имени М.В. Ломоносова

История статьи: поступила в редакцию 12 августа 2021 г.; проверена – 17 сентября 2021 г.; принята к публикации – 18 ноября 2021 г.

Для цитирования: Шувалова О.В., Крейденко Т.Ф. К юбилею профессора, доктора географических наук Ирины Александровны Родионовой – человека, который стремится сделать мир лучше // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29. № 4. С. 806–813. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-806-813>

To the anniversary of Professor, Doctor of Geography Irina Rodionova – a woman who works to make the world a better place

Olga V. Shuvalova , Tatiana F. Kreydenko

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

 dvigh@mail.ru

Abstract. Doctor of Geography, Professor Irina Alexandrovna Rodionova – recognized specialist in the field of industrial geography. For more than a quarter of a century she gave to work at the Lomonosov Moscow State University and about the same number – work at the Peoples' Friendship University of Russia. Her life is full of events and meetings with interesting people. There were also difficulties. It was especially hard for scientific and pedagogical workers in the 1990s, when their work was poorly funded. Specialists did not remain in science, but Irina Alexandrovna did not leave it. In the 1990–2000s, many students knew I.A. Rodionova from textbooks. Using them, they entered universities in geographical and economic specialties. 2021 was also a difficult year, when distance learning was introduced. Conferences were also held remotely. Irina Alexandrovna coped with these problems, successfully working both in the teaching and in the scientific field. She generously shares her knowledge and experience with colleagues and students and is the developer of a number of disciplines taught at universities. Under her leadership, 10 dissertations were successfully defended. I.A. Rodionova is the author of more than 400 publications, many of which she published in co-authorship with colleagues and students. She took part and created many textbooks for universities on the geography of industry, economic geography, and is one of the authors of the atlas for the school textbook on geography of grades 10–11. This article – a small fraction of gratitude from colleagues and students in honor of the anniversary of I.A. Rodionova.

Keywords: I.A. Rodionova, economics, geography, geography of industry, industrialization, economic geography, high-tech sectors, RUDN University, Lomonosov Moscow State University

Article history: received August 12, 2021; revised September 17, 2021; accepted November 18, 2021.

For citation: Shuvalova, O.V., & Kreydenko, T.F. (2021). To the anniversary of Professor, Doctor of Geography Irina Rodionova – a woman who works to make the world a better place. *RUDN Journal of Economics*, 29(4), 806–813. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-806-813>

В 2021 г. отмечает свой юбилей известный ученый, один из ведущих специалистов в области географии промышленности не только на постсоветском пространстве, но и в мире – Ирина Александровна Родионова. Ее имя известно не только большинству студентов, поступавших на географические и экономические специальности вузов на стыке двух тысячелетий – в 1990–2000-х гг., но и современным студентам, изучающим отраслевые и пространственные особенности развития мировой промышленности.

И.А. Родионова – профессор международного уровня, известный ученый, доктор географических наук. В ее послужном списке более 400 публикаций (монографии, учебники, учебные пособия, научные статьи и учебно-методические работы). Более 40 научных статей было опубликовано в зарубежных журналах Польши, Болгарии, Сербии, Румынии, Венесуэлы, Турции, Беларуси, Казахстана, Украины, Молдавии и др. В международной наукометрической базе данных Scopus размещены ссылки на 20 ее научных публикаций, а в научной электронной библиотеке – почти на 300 ее работ с общим количеством цитирования, равным 1500.

Жизнь Ирины Александровны наполнена событиями, встречами с интересными людьми, неожиданными поворотами. Ирина Александровна – это человек, который многого добился сам, благодаря своей целеустремленности, оптимизму, безграничной любви к жизни, окружающим ее людям и тому делу, которым она занимается.

Закончив в 1974 г. с красным дипломом Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии (МИИГАиК, ныне университет), Ирина Александровна несколько лет отдала трудоемкому труду дешифровки аэрофотоснимков и космических снимков и составлению карт в качестве старшего инженера кафедры аэрофотосъемки своего альма-матер. Почти 25 лет, с 1982 г., ее жизнь была тесно и неразрывно связана с ведущим вузом страны – Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова. Работая в качестве старшего лаборанта, затем научного и впоследствии ведущего научного сотрудника кафедры экономической и политической географии капиталистических стран географического факультета (с 1991 г. – кафедра социально-экономической географии зарубежных стран), Ирина Александровна не только активно включилась в работу по составлению карт, но и, расширив сферу своих научных интересов, начала активно участвовать в реализации многочисленных научно-исследовательских проектов и работать над кандидатской диссертацией.

Ирина Александровна приняла участие в создании одной из самых значимых работ в экономической и социальной географии – учебника «Социально-экономическая география зарубежного мира» под редакцией Виктора Вацлавовича Вольского. Ее рукой написан раздел учебника «Среда обитания: ресурсы и проблемы», созданы и отредактированы карты учебника.

Продолжением ее активной научно-исследовательской работы стала защита в 1992 г. на географическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова кандидатской диссертации по специальности «Экономическая и социальная география». Тема диссертации – «Картографическая интерпретация проблемы социально-экономической отсталости развивающихся стран в комплексных атласах (методика и практика)».

В нестабильные 1990-е гг. в условиях, когда государство не было в состоянии в должной мере поддерживать науку и образование, Ирина Александровна, несмотря на все сложности и перипетии, сохранила преданность своему делу. В 1994 г. она открывает новую страницу своей биографии – начинает научно-исследовательскую и научно-педагогическую деятельность на экономическом факультете Российского университета дружбы народов. Более 10 лет Ирина Александровна работала параллельно в двух вузах. На протя-

жении этого периода ведется активная работа по сбору, переработке и публикации актуальной информации о состоянии мирового хозяйства, географии промышленности. Результатом такого колоссального труда стало издание серии учебных пособий по экономической и социальной географии, в том числе для поступающих в вузы. На долгие годы эти издания будут уникальным источником актуальной информации об отечественных и зарубежных теориях размещения производства, географии городов, пространственных особенностях развития отраслевых рынков мировой экономики, современной политической географии. Пособия Ирины Александровны пользовались огромной популярностью среди абитуриентов высших учебных заведений различных профилей и направлений.

Длительная и кропотливая работа над обобщением обширного теоретического, статистического и картографического материала привела к созданию серьезного научного труда. В 2003 г. на географическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова Ирина Александровна блестяще защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора географических наук по специальности «Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география». Тема диссертации – «Структурные сдвиги в промышленности мира во второй половине XX века: макрогеографический анализ». Именно эта тема становится главной в ее дальнейшей научно-исследовательской работе. Ирину Александровну многие знают именно как специалиста по географии промышленности. В РУДН (помимо многих других) ею были созданы соответствующие курсы – «Индустриальный сектор мировой экономики», «Глобальные тренды развития мировой промышленности». В 2005 г. И.А. Родионовой присваивается ученое звание профессора по кафедре региональной экономики и географии РУДН.

Ирина Александровна – человек, который стремится быть лучше и сделать мир лучше. Человек, который тратит свою энергию, силы ради других. Делится с людьми тем, что умеет великолепно делать.

Есть стихи Владимира Высоцкого:

«Я до рвоты, ребята, за вас хлопочу!
Может, кто-то когда-то поставит свечу
Мне за голый мой нерв, на котором кричу,
И веселый манер, на котором шучу...»

Во многом эти стихи относятся и к Ирине Александровне. Преподавательская профессия предполагает «сеять разумное, доброе, вечное». Эти слова можно считать девизом Ирины Александровны. Она не только сама живет интересной, насыщенной жизнью, но и «заражает» своей энергией всех окружающих. Ее бескорыстная помощь и поддержка стимулирует ее окружение к проявлению активной жизненной позиции во всем.

Ирина Александровна стала проводником в жизнь, в науку большого количества людей. Под ее руководством 10 аспирантов экономического факультета РУДН успешно защитили свои диссертации. За период, когда она была ответственной на факультете по научно-исследовательской работе со студентами, результаты многих научных работ ребят под ее научным руководством получили признание на университетском и всероссийском уровне и были отмечены медалями и дипломами Министерства образования РФ.

За эту работу со студентами в 2005 г. она получила отраслевую награду Министерства образования и науки Российской Федерации. С 2005 по 2019 г. Ирина Александровна была руководителем работы межкафедрального постоянно действующего методологического семинара «Глобалистика и геоэкономическая стратегия» на экономическом факультете РУДН.

Ирина Александровна умеет зажечь идеями и своим энтузиазмом всех вокруг, организовать коллег для совместного решения поставленных задач. Стоит только взглянуть на количество соавторов в ее статьях, чтобы понять широту души этого человека. Под ее редактированием регулярно выходят сборники трудов ученых, учебники и коллективные монографии.

Ее учебник для академического бакалавриата «Экономическая и социальная география мира» (Юрайт, Москва) с 2012 г. выдержал несколько изданий, был рекомендован Учебно-методическим отделом высшего образования в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающимся по всем направлениям. И по прошествии 10 лет он востребован, особенно в условиях развития дистанционного образования – ведь у него существует электронная версия.

За таким результатом стоит титанический ежедневный труд человека, который зачастую несет ответственность не только за себя, но и за близких ей по духу людей. Все, за что она берется, она доводит до конца. Такая высокая «производительность», наверное, связана с тем, что Ирина Александровна умеет хорошо организовать рабочий процесс. Ей присуща черта – все делать вовремя и даже чуть заранее. Может быть, поэтому ей приходится выполнять работу, неподъемную для других людей.

Имя Ирины Александровны Родионовой широко известно не только в России, но и за рубежом. Она и сейчас является членом редколлегии иностранных и российских научных журналов: «Вестник КазНУ. Серия географическая» (Алма-Ата, Казахстан); «Журнал Белорусского государственного университета. География. Геология» (Минск, Беларусь); «Россия и Азия» (Москва, Россия); «География в школе» (Москва, Россия).

И даже в непростых современных условиях дистанционного формата работы Ирина Александровна успешна и востребована. Она продолжает общаться с широким кругом ученых, преподавателей, студентов, не только в Москве, но и по всей России, и за рубежом. С 2010 г. профессор Родионова по программе «Привлечение зарубежных специалистов» неоднократно читала лекции для студентов бакалавриата, магистрантов и докторантов в Казахском национальном университете имени Аль-Фараби (Алма-Ата, Казахстан), Западно-Казахстанском государственном университете имени М. Утемисова (Уральск, Казахстан), Белорусском государственном университете (Минск, Беларусь) и др.

Заслуги Ирины Александровны были отмечены. В 2005 г. от Министерства образования и науки Российской Федерации она получила нагрудный знак «За научные достижения в образовании России» («За развитие научно-исследовательской работы студентов»), а в 2012 г. ей присуждено звание «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» за заслуги в области образования. В 2014 г. по приказу ректора РУДН она была награждена почетным знаком «За достижения в области науки и инноваций». Мно-

гочисленных почетных грамот от Ректората РУДН и дипломов Министерства образования Российской Федерации не счесть.

Нам повезло работать с Ириной Александровной как аспирантам (она выступала официальным оппонентом на защите наших кандидатских диссертаций, выполненных под руководством Сергея Николаевича Раковского и Олега Владимировича Витковского), так и в качестве уже ее молодых коллег в РУДН. И вот уже около 20 лет Ирина Александровна продолжает помогать и поддерживать нас в работе.

Ирина Александровна – счастливая мама и бабушка. Ее дети с отличием окончили РУДН (дочь – юридический, сын – экономический факультет) и подарили ей четверых прекрасных внуков.

А кто же не помнит веселые музыкальные номера самодеятельности кафедры региональной экономики и географии на ежегодных праздниках экономического факультета РУДН, инициатором и активным исполнителем которых была профессор Родионова, или наивкуснейшие пироги в ее исполнении? Талантливый человек талантлив во всем – это то, что очень точно описывает жизненный путь Ирины Александровны.

Даже трудно поверить, что эта молодая, веселая, симпатичная, жизнерадостная, сильная и чрезвычайно работоспособная женщина в августе 2021 г. перешагнула 70-летний рубеж. Пожелаем же ей новых творческих успехов, здоровья и счастья!

Без помощи Ирины Александровны огромное количество людей не смогли бы достичь тех вершин, которых достигли. И мы, ученики и коллеги, выражаем огромную признательность и благодарность Ирине Александровне за эту помощь.

Список избранных научных трудов Ирины Александровны Родионовой

1. Родионова И.А. Пространственный вектор развития высокотехнологичного производства в мире в XXI веке // География в школе. 2021. № 3. С. 3–13.
2. Родионова И.А., Угрюмова А.А. США и Китай – лидеры мировой наукоемкой высокотехнологичной индустрии: сравнительный анализ позиций // Региональная экономика: теория и практика. 2021. Т. 19. № 3(486). С. 400–428.
3. Rodionova, I. (2021). Global industrial development trends: Dynamics and regional aspects. *Al-Farabi Kazakh National University Journal of Geography and Environmental Management*, (1(60)), 17–26.
4. Родионова И.А. Экономическая и социальная география мира: учебник для академического бакалавриата: в 2 т. 3-е изд. М.: Юрайт, 2020. Т. 1. 431 с.; Т. 2. 275 с.
5. Холина В.Н., Наумов А.С., Родионова И.А. География: углубленный уровень: атлас для учащихся, студентов, преподавателей. 5-е изд. М.: Дрофа, 2019. 80 с.
6. Родионова И.А. Цифровая трансформация и индустриализация: сравнительный анализ постсоветских экономик // *Journal of Economy and Finance*. 2020. № 1. С. 28–38.
7. Rodionova, I. (2020). The shifts in the spatial structure of the world bauxite industry and Guinea's position in the industry. *Espacios. Sociacion de Profesionales y Tecnicos del CONICIT*, 41(21), 11–21.
8. Родионова И.А., Кокуйцева Т.В., Харламов М.М. Особенности развития цифровизации в Российской Федерации и в развитых странах мира: анализ позиций в международных рейтингах // *Экономические отношения*. 2020. Т. 10. № 2. С. 381–394.

9. Rodionova, I., Kokuytseva, T., & Mađry, C. (2020). World manufacturing industries in post-industrial society: Tendencies and regional shifts. In N.K. Gabdrakhmanov & L.N. Saifiullin (Eds.), *Regional Economic Development in Russia: Institutions, Regulations, and Structural Transformations* (pp. 253–264). Kazan.
10. Kokuytseva, T.V., Rodionova, I.A., Damjanovic, V. (2019). Preconditions for the transition of developed and developing countries to the cyber economy through the process of digital modernization. In V.M. Filippov, A. Chursin, J. Ragulina, & E. Popkova (Eds.), *The Cyber Economy. Opportunities and Challenges for Artificial Intelligence in the Digital Workplace* (pp. 51–59). Springer Nature Switzerland. Retrieved March 31, 2021, from https://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-3-030-31566-5_6
11. Chernyaev, M., Grigorieva, E., Kreidenko, T., & Rodionova, I. (2019). Methodology of the process of improving the support tools for fuel and energy complex within the context of achieving energy efficiency and energy independence of the region. *International Journal of Energy Economics and Policy*, 9(1), 250–261. <https://doi.org/10.32479/ijeep.6970>
12. Rodionova, I., Krejdenko, T., & Mađry, C. (2018). Cluster policy in the Russian Federation: A case study of industrial clusters. *Quaestiones Geographicae*, 37(2), 61–75.
13. Родионова И.А. Новый расклад мировых промышленных сил и Китай // На пути к Китайскому миру: коллективная монография / под ред. Н.А. Служи. М.: Изд-во Московского университета, 2018. С. 92–98.
14. Shuvalova, O.V., Chernyaev M.V., Rodionova, I.A., & Korenevskaya, A.V. (2018). Peculiarities of the Russian and German energy policies in the field of alternative energy development. *International Journal of Energy Economics and Policy*, 8(4), 199–206.
15. Родионова И.А., Шувалова О.В. Глобальные тенденции развития мировой промышленности: коллективная монография. М.: РУДН, 2018. 200 с.
16. Rodionova, I.A., Kokuytseva, T.V., & Semenov, A.S. (2018). Mathematical model of the influence of innovative development factors on the economy of leading countries and Russia. *International Journal of Engineering & Technology*, 7(4.38), 406–411
17. Rodionova, I.A., Chernyaev, M.V., & Korenevskaya, A.V. (2017). Energy safety and innovative development of the BRICS states. *International Journal of Energy Economics and Policy*, 7(3), 216–224.
18. Богачев И.И., Крейденко Т.Ф., Родионова И.А. Эффективность деятельности предприятий в условиях кластеризации в регионах РФ: монография / под ред. И.А. Родионовой. М.: Университетская книга, 2017. 238 с.
19. Метаморфозы в пространственной организации мировой экономики в начале XXI века / под ред. И.А. Родионовой. М.: Университетская книга, 2016. 296 с.
20. Меркулов К.А., Родионова И.А. Особенности интегрирования ОАЭ в мировую экономику // Фундаментальные исследования. 2015. № 2. Ч. 13. С. 2920–2924.
21. Родионова И.А., Нусинова Г.Н., Тогбергенова А.А. Дуниежүзінін экономикалық элеуметтік және саяси географиясы. Алматы: Казак Университеті, 2014. 413 с.
22. Rodionova, I.A. (2014). World industry in post-industrial society: Tendencies and regional shifts. *Miscellanea Geographica*, 18(1), 31–36.
23. Галкин М.А., Родионова И.А. Национальные инновационные системы в условиях интернационализации научно-исследовательской деятельности: коллективная монография / под ред. И.А. Родионовой. М.: Экон-Информ, 2013. 164 с.
24. Рынок труда и занятость населения в начале XXI в.: Европа, Польша, Россия / под ред. И.А. Родионовой. М.: Экон-информ, 2013. 230 с.
25. Родионова И.А., Шкваря Л.В. На пороге «Азиатского индустриального века» // Азия и Африка сегодня. 2012. № 12 (665). С. 2–5.
26. Родионова И.А., Шувалова О.В. Некоторые структурные особенности развития мировой энергетики, основанной на альтернативных возобновляемых источниках энергии // Вестник Финансового университета. 2011. Вып. 5. С. 74–82.
27. Россия и Польша: проблемы и перспективы экономического роста / под ред. И.А. Родионовой. М.: Экон-Информ, 2011. 199 с.

28. Родионова И.А. *Мировая экономика: индустриальный сектор: учебное пособие*. М.: РУДН, 2010. 606 с.
29. Rodionova, I., & Gordeeva, A. (2010). Human development index and informatization of society in CIS. *Bulletin of Geography*, 13, 79–88. Retrieved March 31, 2021, from http://www.bulletinofgeography.umk.pl/13_2010/06_rodionowa.html
30. Родионова И.А., Холина В.Н. Курс «Экономическая география» в вузах в контексте проблемы формирования профессиональных компетенций экономистов // Вестник Финансового университета. 2010. Вып. 5. С. 46–51.
31. Изменения в пространственной организации промышленности мира: вторая половина XX в. – начало XXI в.: коллективная монография / под ред. И.А. Родионовой. М.: Экон-Информ, 2009. 260 с.
32. Родионова И.А. *Мировая промышленность: структурные сдвиги и тенденции развития (вторая половина XX – начало XXI вв.)*. М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2009. 231 с.
33. Родионова И.А., Рубцов В.А., Хуснутдинова С.Р. Современная экономическая политика: региональный и местный уровень // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2009. № 2. С. 71–73.
34. Родионова И.А., Бунакова Т.М. *Экономическая география: учебно-справочное пособие*. 10-е изд. М.: Московский лицей, 2009. 464 с.
35. Родионова И.А. *Экономическая география: весь курс: для выпускников и абитуриентов*. М.: ЭКСМО, 2008. 576 с.
36. Родионова И.А., Елагин С.А., Холина В.Н., Шолудько А.Н. *Экономическая, социальная и политическая география: мир, регионы, страны*. М.: Экон-Информ, 2008. 492 с.
37. Родионова И.А. *Среда обитания: ресурсы и проблемы* // Социально-экономическая география зарубежного мира / под ред. В.В. Вольского. М.: Дрофа, 2005. 557 с.
38. Родионова И.А. 2003. Пространственное перераспределение промышленного производства мира (макрорегиональный уровень) // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2003. № 4. С. 58–68.
39. Родионова И.А. *Структурные сдвиги в промышленности мира во второй половине XX века: макрогеографический анализ: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук*. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2003.
40. Родионова И.А. *Картографическая интерпретация проблемы социально-экономической отсталости развивающихся стран в комплексных атласах (методика и практика): автореф. дис. ... канд. геогр. наук*. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 1992.

Сведения об авторах / Bio notes

Шувалова Ольга Владимировна, кандидат географических наук, доцент, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0000-0002-7273-7461. E-mail: dvigh@mail.ru

Olga V. Shuvalova, Candidate of Science (in Geography), Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). ORCID: 0000-0002-7273-7461. E-mail: dvigh@mail.ru

Крейденко Татьяна Федоровна, кандидат географических наук, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0000-0002-1664-9395. E-mail: t.krejdenko@mail.ru

Tatiana F. Kreydenko, Candidate of Science (in Geography), Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). ORCID: 0000-0002-1664-9395. E-mail: t.krejdenko@mail.ru